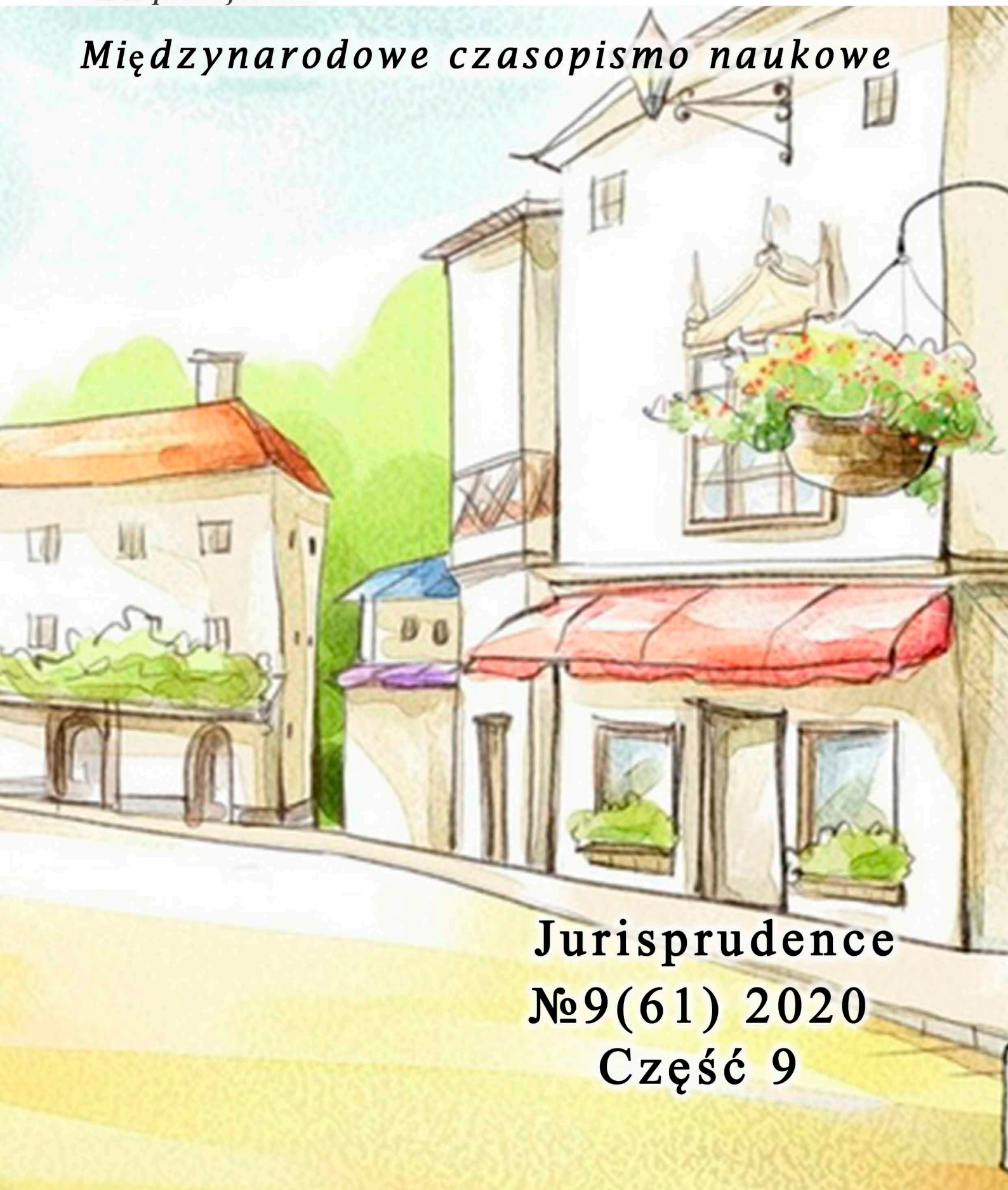

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Międzynarodowe czasopismo naukowe

Jurisprudence
№9(61) 2020
Część 9

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Colloquium-journal №9 (61), 2020

Część 9

(Warszawa, Polska)

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**
Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Mateusz Jabłoński** - politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** – profesor, dziekan wydziału elektrotechniki i informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - profesor nadzwyczajny w katedrze projektowania środowiska architektonicznego, Kijowski narodowy Uniwersytet budownictwa i architektury.
- **Leontiev Rudolf Georgievich** - doktor nauk ekonomicznych, profesor wyższej komisji atestacyjnej, główny naukowiec federalnego centrum badawczego chabarowska, dalekowschodni oddział rosyjskiej akademii nauk
- **Serebrennikova Anna Valerievna** - doktor prawa, profesor wydziału prawa karnego i kryminologii uniwersytetu Moskiewskiego M.V. Lomonosova, Rosja
- **Skopa Vitaliy Aleksandrovich** - doktor nauk historycznych, kierownik katedry filozofii i kulturoznawstwa
- **Pogrebnaya Yana Vsevolodovna** - doktor filologii, profesor nadzwyczajny, stawropolski państwowy Instytut pedagogiczny
- **Fanil Timeryanowicz Kuzbekov** - kandydat nauk historycznych, doktor nauk filologicznych. profesor, wydział Dziennikarstwa, Bashgosuniversitet
- **Kanivets Alexander Vasilievich** - kandydat nauk technicznych, docent wydziału dyscypliny inżynierii ogólnej wydziału inżynierii i technologii państwowej akademii rolniczej w Połtawie
- **Yavorska-Vitkovska Monika** - doktor edukacji, szkoła Kuyavsky-Pomorsk w bidgoszczu, dziekan nauk o filozofii i biologii; doktor edukacji, profesor
- **Chernyak Lev Pavlovich** - doktor nauk technicznych, profesor, katedra technologii chemicznej materiałów kompozytowych narodowy uniwersytet techniczny Ukrainy „Politechnika w Kijowie”
- **Vorona-Slivinskaya Lyubov Grigoryevna** - doktor nauk ekonomicznych, profesor, St. Petersburg University of Management Technologia i ekonomia
- **Voskresenskaya Elena Vladimirovna** doktor prawa, kierownik Katedry Prawa Cywilnego i Ochrony Własności Intelektualnej w dziedzinie techniki, Politechnika im. Piotra Wielkiego w Sankt Petersburgu
- **Tengiz Magradze** - doktor filozofii w dziedzinie energetyki i elektrotechniki, Georgian Technical University, Tbilisi, Gruzja
- **Usta-Azizova Dilnoza Ahrarovna** - kandydat nauk pedagogicznych, profesor nadzwyczajny, Tashkent Pediatric Medical Institute, Uzbekistan

    SlideShare

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>

CONTENTS

JURISPRUDENCE

Галлямов Е.Д.

ПРОБЛЕМА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ДАВНОСТНОГО ВЛАДЕЛЬЦА В ПРАКТИКЕ СУДОВ ОБЩЕЙ
ЮРИСДИКЦИИ5

Gallyamov E.D.

THE PROBLEM OF GOOD FAITH OF BONITARY OWNER IN GENERAL JURISDICTION COURTS.....5

Хахановський В.Г., Гребенькова М.С.

АНАЛІЗ СУЧАСНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ У СФЕРІ ЕЛЕКТРОННИХ ВІДОБРАЖЕНЬ.....8

Khakhanovsky V.G., Hrebenkova M.S.

ANALYSIS OF MODERN RESEARCH IN THE FIELD OF ELECTRONIC MAPPING8

Доронина П.Е., Ивлева А.Ф.

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК КАТЕГОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА.....11

Doronina P.E., Ivleva A.F.

GENERALLY ACCEPTED NORMS OF INTERNATIONAL LAW AS CATEGORY OF RUSSIAN COSTITUTIONAL LAW11

Доронина П.Е., Ивлева А.Ф.

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГООБЛОЖЕНИИ НЕДВИЖИМОСТИ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ15

Doronina P.E., Ivleva A.F.

NOVELTIES OF LEGISLATION ON REAL ESTATE TAXATION15

Идрисов Х.В.

ВЗАИМОРАСЧЁТЫ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ.....18

Idrisov H. V.

MUTUAL SETTLEMENTS BETWEEN THE SUBJECTS
OF CONTRACTUAL RELATIONS VIA ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT18

Козубенко Ю.А., Головин М.В.

К ВОПРОСУ О ВИДАХ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....20

Kozubenko Yu.A., Golovin M.V.

ON THE QUESTION OF THE TYPES OF INVESTIGATIVE EXPERIMENTS20

Куркова К.М.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США: СТАНОВЛЕНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ22

Kurkova Kseniia

US SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POLICY: FORMATION OF REGULATORY REGULATION22

Малеваник А.А., Нагорянская С.Ю.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....25

Malevanuk Alina Andreevna, Nagoryanskaya S. Yu.

PROBLEMS OF ORGANIZED CRIME IN MODERN RUSSIA25

Мельник Н.А., Шпак Н.М.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО
ПРОИЗВОДСТВА И СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ27

Melnik N.A., Shpak N.M.

FEATURES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL PRODUCTION AND SALE NARCOTIC DRUG.....27

Мирошниченко О.Г.

ПРАВО РЕБЕНКА НА ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ30

Miroshnichenko O.G.

THE RIGHT OF A CHILD TO BE RAISED IN A FAMILY WHEN THE PARENTS ARE SEPARATED30

Егорова О.А. УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ «СПРАВЕДЛИВОСТИ»	32
Egorova O. A. CREDIBILITY AND MOTIVATION OF THE EXPERT OPINION AS A GUARANTEE OF PROCEDURAL «FAIRNESS».....	32
Приходько А.А. ЧОМУ ДЛЯ ЄВРОПЕЙСЬКОГО СОЮЗУ ТАК ВАЖЛИВО СПІЛЬНО ПРОТИДІЯТИ КОРУПЦІЇ?.....	36
Prikhodko A.A. WHY IS IT SO IMPORTANT FOR THE EUROPEAN UNION TO ACT JOINTLY AGAINST CORRUPTION?	36
Рассоха Е.А. ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА	38
Rassokha E.A. DECriminalIZATION OF ECONOMIC CRIMES AS A LEGISLATIVE TREND.....	38
Агаева А.А., Сагдиева Э.М. ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗЕМЕЛЬ	41
Agaeva A.A., Sagdieva E.M. LEGAL PROTECTION OF LANDS	41
Уваннай Монге-Назын Витальевич РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	43
Uvannay Monge-Nazyn Vitalevich THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SUPPRESSION OF CRIMES USING THE INTERNET	43
Жукова Н. И., Кузнецов В. А., Цветков А. В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ПРОЕКТЕ НОВОГО КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	46
Zhukova N. I., Kuznecov V. A., Tsvetkov A. V. IMPLEMENTATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN THE DRAFT NEW CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES.....	46
Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	48
Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V. CONCEPT AND MEANING OF SECURING MEASURES IN THE ARBITRATION PROCESS	48
Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В. ВИДЫ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	50
Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V. TYPES OF SECURING MEASURES IN THE ARBITRATION PROCESS.....	50
Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В. К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ШТРАФА.....	52
Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V. TO THE QUESTION OF THE IMPORTANCE OF THE INSTITUTE OF THE JUDICIAL STRIP	52
Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В. ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ИЛИ СОДЕЙСТВИЯ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА	54
Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V. BACKGROUND CRIMINALIZATION OF THE WORSHIP TO THE PERFORMANCE OF SUCCESS OR PROMOTING THE SUCCESS	54
Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ	56
Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V. TO THE QUESTION ABOUT UNCERTAINTY IN THE LAW	56

Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В.	
УСМОТРЕНИЕ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ	57
Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V.	
DISCRETION IN LAW ENFORCEMENT: CONCEPT AND SIGNS	57
Ахатбек С.Б.	
РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	59
Akhatbek S.B.	
THE IMPLEMENTATION OF THE FUNDAMENTAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN WITHIN THE EUROPEAN UNION.	59
Тархов С.М.	
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ	61
Tarkhov S.Mi.	
HISTORY OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT	61
Денк А.В.	
КРИТЕРИИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ УСЛОВНО - ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ.....	63
Denk A.V.	
CRITERIA FOR CORRECTING CONVICTS ON PAROLE	63
Соколов Н.С.	
ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА АВТОРСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	66
Sokolov N.S.	
CONCEPT AND SPECIFICITY OF COPYRIGHT RELATIONS	66
Нестерова Т.И., Троицкая Е.С.	
УСЛОВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	68
Nesterova T.I., Troitskaya E.S.	
CONDITIONS OF CIVIL LEGAL RESPONSIBILITY	68
Карпова И.С.	
ПРАВОВОЕ РЕГИЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УРОВНЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ. ЧАСТЬ 1	71
Karpova I.S.	
LEGAL REGULATION OF ADVERTISING RELATIONS AT THE LEVEL OF MUNICIPAL EDUCATIONS OF RUSSIA. PART 1	71

JURISPRUDENCE

УДК 347.2/3

Галлямов Евгений Дмитриевич
Бакалавр юриспруденции, юрист ООО «Норма», Россия, Санкт-Петербург, 2020 год

ПРОБЛЕМА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ДАВНОСТНОГО ВЛАДЕЛЬЦА В ПРАКТИКЕ СУДОВ
ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Gallyamov Evgeniy
Bachelor of law, jurist of Norma ltd., Russia, Saint Petersburg, 2020

THE PROBLEM OF GOOD FAITH OF BONITARY OWNER IN GENERAL JURISDICTION
COURTS.**Аннотация.**

Рассматриваются актуальные вопросы признания права собственности на недвижимое имущество в порядке давностного владения, подходы к пониманию добросовестности в практике судов общей юрисдикции.

Abstract.

The article describes topical issues of recognition of real estate ownership rights by acquisitive prescription and discusses some approaches to understanding of bona fide in courts of general jurisdiction.

Ключевые слова: гражданское право, добросовестность, владение, право собственности, судебная практика.

Keywords: civil law, bona fide, possession, property rights, jurisdiction.

В настоящее время регистрационная система прав на недвижимое имущество в целях обеспечения интересов собственников недвижимости претерпевает регулярные изменения. С 1 января 2020 года в Гражданский кодекс были частично введены элементы принципа достоверности ЕГРН. Лицо, полагавшееся на реестр прав при приобретении имущества, признается добросовестным приобретателем, пока не доказана его осведомленность о том, что запись в реестре недостоверна. Намеченный курс призван обеспечить большую стабильность оборота недвижимости. Однако существуют основания для приобретения права на чужую недвижимую вещь без воли собственника, несмотря на запись в реестре.

Основания для приобретения права собственности на чужое недвижимое имущество в порядке давностного владения установлены в ст. 234 ГК РФ. Для такого приобретения владение должно быть открытым, добросовестным, непрерывным, «как своим» – оригинальным в терминологии Рыбалова Андрея Олеговича [3, с. 80]. Происходить оно должно в течение пятнадцати лет, но Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" предписывает считать началом течения такого срока момент после истечения срока исковой давности для виндикации. Постановление раскрывает содержание оснований признания права в порядке

давностного владения. Для признания права собственности за истцом необходимо, чтобы последний не скрывал факта владения, при этом принимая обычные меры для обеспечения сохранности, владел непрерывно, при этом допускается сдача в аренду. Наследование правопреемником не влечет прерывания срока. Владение «как своим» предполагает «владение не по договору». Добросовестным является владелец, который объективно заблуждался об отсутствии оснований возникновения у него права собственности, получая владение. Важно отметить, что добросовестность в смысле ст. 234 ГК РФ тождественна добросовестности из ст. 302 ГК РФ и отлична от добросовестности в ст. 10 ГК РФ. Последняя статья вводит презумпцию добросовестности, тогда как для 302 ГК РФ и 234 ГК РФ необходимо доказать, что приобретатель не знал и не должен был знать об отсутствии правомочия распоряжения имуществом у отчуждателя. В силу установленного принципа, после введения регистрационной системы с 1998 года, приобретатель, для того чтобы быть добросовестным в смысле давностного владения, должен получать владение только по воле записанного в реестре собственника по распорядительной сделке и рассчитывать на будущее «получение записи в реестре». Вещь приобретается внешне правомерными действиями, однако право собственности — в силу тех или иных обстоятельств — возникнуть не может. Обнаружив, что титул не возник, лицо владеет вещью «как своей собственной», то есть вместо собственника, без какого-либо правового основания [11] находится в восемнадцатилетнем ожидании, владея все это время недвижимостью открыто и

непрерывно. Впоследствии, по истечении указанного срока, владелец заявляет иск о признании права в порядке давностного владения, при этом, разумеется, уже само обращение в суд с таким иском является следствием осведомленности давностного владельца об отсутствии у него права собственности, представляет это очевидным для третьих лиц.

Согласно мнению Романа Сергеевича Бевзенко судьи, при принятии Постановления №10/22, исходя из принципов, впервые выработанных во второй книге Институций Юстиниана, согласно которому, в частности, давностный владелец «должен считать себя собственником и не знать, что он не собственник». Однако же районные суды, суды субъектов Российской Федерации руководствуются принципом «не знал кто собственник», установленным Псковской судной грамотой [12]. Зачастую признаются права на выморочное имущество, бесхозяйные вещи, имущество, полученное по договору.

Хрестоматийной представляется ситуация, в которой граждане имели в долевой собственности дом, проживали в нем, затем один из них умер, а наследников не обнаружилось. В результате второй долевой собственник приходит в суд с иском о признании права собственности на долю в недвижимом имуществе в порядке приобретательской давности. Ему абсолютно точно известно, что он недобросовестный владелец, «не может считать, что у него при получении владения возникло право собственности», это имущество выморочное. Суды же признают право и в мотивировочной части решения упоминают, что доводы ответчика, в чьем качестве выступает наследник – местная администрация, о том, что истец недобросовестный несостоятельны, ведь истец нес бремя содержания имущества, платил налоги, производил текущий ремонт, владел «как своим» [10]. В Городском суде Санкт-Петербурга сложился подход, по которому лицо, понимая, что не является собственником, по сути осуществляя захват чужого недвижимого имущества, владея им «как своим собственным», приобретает право в порядке давностного владения в нарушение предписаний закона и обязательных позиций Верховного суда [13]. В решении от 26 июля 2019 г. по делу № 33-28319\2019 Московский городской суд указывает: «...для признания давностного владения добросовестным достаточно установить, что гражданин осуществлял вместо публично-правового образования его права и обязанности, связанные с владением и пользованием названным имуществом...». Вопреки конкретным положениям Постановления 10/22 решение суда гласит «В связи с этим, тот факт, что спорная доля в праве собственности на квартиру является выморочным имуществом и в силу закона признается принадлежащей г.

Москве, сам по себе не является препятствием для применения ст. 234 ГК РФ. Также этот факт не может свидетельствовать о недобросовестном владении истцом данным имуществом».

Интересным представляется решение Свердловского областного суда по делу от 23 мая 2018 г. по делу № 33-8740/2018. Истец заявил иск о признании права в порядке приобретательской давности в отношении доли в праве на квартиру, ответчиком же выступил собственник доли, и привлечена администрация, признанная судом ненадлежащим ответчиком. Истцу с 1997 года был известен собственник комнаты, который также нес бремя содержания квартиры и платил за коммунальные услуги, но не проживал в квартире. В связи с этим Верх-Иретинский районный суд г. Екатеринбурга, руководствуясь п. 15 ППВС, ППВАС 10/22, счел истца недобросовестным владельцем и в иске отказал. Апелляционная инстанция указывает: «Добросовестность предполагает, что вступление во владение не было противоправным, совершено внешне правомерными действиями. Добросовестное заблуждение давностного владельца о наличии у него права собственности на данное имущество положениями статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации не предусмотрено в качестве обязательного условия для возникновения права собственности в силу приобретательской давности».¹

Суд, таким образом, считает положения Постановления о добросовестности, на которое он ссылается в других пунктах, необязательными. Далее суд вполне логично указывает: «Напротив, столь длительное владение вещью, право на которую отсутствует, предполагает, что давностный владелец способен знать об отсутствии у него такого права, особенно в отношении недвижимого имущества, возникновение права на которое, по общему правилу, требует формального основания и регистрации в публичном реестре. В том числе и в случае владения имуществом на основании недействительной сделки, когда по каким-либо причинам реституция не произведена, в случае отказа собственнику в истребовании у давностного владельца вещи по основаниям, предусмотренным статьей 302 ГК РФ, либо вследствие истечения срока исковой давности давностный владелец, как правило, может и должен знать об отсутствии у него законного основания права собственности, однако само по себе это не исключает возникновения права собственности в силу приобретательской давности».

В постановлении и утверждается, что давностный владелец, заявляя иск, знает, что он не собственник, но, получая владение, он должен считать, что им станет. В приведенном деле истец с самого начала знал, что не является собственником и вовсе не получал владение по распорядительной сделке от собственника. В редких случаях в практике

¹ Данная позиция впервые высказана в определении ВС РФ от 20 марта 2018 г. № 5-КГ18-3. Суд, сначала, утверждает, что получение владения должно произойти внешне правомерным способом, а затем, что лицу не обязательно считать себя собственником и «добросовестно

заблуждаться». В деле № 33-8740/2018 есть иные спорные обстоятельства, но в рамках данной статьи рассматриваются только доводы суда.

встречаются диаметрально противоположные решения, в которых суды правильно применяют положения п. 15 Постановления, не считают законным признать право собственности за давностными владельцами на выморочное имущество [4]. Однако, случаются и прецеденты, когда, вследствие отсутствия прав на выморочное имущество, по встречному иску подвергаются выселению семьи с малолетними детьми [5].

С институтом давностного владения тесно связан институт бесхозяйной вещи. Согласно п. 3 ст. 225 ГК РФ законодатель предполагает приобретение права собственности на бесхозяйные вещи по правилам приобретательской давности, что представляется невозможным в отношении недвижимого имущества, ведь критерий добросовестности давностного владельца априори не применить к бесхозной вещи. Как было ранее упомянуто, добросовестность предполагает, что, получая владения, приобретатель должен считать себя собственником, однако, это невозможно по определению в отношении вещи без собственника. Учитывая это факт, вероятно, законодатель, устанавливая эту норму, исходил из упомянутого псковского принципа, а пленум ВС РФ и ВАС РФ решил норму «перевернуть с ног на голову». В практике федеральных судов общей юрисдикции по большинству решений признаются права собственности государственных органов на газовые трубы низкого давления [6], канализационные системы [7], электросети [8], тепловые коммуникации [9], счетчики учета водоснабжения в многоквартирном доме [14] и подобные объекты материального мира. Вообще, стоит отметить, что после начала эксплуатации по назначению, правой статус упомянутых объектов весьма спорный. Существует практика, по которой все они перестают быть отдельными вещами и становятся принадлежностями главных вещей. В случаях с коммуникациями – становятся частями земельного участка, как ирригационная система орошения в решении ВАС РФ по делу № 4777/08 (дело ОАО «Верево») [15]. В случаях с электросетями и счетчиками – частями жилого дома, как в решении ВАС РФ по делу №10545/12 [16]. По логике, изложенной в решениях, эти объекты перестают быть вещами, соответственно, не могут быть бесхозными, на них не может быть признано право собственности. В практике судов общей юрисдикции Санкт-Петербурга также есть решения, по которым права были признаны на мосты [17], ДОТЫ [18], был признан бесхозным металлический ангар [19]. С мостами и ДОТами ситуацию можно рассмотреть в ключе римского взгляда на публичные вещи, раскрываемого Николаем Павловичем Карадже-Искровым [2, с. 60], согласно которому они внеоборотны. Нет необходимости регистрировать права на них в реестре, ведь регистрационная система служит, прежде всего, целям оборота, а не учета [1, с. 205]. Металлический ангар же признан бесхозным как движимая вещь, что не мешает ему стоять на кадастровом учете в ЕГРН и иметь адрес(!).

Представляется, что самой распространенной и последовательной практикой является признание права собственности в порядке приобретательской давности на имущество, полученное в собственность до введения реестра прав, но документы на которое не сохранились и права не удается внести в ЕГРН иным путем [20]. Только при данных обстоятельствах в судебной практике граждане объективно считают себя собственниками, получая владение, открыто и непрерывно владеют объектом, отвечают всем критериям п. 15 Постановления Пленума.

В вышеизложенной категории дел наблюдается два взаимопротиворечащих подхода, которые вызывают правовую неопределенность. Разрешение дела зависит не от права или предписаний закона, а от того, каких взглядов на добросовестность придерживается судья, принимающий решение. В результате собственники лишаются своих прав, так как они «не проявляют должного интереса к своему имуществу». Владельцы выморочного имущества, рассчитывая на такую судебную практику, предпринимают попытку признать права собственности за собой и в результате подвергаются выселению по встречному иску собственника.

Рациональным было бы либо изменить содержание добросовестности в Постановлении пленума №10/22, либо внести изменения в ст. 225 ГК РФ и 234 ГК РФ, потому как такая полярированность судебных актов в одинаковых обстоятельствах подрывает доверие к судебной системе у простых граждан и нарушает принцип равенства всех перед законом и судом, установленный статьей 19 Конституции Российской Федерации.

Список литературы:

1. Бевзенко Р.С. Вестник гражданского частного права, Регистрационный конструктор или как создать идеальную регистрационную систему? // М., «Изд. Им. Ема», 2018 г. - № 2. - С. 205–217;
2. Карадже-Искров Н. П. Публичные вещи // Иркутск, 1927 г., 77 с.
3. Рыбалов А. О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ) // М., М-Логос, 2017 г., 94 с.
4. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 29 октября 2019 г. по делу N 33-10781/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Девятого Кассационного Суда общей юрисдикции от 21 ноября 2019 г. по делу N 88-128/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Подольского районного суда города Москвы от 19 декабря 2019 г. по делу № 2-6685/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Люблинского районного суда города Москвы от 5 апреля 2019 г. по делу № 2-2492/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Ногинского городского суда города Московской области от 9 декабря 2019 г. по делу № 2-4589/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Хорошеевского районного суда города Москвы от 29 апреля 2019 г. по делу № 2-1107/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Решения Нагатинского районного суда города Москвы от 13 декабря 2019 г. по делу №2-7739/2019, от 13 декабря 2019 г. по делу №2-6073 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 29 октября 2019 г. по делу N 33-10781/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Бевзенко Р. С. Почему судьи гражданской коллегии верховного суда не знают законов своей страны? // [Электронный ресурс] - URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoj_kolleгии_verhovnogo_suda_ne_znayut_zakonov_svoej_strany__delo_o_priobretat

13. Апелляционные определения Санкт-Петербургского Городского Суда от 25 июля 2018 г. N 33-11681/2018, от 11 октября 2017 N 33-20992/2017, от 25 февраля.2020 по делу N 33-3503/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Решения Нагатинского районного суда города Москвы от 13 декабря 2019 г. по делу №2-7739/2019, от 13 декабря 2019 г. по делу №2-6073 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №

4777/08 от 12 января 2012 года. Высказывается мнение, в случае нахождения коммуникаций под землей или даже над землей, юридически грамотно оформлять права на них путем установления сервитута, как происходит в отношении земельных участков с ЛЭП.

16. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 января 2013 г. по делу № 10545/12 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Решение Колпинского районного суда города Санкт-Петербурга от 26 июня 2019 г. по делу №2-5284/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Решение Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 16 января 2019 г. по делу №2-329/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Решение Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга от 21 января 2019 г. по делу № 2-475/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Апелляционное определение Курганского областного суда от 5 апреля 2018 г. по делу N 33-895/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 34.06

*Хахановський Валерій Георгійович,
доктор юридичних наук, професор,
Національної академії внутрішніх справ
(Україна, Київ)*

*Гребенькова Маргарита Святославівна
ад'юнкт кафедри криміналістики та судових експертиз
Національної академії внутрішніх справ
(Україна, Київ)*

АНАЛІЗ СУЧАСНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ У СФЕРІ ЕЛЕКТРОННИХ ВІДОБРАЖЕНЬ

*Khakhanovsky Valery Georgievich,
Doctor of Law, Professor of the
National Academy of Internal Affairs
(Ukraine, Kyiv)*

*Hrebenkova Margaryta Svyatoslavovna
Adjunct of the Department of Criminology and Forensic Science
National Academy of Internal Affairs
(Ukraine, Kyiv)*

ANALYSIS OF MODERN RESEARCH IN THE FIELD OF ELECTRONIC MAPPING

Анотація

В статті визначається термін «електронне відображення», надано класифікацію електронних відображень за різними критеріями. Запропоновано розглядати електронні відображення як джерела доказів у кримінальних провадженнях.

Abstract

The article defines the term "electronic mapping", provides a classification of electronic mapping by different criteria. It is suggested to consider electronic mapping as sources of evidence in criminal proceedings.

Ключові слова: електронний (цифровий) носій, електронний документ, електронні відображення, джерело доказів.

Keywords: electronic (digital) media, electronic document, electronic mapping, source of evidence.

Стрімкий розвиток науки і техніки створює нові можливості для прогресу людства. Докази в електронному вигляді, які раніше в судах не сприймалися як допустимі, сьогодні вже є елементами доказової бази. На практиці виникає чимало питань щодо можливості використання як доказів інформації з Інтернету або оформленої на електронних носіях.

Електронний носій – матеріальний носій, який використовують для записування, зберігання та відтворення інформації, обробленої засобами комп'ютерної техніки. До електронних носіїв відносяться жорсткі диски, флеш-пам'ять, CD, DVD, Blue-ray, диски, дискети, касети на магнітній стрічці і т. ін.[9].

Цифровий (електронний) носій – один із видів носіїв інформації, який класифікується за формою сигналу і являє собою засіб реєстрації даних, який забезпечує зв'язок між інформацією та людиною, інформацією та ЕОМ, людиною та ЕОМ [10].

У статті 5 Закону України «Про електронні документи та електронний документообіг» надається таке визначення: Електронний документ – документ, інформація в якому зафіксована у вигляді електронних даних, включаючи обов'язкові реквізити документа. Електронний документ може бути створений, переданий, збережений і перетворений електронними засобами у візуальну форму. Візуальною формою подання електронного документа є відображення даних, які він містить, електронними засобами або на папері у формі, придатній для приймання його змісту людиною [2], тобто електронні відображення.

Стаття 10 цього Закону надає правовий статус електронним документам, згідно якого юридична сила та допустимість електронного документа не може бути заперечена виключно через те, що він має електронну форму.

Зміст електронного документа – це текстові та графічні частини, що складають документ. Контекст електронного документа – інформація про зв'язки задокументованої інформації з фізичними або юридичними особами та іншими документами. Структура електронного документа: внутрішня структура – це структура змістовної частини документа; зовнішня структура – це структура середовища, в якому існує електронний документ (носій інформації, формат файлу тощо)[8].

Відповідно до частини 1 статті 94 КПК України під час оцінювання доказів електронні відображення мають відповідати таким вимогам: належність, допустимість, достатність та достовірність [3, с. 281].

На сучасному етапі електронні відображення диференціюються фахівцями сфери бібліотекознавства та інформаційно-комунікаційних технологій як окремі види електронних ресурсів або електронних документів [5].

Нажаль, покищо законодавчо закріпленого терміну «електронне відображення» не існує, але науковці вже виділяють електронне відображення як джерело доказів в електронному вигляді. У частині

3 ст. 99 КПК України законодавець застосовує термін «електронний документ», очевидно, розуміючи під ним електронний носій інформації із зафіксованими на ньому відомостями [7, с. 114]: «Оригіналом документа є сам документ, а оригіналом електронного документа – його відображення, якому надається таке ж значення, як документу» [3, с. 295].

На цілком слушну думку вчених Ю.Ю. Орлова та С.С. Чернявського електронним відображенням є цілісна система відомостей та (або) комп'ютерних інструкцій в інформаційній мережі або на технічному носіїві, яка може бути використана як доказ факту чи обставин, що встановлюються під час кримінального провадження.

До електронних відображень, за умови наявності в них інформації, належать: 1) портали, сайти в комп'ютерній мережі; 2) електронні бази даних; 3) файли та групи файлів; 4) зміст електронної пошти, чатів; 5) вихідні та виконувані модулі комп'ютерних програм; 6) інші відомості та (або) комп'ютерні інструкції в інформаційній мережі або на технічному носіїві

Головними властивостями електронного відображення є його цілісність, системність та структурованість[6, с. 21].

Види електронних відображень можна класифікувати наступним чином:

1) Залежно від стану об'єктів на момент слідоутворення. Вони бувають:

а) статичними – електронні документи (файли), які представлені в мережі лише з можливістю перегляду та ознайомлення користувачами. Статичні документи зберігаються на сервері в незмінному вигляді до наступного безпосереднього втручання розробника документа. До статичних мережних документів належать: сайти-візитки, електронні ігри, програмні продукти, електронні образи друкованих видань тощо;

б) динамічними – електронні документи, зміст та структура яких змінюються залежно від умов їх використання, зокрема дій користувача або введення ним даних. Прикладом динамічних мережних документів є поштові сервери, портали, веб-сайти, що передбачають можливість аутентифікації користувача, тощо;

в) змінюваними (інтерактивними) – електронні документи, зміст та структура яких змінюються залежно від умов їх використання, зокрема дій користувача або введення ним даних. Наприклад: поштові сервери, Інтернет-портали, веб-сайти, трафік, що передбачають можливість аутентифікації користувача, тощо [7, с. 117; 5].

2) Залежно від режиму доступу. Такі електронні відображення поділяються на:

а) відкритого доступу;

б) з обмеженим доступом;

в) персонального доступу [5].

3) Залежно від способу доступу поділ відбувається на:

а) дані, що зберігаються в комп'ютерних системах або пристроях;

б) інформація, що передається в електронному вигляді через комунікаційні мережі: електронні відображення глобальних мереж (WAN-документи); електронні відображення міських мереж (MAN-документи); електронні відображення мережі Інтернет (інтернет-документи) [11; 5].

4) Залежно від форми. Електронні відображення класифікуються на:

а) поійменована область даних – файл;

б) масив даних з унікальною Інтернет-адресою – сайт;

в) сукупність систематизованих даних – база даних; комбінація комп'ютерних інструкцій і даних – комп'ютерна програма тощо [5].

5) Залежно від авторів (укладачів) виокремлюють електронні відображення, які створені:

а) юридичною або фізичною особою, що має офіційний статус (Інтернет-портали, сайти з ліцензованою діяльністю, ділове електронне листування);

б) приватними особами (приватне електронне листування, звуко- та відеозаписи тощо);

в) інформаційною системою в автоматичному режимі (трафіки з'єднань абонентів зв'язку, бази банківських провадочок тощо).

б) Залежно від призначення та відповідно до класифікації кіберзлочинів, що міститься в Конвенції про кіберзлочинність, можна визначити електронні відображення, які є знаряддям злочину:

а) призначені для несанкціонованого втручання в роботу комп'ютерів, зміни, знищення чи блокування опрацьовуваної інформації (шкідливі програмні продукти, спам);

б) призначені для комп'ютерного шахрайства (імітаційні сайти Інтернет-маркетингу, Інтернет-банкінгу тощо);

в) які містять заборонений контент (сайти з дитячою порнографією, закличками до насильницького змінення чи повалення конституційного ладу або до захоплення державної влади тощо);

г) використання яких порушує авторське право та суміжні права (банки комерційних комп'ютерних програм, аудіо- та відеопродуктів) [6, с. 21-22].

Відповідно до статті 91 КПК дослідження змісту електронного відображення та інформації в сервісних опціях операційної системи про це відображення, в загальному випадку дозволяє встановити:

1) подію кримінального правопорушення (наприклад, виявляючи сайт із забороненим контентом або з контентом, оприлюднення якого обмежено законом);

2) особу правопорушника (встановити ІР-адресу комп'ютера);

3) спосіб та обставини вчинення злочину (наприклад, аналізуючи зміст електронного листування, результати моніторингу банківських рахунків тощо);

4) характер і розмір шкоди, завданої злочином (які можуть полягати у порушенні функціонування певних електронних відображень, неправомірному перерахуванні електронних грошових коштів, пе-

редплаті ненаданих послуг (товарів), підробці документів, порушенні авторських прав тощо) [1; 7, с. 118].

На думку М.А. Погорецького та М.Є. Шумила найбільш питому вагу для доказування серед способів збирання доказів мають слідчі (розшукові) дії та негласні слідчі (розшукові) дії [3, с. 277]. Відповідно до статті 93 та 20 глави КПК електронні відображення можуть бути виявлені в ході обшуку (ст. 234), огляду (ст. 237), а також в ході тимчасового доступу до речей і документів як заходу забезпечення кримінального провадження (ст. 159). При цьому, відповідно до ч. 1 ст. 159 КПК України тимчасовий доступ до електронних інформаційних систем або їх частин, мобільних терміналів систем зв'язку здійснюється шляхом зняття копії інформації, що міститься в таких електронних інформаційних системах або їх частинах, мобільних терміналах систем зв'язку, без їх вилучення [1].

Електронні відображення можуть бути отримані також в ході проведення негласних слідчих (розшукових) дій – аудіо-, відеоконтроль особи (ст. 260), зняття інформації з транспортних телекомунікаційних мереж (ст. 263), зняття інформації з електронних інформаційних систем (ст. 264), установлення місцезнаходження радіоелектронного засобу (ст. 268), спостереження за особою, річчю або місцем (ст. 269), моніторинг банківських рахунків (ст. 269), аудіо-, відеоконтроль місця (ст. 270), контроль за вчиненням злочину (ст. 271). У цьому випадку вони оформлюються як додаток до протоколу відповідної слідчої (розшукової) дії [1].

Отже, дослідження у сфері електронних відображень свідчить про те, що такого виду відображення мають розглядатися як джерела доказів у кримінальних провадженнях. Такі дослідження повинні з одного боку не відставати від загального науково-технічного розвитку, з іншого боку – повинні бути чітко визначені та, щоб мати юридичну силу, законодавчо закріплені у відповідних нормативно-правових актах.

Список літератури

1. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 в ред. від 13.02.2020 [електронний ресурс] – режим доступу:

<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.

2. Про електронні документи та електронний документообіг: Закон України від 22.05.2003 в ред. від 07.11.2018 [електронний ресурс] – режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/851-15>.

3. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. Т. 1 / О. М. Бандурка, Є. М. Блажівський, Є. П. Бурдоль та ін. ; за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, А. В. Портнова. – Харків – Право, 2013. – 768 с.

5. Карпюк Д.В. Види мережних документів [електронний ресурс] – режим доступу: <http://conference.nbuv.gov.ua/report/view/id/228>.

6. Орлов Ю.Ю., Чернявський С.С. Електронне відображення як джерело доказів в кримінальному провадженні. Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ том 1 .2017 с. 12-24.

7. Орлов Ю.Ю., Чернявський С.С. Електронне відображення як джерело доказів в кримінальному провадженні. Вісник кримінального судочинства № 2.2017 с. 112-124.

8. Електронний документ [електронний ресурс] – режим доступу: https://uk.wikipedia.org/wiki/Електронний_документ.

9. Інформація та документація. Бібліотечно-інформаційна діяльність. Терміни та визначення понять : ДСТУ 7448:2013. – Київ : Мінекономрозвитку України, 2014. – III, 41 с. [електронний ресурс] – режим доступу: <http://ube.nlu.org.ua/article/Електронний%20носій>.

10. Цифровий носій [електронний ресурс] – режим доступу: https://uk.wikipedia.org/wiki/Цифровий_носій.

11. Electronic evidence and its admissibility in court [електронний ресурс] – режим доступу: <https://blog.signaturit.com/en/electronic-evidence-and-its-admissibility-in-court>.

12. Гуцалюк М.В., Гавловський В.Д., Хахановський В.Г. Використання електронних (цифрових) доказів у кримінальних провадженнях: методичні рекомендації — Вид. 2-ге, доп. — Київ : Вид-во Нац. акад. внутр. справ, 2020. — 104 с.

13. Гуцалюк М.В., Корнейко О.В., Хахановський В.Г. та ін. Науково-практичний коментар Закону України «Про основні засади забезпечення кібербезпеки України»; науково-практичний коментар станом на 1 січня 2019 р.; за ред. М.В. Гребенюка. Київ: Національна академія прокуратури України, 2019.

УДК 34

Доронина Полина Евгеньевна,

к.ю.н., доцент,

доцент кафедры истории философии и права филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске

Ивлева Анна Филипповна

к.ю.н., доцент,

доцент кафедры истории философии и права филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинске

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК КАТЕГОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Doronina Polina,

candidate of Science, associate Professor

*of the Department of History, Philosophy and Law
of the Branch of Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov» in Severodvinsk, Russia, Severodvinsk*

Ivleva Anna

*candidate of Science, associate Professor
of the Department of History, Philosophy and Law
of the Branch of Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov» in Severodvinsk, Russia, Severodvinsk*

GENERALLY ACCEPTED NORMS OF INTERNATIONAL LAW AS CATEGORY OF RUSSIAN COSTITUTIONAL LAW

Аннотация:

В статье анализируется специфика концепции «общепризнанная норма международного права» к российскому законодательству и правовых позициях российских высших судов, проблемы ее закрепления и реализации на практике

Abstract:

This article examines specifics of the concept of «generally accepted norms of international law» in Russian legislation and legal positions of the Russian superior courts, problematic aspects of its consolidation and implementation

Ключевые слова: *общепризнанные принципы и нормы международного права, jus cogens, императивные нормы общего международного права, правовые позиции Верховного и Конституционного Суда Российской Федерации*

Keywords: *generally accepted principles and norms of international law, jus cogens, peremptory norms of general international law, legal positions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation*

Актуальный вопрос совершенствования системы государственного управления на основе поправок к Конституции вновь поставил на повестку дня вопрос о том, каково соотношение международных норм и принципов с положениями российского законодательства. Следует обратить внимание на то, что поправки к статьям глав 3 Конституции упоминают «общеизвестные принципы и нормы международного права» только в контексте обеспечения прав коренных и малочисленных народов РФ. Таким образом, надежды на внесение определенности по поводу статуса международных общепризнанных принципов и норм в российской правовой системе явно не оправдались: даже предлагаемая конституционная новелла о продолжительстве Российской Федерацией международных обязательств Союза СССР (в перспективе – ч. 1 ст. 67¹ Конституции) относится только к договорам и не затрагивает императивные нормы, имеющие форму общепризнанных обычаев. Новая редакция ст. 79 по этому вопросу также безмолвствует.

В течение более чем 20-ти лет для отечественной юриспруденции поиск формулы должного соотношения общепризнанных принципов и норм международного права представляет собой особый интерес, подогреваемый неконкретностью и даже более того – некорректностью терминологической конструкции, используемой в ч. 4 ст. 15 Конституции, полным безмолвием отраслевого законодателя по этому вопросу и небесспорностью руководящего разъяснения, сформулированного Верховным Судом РФ в его эпохальном Постановлении Пленума «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ». Над этой проблематикой размышляли как конституционалисты, так и международники, представители лагеря «чистых теоретиков» и «отраслевиков»; общее число публикаций монографического и периодического характера по соответствующей тематике уже давно выражается трехзначным числом. Однако, похоже, до тех пор, пока не будет инициирован процесс толкования положений ч. 4 ст. 15 Основного закона Конституционным Судом РФ, все высказанные мнения по данному вопросу, не укладывающиеся в правовые позиции высших судов по данному вопросу, будут иметь примерно одинаковую ценность для процесса правоприменения – минимальную.

Что же представляет собой общепризнанная норма международного права и его общепризнанный принцип? Следует отметить, что наиболее часто в русскоязычной литературе ставится знак равенства между общепризнанностью и императивностью нормы, т. е. утверждается тождество общепризнанной нормы и нормы *jus cogens* и их принадлежность общему международному праву [3, с. 91; 2, с. 35; 4, с. 212-213], хотя наличествуют и иные точки зрения [1, с. 128; 5, с. 9]. Что касается позиции международного органа, пространно и на протяжении длительного периода времени изучавшего природу *jus cogens* – Комиссии международного права ООН, она также в целом подчеркивает

общеизвестность этих предписаний (см., например, ILC Report, A/71/10, 2016, paras. 115). Следует отметить, что и специальные докладчики Комиссии, и сам этот орган в своих документах 2016-2017 гг. указывают не только на общеизвестность как неотъемлемое качество императивной нормы в статусе *jus cogens* (или, как они именуется сейчас, *peremptory norms of general international law*), но и на тот факт, что она имеет своим базисом обычное право и даже (по мнению определенной части членов Комиссии) – общие принципы права по смыслу ст. 38 Статута Международного суда ООН (ILC Report, A/72/10, 2017, paras. 146, 173). При этом Комиссия отклонила идею создания примерного перечня норм *jus cogens*, указав, что это потребовало бы значительных временных затрат, которые более рационально можно было бы направить на разработку методологии отнесения международной нормы к общепризнанным императивным (ILC Report, A/72/10, 2017, paras. 180).

Интересно, что, по мнению Комиссии, материалы, которые могут служить доказательством принятия и признания нормы общего международного права уровня *jus cogens* соответствующим государством, включают национальные конституции и решения внутренних судов как вспомогательные средства определения наличия и содержания данной нормы (ILC Report, A/72/10, 2017, paras. 146, 187). Таким образом, для России, в определенном смысле, именно то, что упоминается в тексте Основного закона (включая его преамбулу) и правовых позициях Конституционного и Верховного Суда как общепризнанная норма или принцип международного права, является таковыми.

Текст российского Основного закона, мягко говоря, небогат на упоминание конкретных видов общепризнанных принципов и норм международного права. По факту, только в преамбуле и только один принцип обозначен как общепризнанный – «принцип равноправия и самоопределения народов. Что интересно, далее по тексту он упоминается в ч. 3 ст. 5, но уже без прилагательного «общеизвестный».

Конституционный Суд РФ во многих своих решениях оперирует категорией «общеизвестные принципы и нормы международного права», но, в отличие от Верховного Суда, воздерживается от расшифровки ее содержания. Однако в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» и положений ряда других федеральных законов в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Суд указал на тождество в его понимании императивных норм общего международного права и норм *jus cogens*, а также прямо поименовал две такие нормы – принцип суверенного равенства государств и уважения прав, присутствующих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств. Такой подбор примеров неувидителен, учитывая ключевой посыл

данного Постановления: необходимость обеспечения суверенитета России в правовой сфере.

При буквальном толковании нормы ч. 4 ст. 15 Конституции, закрепившей трехчленную модель описания состава международных обязательств страны, и с учетом значения прилагательного, акцентирующего внимание на универсальности нормы (предполагающей всеобщее согласие государств на придание ей юридической обязательности, а также планетарный масштаб применения), можно сделать вывод о том, что речь идет об обычных нормах общего международного права (т.к. договорные нормы упомянуты отдельно). Существование иных обычаев – региональных или партикулярных – полностью игнорируется. Следует сразу отметить, что такое одностороннее понимание природы норм общего международного права вступает в противоречие с реалиями международно-правовой действительности, ведь, как правило, данный вид норм без изменения содержания предписания существует как в договорной, так и в обычной форме: договор может кодифицировать обычное право, а обычай формироваться на основе договора, причем сфера действия и применения этих норм может не совпадать: неприменимость к конкретной международной ситуации договора не означает неприменимости кодифицированного или порожденного им обычая (на этот факт достаточно часто указывает в своих решениях Международный Суд ООН (см., например, пункты 172-182 Решения Международного Суда от 27 июня 1986 г. по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против США)). Корень проблемы здесь, думается, кроется в некорректности самой конституционной формулировки, которая в одном смысловом ряду (как равнозначные понятия) указывает правовую норму (причем только две ее специфических разновидности – общепризнанные нормы и нормы принципы) и форму ее закрепления (источник права).

Общепризнанные нормы международного права, трансформированные в российскую правовую систему, как представляется, подчиняются иным иерархическим правилам, нежели договорные нормы. Обусловлено это скорее соображениями практического толка, имеющими отношение к особенностям процесса создания международного обычая, а не нормативными предписаниями того или иного правопорядка. Если юридическая сила договора и параметры его применения определяются статусом конкретного государственного органа, выразившего согласие РФ на его обязательность и выполнившего необходимые имплементационные процедуры, то обычная норма должна обладать безусловным приоритетом по отношению к нормам федеральных законов, поскольку, вне зависимости от того, какой именно государственный орган участвует в создании практики, лежащей в их основе (не говоря уже о том, что речь идет как правило не об одном государственном органе), только государство в целом является источником *opinio juris*, в особенности в случае, если оно имеет форму

молчаливого признания. Кроме того, здесь присутствует нюанс, редко отмечаемый конституционалистами. Речь идет о соотношении норм международного права, включенных в российское правовое поле, между собой, а, следовательно, и отечественных норм с каждой из них. Общепризнанные принципы и нормы в основной своей массе являются императивными и как таковые занимают особое место в иерархии международно-правовых норм, уступая по юридической силе только основным принципам (вернее, основные принципы есть частный случай общепризнанных императивных норм). Все иные нормы, в т.ч. и договорного происхождения, не могут им противоречить под угрозой недействительности. Таким образом, потенциально возможна ситуация, когда применение норм прошедшего процедуру ратификации регионального или партикулярного договора РФ, имеющих приоритет перед нормами федерального законодательства, будет представлять собой международное правонарушение и являться основанием международной ответственности. Национальное право не может игнорировать связи, сложившиеся между структурными элементами международной правовой системы, и обязано учитывать уровень и статус трансформируемой международной нормы. Неприемлемой является ситуация, когда норма-правило поведения внедрена в правовую систему, но не определено ее место в ней и фактически отсутствует механизм, обеспечивающий реализацию целой категории международных обязательств РФ во внутригосударственной сфере. Обычные же нормы общего международного права, имеющие договорное закрепление, и применяются в российском правовом пространстве как договорные – как минимум по трем причинам. Во-первых, использование договорного варианта норм предпочтительнее потому, что договор непосредственно устанавливает необходимые институты и способы обеспечения ее осуществления. Во-вторых, федеральная конституция и законодательство закрепили достаточно четкий алгоритм включения договора в российскую правовую систему, полностью проигнорировав в этом отношении обычные нормы. И, наконец, анализ отдельных характеристик именно договора (уровень заключения, сфера действия и состав участников, делимость договорных положений, форма выражения согласия на его обязательность) позволяет определить параметры его применения внутри страны.

Придерживаясь позиции умеренного дуализма при определении соотношения международного и национального права, авторы полагают санкционирование конкретных международных обычаев в порядке специальной трансформации условием *sine qua non* их внутреннего применения. Кроме того, применение международной обычной нормы (впрочем, как и любого санкционированного обычая в случае, если в законе он упомянут только в порядке генеральной трансформации) связано с серьезными трудностями практического толка. Во-первых, они изначально предназначены для регули-

рования исключительно межгосударственных политических отношений и, как правило, имеют неисполнимый характер, т.е. не могут использоваться в национальном пространстве напрямую, без внесения изменений в законодательство. Во-вторых, зачастую существует неясность в отношении самого факта существования международного обычая – что же говорить о точном знании содержания его правового предписания и сферы применения. Как правило, требуется проведение обширного и детального анализа многочисленных международных и национальных документов (в большинстве труднодоступных и противоречивых), которые подтверждают использование определенной модели поведения и отражают позицию членом международного сообщества в отношении придания ей юридической силы. Таким образом, осуществить специальное санкционирование обычных норм в формах, используемых для имплементации в российскую правовую систему договоров (а это федеральный закон или подзаконный акт), практически невозможно. Определенный интерес в этой связи представляет собой анализ зарубежной практики по данному вопросу. Фактически сейчас в мире используются несколько форм санкционирования правового, в т.ч. международного обычая, самыми распространенными из которых являются отсылка к обычаю в тексте закона (применяется в основном к торговым обычаям) или судебное решение. Важность суда как главного правоприменительного, во многих странах еще и праворазъяснительного, а иногда и правосоздающего органа несомненна. В международно-правовых координатах действия национального суда наравне с действиями иных органов государства рассматриваются как действия этого государства, суд выражает волю государства, участвует в процессах создания обычно-правовых норм, а значит, способен их и санкционировать. При этом санкционирующая роль суда свойственна не только странам общего права, напротив – в отдельных государствах романо-германской правовой семьи вопрос о наличии признанной государством международной обычной нормы и ее конкретном содержании решается не законодателем (парламентом), а судом. Примечателен в этом отношении пример Германии, установившей в конституционном порядке норм о непосредственном вхождении общих норм международного права в право Федерации, из приоритете по отношению к законами непосредственным порождении ими прав и обязанностей для жителей федеральной территории (ст. 25 Основного закона ФРГ). Обязанность по обеспечению единообразного применения данных норм возложена на Федеральный Конституционный суд (ФКС), который по запросу низших судов

(федеральных или судов земель) констатирует наличие/отсутствие, определяет ее содержание и порождает ли она непосредственно права и обязанности для индивида (ст. 100 Основного закона ФРГ). Российская практика идет аналогичным путем, хотя такое полномочие наших высших судов не легализовано в конституционном законодательстве. Однако, как еще можно расценить содержание Постановлений Пленума Верховного суда «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» (п. 1) и «О некоторых вопросах применения судами Конституции при осуществлении правосудия» (п. 5), которые дают определения терминов «общепризнанная норма» и «общепризнанный принцип» и даже приводят конкретные примеры таковых норм?

Подытоживая сказанное, следует отметить, что в целом соответствующая требованиям международного права и мировой практики государственного строительства конституционная формула о включении международных обязательств РФ в российскую правовую систему требует серьезной конкретизации, каковую в существующих на данный момент правовых условиях предпочтительнее осуществить путем истолкования Конституционным Судом ч. 4 ст. 15 Конституции, поскольку даже широчайшая ревизия положений основного закона не затронула обсуждаемого вопроса, что демонстрирует отсутствие интереса либо политической воли на разработку таких поправок.

Список литературы

1. Ануфриева Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «Общепризнанные принципы и нормы международного права», или о принципах права вообще и о принципах в международном праве // *Lex Russica*. 2018. №11 (144). С. 122-133.
2. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. – М.: РАП; Статут, 2006. 454 с.
3. Кириловская Н.Н. К вопросу о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ судами РФ // *Вестник КГУ* 2006. № 5. С. 91-94.
4. Морозов А. Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // *Журнал российского права*. 2018. № 7 (259). С. 33-44.
5. Черниченко С.В. Максима «право не возникает из правонарушения» и сменяемость императивных норм международного права // *Известия ВУЗов. Правоведение*. 2018. № 1 (336). С. 6-19.

УДК 34

Дорони́на Полина Евге́ньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске
Ивлева Анна Филипповна
кандидат юридических наук, доцент,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГООБЛОЖЕНИИ НЕДВИЖИМОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ОХРАНУ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Doronina Polina,
candidate of Science, associate Professor of the Department of History, Philosophy and Law of the Branch of
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov» in Severodvinsk, Russia, Severodvinsk
Ivleva Anna
candidate of Science, associate Professor of the Department of History, Philosophy and Law of the Branch of
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov» in Severodvinsk, Russia, Severodvinsk

NOVELTIES OF LEGISLATION ON REAL ESTATE TAXATION AND THEIR IMPACT ON THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF LAND RELATIONS

Аннотация:

В статье анализируются изменения налогового законодательства в отношении недвижимого имущества, дается оценка данных изменений и определяется их значение для уголовно-правовой охраны земельных отношений

Abstract.

The article analyzes changes in tax legislation in relation to real estate, assesses these changes and their significance for the criminal law protection of land relations

Ключевые слова. Земельный налог, кадастровая стоимость объектов недвижимости, регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом

Keywords. Land tax, cadastral value of real estate, registration of illegal transactions with real estate

Введение платы за пользование природными объектами недвижимости, в том числе земельными участками, стало одним из направлений земельной реформы, проводимой в России с начала 90-х годов XX века.

Правовые основы механизма взимания платы за землю изначально были заложены в Законе РФ от 11.10.1991 г. № 1738-1 «О плате за землю» [1] (далее – Закон о плате за землю), установившем земельный налог в качестве основной формы платы за использование земли. Впоследствии изменения, вносимые в Закона о плате за землю, касались, в основном, льгот по налогообложению земельных участков и размеров долей, в пределах которых средства от уплаты земельного налога поступали в бюджеты соответствующих уровней. Федеральным законом от 09.08.1994 г. № 22-ФЗ [6] были введены новые ставки налога, которые, начиная с 1995 года, ежегодно индексировались.

В течение длительного времени средства от земельного налога поступали в федеральный, региональный и местный бюджеты в определенных долях. Такое распределение налоговых поступлений имело место до внесения изменений в Закон о плате за землю, предусматривающих зачисление средств от земельного налога в полном объеме в бюджеты соответствующих муниципальных образований, на территории которых находятся земельные участки.

С принятием в 2001 году Земельного кодекса Российской Федерации [2] (далее – ЗК РФ) земельному налогу как одной из форм платы за землю был придан временный характер, что следует из содержания п. 1 ст. 65 ЗК РФ, однако, единый налог на недвижимость, который должен был прийти на смену земельному налогу, до настоящего времени в России не введен.

С 1 января 2005 года начала действовать глава 31 «Земельный налог» части второй Налогового кодекса Российской Федерации [4] (далее – НК РФ). Однако указаний на временный характер земельного налога налоговое законодательство не содержит, что позволяет говорить о несогласованности актов земельного и налогового законодательства, а также об отсутствии единообразия в регулировании отношений, составляющих предмет различных отраслей права.

С момента введения главы 31 НК РФ до 1 января 2006 года имело место двойное регулирование земельного налога, поскольку сохранял свое действие Закон о плате за землю. Необходимо отметить, что указанные акты действовали не в совокупности, а во взаимоисключении: применялись либо положения НК РФ, либо нормы Закона о плате за землю.

Налоговое законодательство относит земельный налог к местным налогам, что требует соблюдения определенного порядка его установления на территории муниципальных образований. Такой порядок предусматривал введение земельного налога на территории конкретного муниципального образования актом соответствующего представительного органа, и с этого момента на территориях данных муниципальных образований прекращалось применение Закона о плате за землю. В отношении муниципальных образований, не принявших требуемых актов о введении земельного налога, продолжала применяться система налогообложения, установленная Законом о плате за землю, до 1 января 2006 года, когда глава 31 НК РФ начала действовать на всей территории России без каких-либо исключений.

Изменения системы налогообложения земельных участков, введенные главой 31 НК РФ, носят принципиальный характер ввиду того, что затрагивают основные элементы земельного налога.

В первую очередь изменения коснулись субъектов налогообложения. Глава 31 НК РФ иначе, чем Закон о плате за землю, определяет категории плательщиков земельного налога, относя к таковым носителей вещных прав: собственников, землевладельцев, землепользователей (кроме лиц, использующих землю на безвозмездной основе).

Объектом налогообложения признаются земельные участки, расположенные в пределах муниципальных образований, на территории которых введен налог. Новеллой законодательства является определение перечней земельных участков, не признаваемых объектом налогообложения.

Нормы НК РФ сформировали принципиально новый подход к налогообложению земельных участков, выражающийся в определении налоговой базы. Если Закон о плате за землю устанавливал ставки земельного налога в виде фиксированных платежей за единицу земельной площади в годовом исчислении, что требовало ежегодной индексации ставок, то согласно НК РФ налоговая база привязана к кадастровой стоимости налогооблагаемого земельного участка. Такой подход законодателя к порядку определения налоговой базы полностью соответствует п. 5 ст. 65 ЗК РФ, в котором содержится указание на применение для целей налогообложения кадастровой стоимости земельных участков.

Определение кадастровой стоимости, являющейся ключевой стоимостной характеристикой земельного участка, в течение продолжительного времени осуществлялось в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [7], до принятия специального Федерального закона от 03.07.2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [9] (далее – Федеральный закон № 237-ФЗ). Однако, вступление в силу Федерального закона № 237-ФЗ не повлекло автоматической отмены действия положений закона 1998 года и вплоть до 1 января 2020 года эти

два акта применялись одновременно в силу прямого указания ч. 2 ст. 24 Федерального закона № 237-ФЗ, допускавшего альтернативное применение обоих актов.

Относительно размера и порядка установления ставок земельного налога необходимо указать следующее. Земельный налог относится к местным налогам, в связи с чем, его установление является компетенцией представительных органов местного самоуправления. Однако, муниципальные образования не обладают абсолютной самостоятельностью в вопросе установления ставок земельного налога и ограничены предельным максимальным размером ставок, установленным НК РФ и дифференцированным применительно к категориям земель, а также видам разрешенного использования земельных участков.

В значительной степени изменился подход законодателя к регулированию вопроса налоговых льгот. Закон о плате за землю содержал достаточно обширный перечень категорий налогоплательщиков, имеющих право на льготы по земельному налогу. Структура статьи 12 Закона о плате за землю представлялась неудачной в связи с тем, что в категорию лиц, имеющих право на льготы, были включены как субъекты права, так и объекты – земельные участки. НК РФ устранил подобное смешение категорий налогоплательщиков, имеющих право на льготы, и видов земельных участков, не являющихся объектом налогообложения.

Глава 31 НК РФ предусматривает два варианта льгот: полное освобождение от уплаты налога и налоговый вычет в виде уменьшения налоговой базы на величину кадастровой стоимости 600 кв. м. земельного участка, правом на который могут воспользоваться в заявительном порядке категории налогоплательщиков, указанные в п. 5 ст. 391 НК РФ. Никаких иных льгот по уплате земельного налога НК РФ не предусматривает, в отличие от Закона о плате за землю, который допускал уменьшение налоговых ставок, отсрочку и рассрочку уплаты налога для любой категории налогоплательщиков при наличии определенных оснований.

Таким образом, система налогообложения земельных участков, установленная Законом о плате за землю, коренным образом изменилась с введением в действие главы 31 НК РФ. Столь существенные изменения вызваны, во-первых, неэффективностью действовавших условий и порядка налогообложения земли в условиях современной российской экономики, во-вторых, необходимостью приведения в соответствие с ЗК РФ других законодательных актов, содержащих нормы земельного права.

Анализируя изменения в законодательстве о земельном налоге, следует обратить внимание на влияние данных изменений на применение норм других отраслей. В данной связи необходимо рассмотреть взаимодействие норм главы 31 НК РФ и норм Уголовного кодекса Российской Федерации [5] (далее – УК РФ) об ответственности за противоправные действия в сфере оборота недвижимости.

Уголовный закон содержит специальную статью, обеспечивающую охрану установленного порядка оборота объектов недвижимости, – ст. 170 «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом». Данная статья была подвергнута существенной корректировке в 2015 году в связи с принятием Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [8] и необходимостью приведения в соответствие регулятивных и охранительных норм. Первоначальная редакция ст. 170 УК РФ в качестве одного из деяний, составляющих объективную сторону состава данного преступления, называла умышленное занижение размеров платежей за землю. В измененной редакции, действующей с 24 июля 2015 года, речь идет о занижении кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Оценивая изменения уголовного законодательства, продиктованные необходимостью обеспечения согласованности с нормами гражданского законодательства, хотелось бы отметить следующее.

Диспозиция ст. 170 УК была изменена в целях приведения текста нормы в соответствие с положениями налогового законодательства посредством замены формулировки «умышленное занижение размеров платежей за землю» на «занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости». Такое изменение уголовно-правовой нормы, с одной стороны, расширяет сферу ее применения, так как охватывает все случаи незаконного уменьшения налоговой базы в отношении всех объектов недвижимости, а не только земельных участков, как было ранее, с другой стороны, – сужает в части, касающейся видов платы за землю. В нынешнем виде диспозиция ст. 170 УК РФ не может быть применена в случаях, когда имеют место противоправные действия должностных лиц по необоснованному уменьшению размера арендной платы за земельные участки, что позволяет сделать вывод о декриминализации незаконного уменьшения размеров арендной платы за земельные участки.

Особого внимания требует вопрос о субъекте преступления. В силу прямого указания ст. 170 УК РФ субъектом преступления является должностное лицо. В ситуациях, когда имеет место регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом или умышленное искажение сведений Единого государственного реестра недвижимости, субъектом преступления является государственный регистратор территориального подразделения Росреестра.

В случаях занижения кадастровой стоимости объектов недвижимости для установления виновных лиц необходимо определить, в чьи полномочия входит установление такой стоимости. Согласно Федеральному закону № 237-ФЗ полномочиями по определению кадастровой стоимости наделены региональные бюджетные учреждения. Так, в Архангельской области такой структурой является ГБУ АО «Бюро технической инвентаризации», учрежденное Минимуществом Архангельской области.

Работники бюджетного учреждения, непосредственно осуществляющие определение кадастровой стоимости, могут быть отнесены к категории должностных лиц согласно Примечанию к ст. 285 УК РФ как лица, выполняющие организационно-распорядительную функцию, т. е. имеющие полномочия по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. Такое решение выражено в форме итогового отчета, который составляет и подписывает работник бюджетного учреждения, проводивший кадастровую оценку. Наделение работника полномочием по подписанию отчета приводит к выводу о наличии у него организационно-распорядительной функции, и, как следствие, необходимой характеристики субъекта данного преступления.

Составление отчета не является завершающим этапом определения кадастровой стоимости. Такой отчет подлежит утверждению уполномоченным органом субъекта Российской Федерации путем принятия соответствующего акта об утверждении результатов определения кадастровой стоимости. Однако, в случае принятия акта, утвердившего заниженные показатели кадастровой стоимости, должностное лицо, подписавшее данный акт, не может быть привлечено к уголовной ответственности, если не доказано, что это лицо заведомо знало или должно было знать об искаженных результатах кадастровой оценки.

Рассматривая вопрос о субъекте уголовной ответственности за занижение кадастровой стоимости, нельзя согласиться с позицией К. А. Машенко, полагающим возможным отнести к таковым оценщиков [3], поскольку они не устанавливают кадастровую стоимость и не являются должностными лицами в уголовно-правовом значении.

В заключение необходимо указать, что изменения в законодательстве о налогообложении земельных участков потребовали корректировки норм УК РФ, и такая корректировка была осуществлена своевременно, хотя и не в полном объеме. Ст. 170 УК РФ даже с учетом обновленной редакции сохраняет некоторые разночтения с положениями гражданского и земельного законодательства, регулируемыми правовой режим земельных участков как объектов недвижимости, и требует дальнейшего совершенствования в целях повышения эффективности уголовно-правовой охраны рассматриваемой сферы отношений.

Список литературы:

1. Закон РФ от 11.10.1991 № 1738-1 «О плате за землю» (ред. от 26.06.2007) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1991. – № 44. – Ст. 1424.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Машенко К. А. Уголовно-правовая характеристика состава регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом в свете изменений законодательства Российской Федерации. – Законы России [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<https://zakoniro.ru/?p=28503> (дата обращения: 29.03.2020).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 26.03.2020) // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

6. Федеральный закон от 09.08.1994 № 22-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О плате за землю» (ред. от 29.11.2004) // СЗ РФ. – 1994. – №16. – Ст. 1860.

7. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 18.03.2020) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.

8. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.

9. Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (ред. от 29.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт] – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.03.2020).

УДК 347.4

Идрисов Х.В.

*к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета*

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11624](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11624)

ВЗАИМОРАСЧЁТЫ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Idrisov H. V.

*PhD in law, associate
professor of department of civil law and process
Chechen state university*

MUTUAL SETTLEMENTS BETWEEN THE SUBJECTS OF CONTRACTUAL RELATIONS VIA ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Аннотация

Статья посвящена характеристике договоров, заключаемых в электронной форме, а также описанию форм взаиморасчётов, среди которых особенно выделяются, взаиморасчёты при помощи электронных платежных систем. В рамках статьи указывается, что договоры в электронной форме относительно недавно только получили свое широкое распространение. Связано это, прежде всего, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети «Интернет».

В статье проводится анализ законодательной базы и приводятся примеры из практики, раскрывающие предмет данной статьи.

В заключении работы формулируются мотивированные выводы и предложения, направленные на преодоление проблемных моментов непротиворечивой реализации правоотношений в сфере электронного заключения договоров и исполнения их существенных условий.

Abstract

The article is devoted to the characteristics of contracts concluded in electronic form. Contracts in electronic form have only recently become widespread. This is primarily due to the development of information and telecommunications technologies, including the Internet.

The article analyzes the legal framework and provides practical examples that reveal the subject of this article.

In the conclusion of the work, motivated conclusions and proposals are formulated aimed at overcoming the problematic moments of consistent implementation of legal relations in the field of electronic conclusion of contracts and execution of their essential conditions.

Ключевые слова: договор, сеть «Интернет», электронные деньги, обязательства, электронные платежные системы.

Keywords: agreement, Internet network, electronic money, obligations, electronic payment systems.

Современный век, век цифровых технологий, сети «Интернет» все больше и больше оказывает влияние не только на нашу повседневную, бытовую жизнь (будь то просмотр по интернету видео-контента в «YouTube», общение в популярных сетях типа «Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook» и

т.п., ежедневная насыщенная переписка в мессенджерах типа «WatsApp», «Инстаграм» и т.п.), но и на общественные отношения в государстве, урегулированные нормами права. И прежде всего, в рамках данной статьи речь пойдет об гражданско-правовых отношениях как виде общественных отношений.

Договорное право, являясь одним из институтов гражданского права, несомненно подвержено влиянию информационно-коммуникационных технологий, которые вошли в абсолютно во все сферы нашей жизни, в том числе и в договорные отношения. Другими словами, классический способ ведения переговоров и заключения договора все больше и больше уступает в своей востребованности электронному. Тому есть ряд закономерностей. И, несомненно главное, – это удобство. Субъекты правоотношений могут находиться географически (геолокационно) в абсолютно разных местах (городах, странах, континентах), но при это могут вести переговоры, а впоследствии также дистанционно заключить и договор. Процесс этот изначально, то есть от начала ведения переговоров, продолжая оформлением и подписанием договора, и до взаиморасчетов между сторонами обличен в электронную форму. Поясним на примере. Так, субъекты в рамках онлайн конференции могут провести переговоры по условиям конкретного договора. Затем, все также посредством электронных средств связи (e-mail, факс, интернет-торговые площадки и т.п.) обменяться подписанными экземплярами договоров (простая письменная скан-подпись, либо электронно-цифровая подпись) и также путем безналичного расчета (онлайн банкинг, Яндекс-Деньги, PayPal, Web-money, QIWI (Киви-кошелек) и т.п.) выполнить обязательства по оплате цены договора. В рамках данного процесса интерес исследователей представляет такая особенность исполнения обязательств посредством сети «Интернет», как использование электронных средств связи при проведении расчетов между сторонами с помощью электронных денег.

Система электронных платежей, несмотря на то, что только относительно недавно начала активно использоваться субъектами правоотношений, все же имеет свою давнюю историю. Так, еще в 1871 году всемирно-известная компания «Western Union» совершила первый в мире электронный денежный перевод [3]. Правда, перевод был осуществлен при помощи телеграфных сообщений, и его сложно считать электронным в современном понимании. Но именно этот год считается отправной точкой развития электронных платежных систем. Более того, электронные платежные системы в современный век стали даже элементом национальной безопасности.

Российское государство в последнее время столкнулось с необходимостью регулирования указанных отношений в силу того, что стабильность и безопасность финансовых операций, совершаемых гражданами, ставились в зависимость от субъектов, которые обеспечивают такую деятельность. А субъекты эти, порой, преследуют цели (в том числе и, политически ангажированные), входящие в противоречие с национальными. Ярким тому подтверждением является, недавно возникшая, проблемная ситуация с платежными системами «Visa» и «Master Card» на территории России. В том числе, и в связи с этим возникла необходимость принятия

специального закона, который бы регулировал вопросы деятельности субъектов в сфере электронно-платежных отношений. Такая деятельность в Российской Федерации регулируется на государственном уровне посредством закона «О национальной платежной системе» (в редакции, внесенных в него, последних изменений) [7].

В научной литературе есть разные мнения по поводу формулировки электронных финансовых взаиморасчетов. Так, существует мнение, об электронных расчетах как безналичных расчетах, осуществляемых в электронной форме субъектами экономической деятельности [6]. Между тем, большой объем операций по безналичным расчетам осуществляется между юридическими лицами в силу ограничений законодательства в отношении передачи наличных денежных средств. Порядок расчетов регулируется законодательно положениями главы 46 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В соответствии с п. 2 статьи 861 ГК РФ: «Расчеты между юридическими лицами, а также расчеты с участием граждан, связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, производятся в безналичном порядке. Расчеты между этими лицами могут производиться также наличными деньгами с учетом ограничений, установленных законом и принимаемыми в соответствии с ним банковскими правилами» [4]. Кроме того, гражданским законодательством допускается возможность осуществления безналичных расчетов путем перевода денежных средств банками и иными кредитными организациями (далее – банки). Эти нормы в полной мере распространяются на субъекты, осуществляющих расчеты в рамках электронно-сетевое пространства. Вместе с тем, исходя из смысла статьи 862 ГК РФ, перечень форм безналичного расчета остается открытым, поэтому стороны вправе выбрать какой-либо вид электронных платежей по своему усмотрению.

Выделяют ряд способов исполнения обязательств по электронным расчетам между сторонами, о которых мы указывали выше. Использование электронных способов в рамках электронных платежных систем расчетов между сторонами обусловлено обязательным наличием у последних специального программного обеспечения – так называемого электронного кошелька для хранения денег и осуществления операций с ними.

Весьма прогрессивным в развитии электронных расчетов является использование электронных денег. Исследователи данного вопроса рассматривают применение криптовалюты в ближайшей перспективе в качестве универсального и, самое важное, безопасного средства взаиморасчетов. Что из себя представляют так называемые «электронные деньги»? Т. Ю. Кулик определяет электронные деньги как «числа или файлы, содержащие денежные обязательства, которые выполняют функции денежных знаков» [2, с. 59]. В свою очередь, В. О. Калятин уточняет, что такие файлы и есть сами деньги [1, с. 380]. Мы не можем согласиться с таким выводом в силу того, что в силу п. 2 статьи 130 ГК РФ деньги и ценные бумаги признаются движимым

имуществом, тогда как информацию (файлы, электронные записи) содержащую денежные обязательства, мы никак не можем относить к вещам, движимому имуществу по определению. Таким образом, электронные деньги являются правами требования к банковским и иным кредитным организациям, но не самими деньгами, во всяком случае согласно действующему на сегодняшний день гражданскому законодательству. Подобное отмечает и Е.А. Суханов заявляя, что к вещам не относятся «безналичные деньги» и бездокументарные ценные бумаги [5, с. 71].

В качестве итога по статье, резюмируя все вышесказанное, укажем на следующий важный момент. При взаиморасчётах между субъектами договорных отношений посредством электронных платежных средств на практике часто возникают спорные, проблемные ситуации. Связано это с тем, что в сфере правового регулирования электронных расчетов, существуют правовые коллизии, порой перетекающие в принципиальные недостатки такого правового регулирования, связанных с неоднозначностью подходов в отношении как формулировки электронных денег, так и электронных форм расчетов. Для решения указанных проблемных вопросов считаем важным наличие оговорки при заключении договора условия о порядке расчетов между сторонами, которое должно предусматривать способ перечисления электронных денег, а

также наличие конкретного программного обеспечения для осуществления данной операции.

Список литературы:

1. Калятин В.О. Право в сфере Интернета. – М., 2004 г. – 479 с.
2. Кулик Т.Ю. Правовое регулирование договоров, заключаемых в электронной форме. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 160 с.
3. Обзор популярных электронных в 2020 году платежных систем // Электронный ресурс // URL: <https://cryptonisation.ru/obzor-populjarnyh-jelektronnyh-platezhnyh-sistem/> (дата обращения: 24.01.2020).
4. См.: п. 2 ст. 861 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 16.01.2020).
5. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М., 2017. – 560 с.
6. Тедеев А. Информационно-правовая природа электронных расчетов в сети «Интернет» // Право и жизнь. 2004. № 73 (9).
7. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О национальной платежной системе» // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.01.2020).

УДК 343.132

*Козубенко Юлия Андреевна,
Головин Михаил Васильевич*

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар*

К ВОПРОСУ О ВИДАХ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

*Kozubenko Yulia Andreyevna,
Golovin Mikhail Vasilyevich*

I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University,

ON THE QUESTION OF THE TYPES OF INVESTIGATIVE EXPERIMENTS

Аннотация.

В данной научной статье рассмотрены понятие и виды следственного эксперимента. Приведены особенности следственного эксперимента как следственного действия. Даны практические рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регулирующих проведение следственного эксперимента.

Abstract.

This scientific article discusses the concept and types of investigative experiment. The features of the investigative experiment as an investigative action are given. Practical recommendations on improving the criminal procedure rules governing the conduct of an investigative experiment are given.

Ключевые слова: *следственный эксперимент, расследование преступлений, следственное действие, тактические особенности проведения*

Keywords: *investigative experiment, investigation of crimes, investigative action, tactical features of conducting.*

При подготовке, совершении и сокрытии следов преступления взаимодействуют сложные механизмы, что требует всестороннего их исследования для установления закономерности их образования и использования в дальнейшем для расследования преступления [1]. В этой связи зачастую возникает необходимость провести проверку определенных обстоятельств, связанных с событием преступления. В ходе проведения этой проверки должны точно повторяться действия, обстановка и условия, в которых произошло событие преступления. Такая проверка называется «следственный эксперимент» (ст. 181 УПК РФ).

К проведению следственного эксперимента обращаются для получения новых или подтверждения известных событий. Следственный эксперимент как следственное действие заключается в воспроизведении действий с целью проверки значимой информации, например, при совершении дорожно-транспортного происшествия со смертельным исходом. Наиболее типичной ошибкой следователя является производство следственного эксперимента вместо проверки показаний на месте или предъявления для опознания и наоборот. Поэтому, перед проведением следственного эксперимента важно помнить, что *experimentum* переводится как проба, опыт, испытание.

Действующий УПК РФ не закрепляет классификацию следственного эксперимента, не разделяет его на категории или виды. В юридической литературе исследование следственного эксперимента занимались такие видные ученые, как В.В. Кальницкий, Н.И. Гуковская, С.Р. Белкин, А.В. Амелянова, И.А. Ефремов, Г.М. Меретуков, В.Д. Зеленский и др. Наиболее часто проводят эксперимент с целью проверки возможности восприятия фактов, совершения определенных действий, вероятности наступления событий, проверки последовательности событий или механизма образования следов.

С.Р. Белкин к вышеуказанной классификации добавляет эксперимент по установлению у подозреваемых наличия или отсутствия профессиональных навыков, например, фальшивомонетчиков [2].

Например, согласно уголовному делу, Х. совершила столкновение технически исправным автомобилем марки «Фольксваген Пассат» в темное время суток с мотоциклом марки «Kawasaki ZX400» под управлением потерпевшего, который двигался прямолинейно во встречном ей направлении. В результате происшествия водителю мотоцикла марки «Kawasaki ZX400» был причинен тяжкий вред здоровью. Хохлова М.Н. с предъявленным обвинением не согласилась, пояснив, что в пути следования с работы домой она двигалась со стороны 4-го квартала поселка Береза в направлении трассы М-5 со скоростью примерно 40 км/ч. Ей необходимо было повернуть налево на парковочную площадку, расположенную за автозаправочной станцией и, соответственно, съехать на прилегающую территорию. Подъезжая к указанному съезду с дороги, метров за 50, она включила указатель ле-

вого поворота и стала снижать скорость, перед поворотом, вплоть до полной остановки. В это время навстречу проехали около 3 автомобилей, которых она пропустила для поворота налево. Она стала поворачивать налево со скоростью 5-10 км/ч и когда её автомобиль передней частью съехал со встречной полосы, она почувствовала удар в заднюю правую часть её автомобиля в районе задней двери и заднего крыла, удар был сильный, сработали подушки безопасности. Она сразу же остановилась до полной остановки. Выйдя из автомобиля, она увидела, что сзади её автомобиля лежит мотоцикл, а водитель мотоцикла чуть дальше за машиной встал и держался от боли за руку. Подойдя ближе к мотоциклисту, она увидела, что им оказался её знакомый, она вызвала скорую помощь и ДПС ГИБДД, предоставила аптечку первой помощи пострадавшему, сухой лед для уменьшения боли. Однако в ходе следственного эксперимента по проверке восприятия фактов было установлено, что Х. с места водителя автомобиля марки «Фольксваген Пассат» в момент начала маневра видела на расстоянии 48 метров с выключенным светом фар на проезжей части потерпевшего, который передвигался на мотоцикле «Кавасаки» [3].

В иных научных трудах по криминалистике можно отметить, что авторы классифицируют следственные эксперименты на более узкие подгруппы. Так, например, А.В. Омелянова и И.А. Ефремов, в зависимости от целей проведения следственного эксперимента выделяют эксперимент, направленный на выявление неизвестных лиц с использованием специальных «приманок» («ловушек»). Другой вид следственного эксперимента проводится с целью документального оформления преступных действий, задержания с полчиным лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении преступлений (например, получения или дачи взятки).

Успех всего расследования будет зависеть от организации следователем первоначального этапа расследования [4]. Гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства выступает уголовно — процессуальный закон [5].

Однако в Уголовно-процессуальном кодексе РФ определяются только общие требования по проведению следственного эксперимента. Конкретный механизм реализации данного следственного действия является предметом изучения науки криминалистики. Порядок проведения следственного эксперимента при расследовании каждого преступления отличается своей уникальностью. В криминалистике разработан ряд требований, соблюдение которых способствует наиболее эффективному проведению следственного эксперимента. В первую очередь, условия проведения следственного эксперимента должны быть максимально приближены к тем условиям, в которых произошли исследуемые события преступления. Число участников эксперимента должно быть оптимальным, они не должны мешать во время эксперимента друг

другу и в тоже время отсутствие какого-либо участника делает проведение эксперимента невыполнимым. Следственный эксперимент повторяется многократно. До тех пор, пока не будет получен стабильный результат.

Для того, чтобы установить все обстоятельства расследуемого преступления (например, конкретного ДТП), провести оценку действий или бездействий участников происшествия некоторые авторы предлагают внести в уголовно процессуальный закон возможность проведения следственного эксперимента до возбуждения уголовного дела [6].

С учетом правоприменительной и судебной практики, мы предлагаем добавить в уголовно-процессуальное право следующую классификацию следственных экспериментов:

- эксперименты с преобладанием субъективного фактора развития последствий преступления;

- эксперименты с преобладанием объективного фактора развития последствий преступления.

На основании вышеизложенного, мы предлагаем включить в УПК РФ классификацию следственного эксперимента, который поможет оценить степень приближения к реальности и окажет содействие в организации эксперимента, что имеет существенное правовое значение, поскольку неудовлетворительная организация проведения опытных действий может привести к признанию полученного доказательства недопустимым.

Список литературы:

1. Раздобурдин В.В., Шпак Н.М. О возможности использования современных информационных технологий в расследовании преступлений// В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам 74-

й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. 2019. С. 1377-1380.

2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. - М.: НОРМА, 2000. – 990 с.

3. Приговор Красноглинского районного суда г. Самары от 20 июля 2017 г. № 1-114/2017. по делу № 1-114/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/k4hWuCP6dxxl/> (дата обращения: 01.03.2020).

4. Сергеев В.В., Шпак Н.М. Организация первоначального этапа расследования преступлений, совершенных преступной группой или сообществом// В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. 2019. С. 1410-1413.

5. Риконен Д.В., Шпак Н.М. О законодательном закреплении понятия "следственных действий" в уголовно-процессуальном законодательстве// В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2016 год. 2017. С. 885-887.

6. Мирошниченко М.А., Шпак Н.М. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП// В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. 2019. С. 1288-1290.

УДК 342.9

Куркова К.М.

*кандидат юридических наук, старший исследователь
заведующий отделом научно-правовых экспертиз
и законопроектных работ*

*Научно-исследовательского института публичного права
Киев, Украина*

<https://orcid.org/0000-0002-4259-5511>

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США: СТАНОВЛЕНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Kurkova Kseniia

Ph.D. in Law, Senior Researcher

Head of the Department

of Scientific and Legal Expertise and Legislative Work,

Research Institute of Public Law

Kyiv, Ukraine

US SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POLICY: FORMATION OF REGULATORY REGULATION

Аннотация

В статье проведен анализ ключевых нормативно-правовых актов, которые оказали важнейшее влияние на современную научно-технологическую политику США. Сделан вывод о том, что фундамент современной научно-технологической политики США был заложен в 40-е гг. XX ст., а созданная в то время структура организации научной деятельности продолжает работать и по сегодняшний день.

Abstract

The article analyzes the key regulatory acts which have had a major impact on the current US science and technology policy. It is concluded that the foundation of modern US science and technology policy was laid in the 40s. XX century, and the structure of the organization of scientific activity created at that time continues to work to this day.

Ключевые слова: наука, технологии, инновации, научно-технологическое развитие, государственная политика, научно-технологическая политика

Keywords: science, technology, innovation, scientific and technological development, state policy, scientific and technological policy

Вступление. Важным аспектом мирового лидерства США является лидирующее положение именно в научной сфере. Эффективность функционирования научно-технической системы США определяется действием трёх факторов: стабильным финансированием, целенаправленным поддержанием баланса между элементами научно-технического комплекса и между отдельными направлениями наук и наличием расширяющейся базы талантливых научных и технических кадров [1, с. 343].

Для того чтобы разобраться в особенностях научно-технологической политики США, необходимо обратиться к истории ее нормативно-правового регулирования. Целью данной статьи является анализ ключевых, по нашему мнению, нормативно-правовых актов, которые оказали важнейшее влияние на современную научно-технологическую политику США.

Изложение основного материала. Развитие научно-технологической сферы в США началось еще в конце XVIII века с принятия законов в сфере защиты интеллектуальной собственности (законы об авторском праве 1790, 1831 гг., патентные акты 1790, 1793, 1836 гг.).

В период гражданской войны 1861-1865 гг. в США использовалась практика применения военных контрактов, которые позволяли улучшить технологии военной и гражданской промышленности. Военные проекты реализовывались при участии как государственного, так и частного секторов с дальнейшим использованием научных разработок и в гражданских отраслях. Именно во время гражданской войны стало зарождаться партнерство между государством и наукой.

В начале XX века научные исследования в США финансировались в основном за счет частных компаний или фондов (фонды Карнеги, Рокфеллера, корпорации – «Du Pont», «General Electric»). Федеральное правительство финансово практически не поддерживало научные исследования, что крайне негативно сказывалось на развитии фундаментальной науки.

Закон о сельскохозяйственных колледжах 1862 г. (Land-Grant College Act или закон Морила – по имени автора законопроекта Джастина Мо-

рила) [2] положил начало государственной поддержке науки в США и вплоть до 1940-х гг. считается самым значимым случаем участия правительства в научной сфере. Согласно этому Закону каждому штату давался грант в размере 30 тыс. акров из федерального земельного фонда, затем земля должна была быть продана, а доход от ее продажи использовался для учреждения и поддержки сельскохозяйственных и технических колледжей с целью повышения уровня образования, практической подготовки специалистов, внедрения научных разработок в сельское хозяйство и машиностроение, как одних из самых востребованных и развитых на то время отраслей экономики. Таким образом закон Морила практически заложил фундамент профессионального образования в США, изменив вектор образования в сторону развития прикладных исследований. В 1887 году был принят закон Хетча (Hatch Act) [3], благодаря которому изменилась сущность тогдашних колледжей и возросло значение научно-исследовательской деятельности. Согласно этому закону, колледжи, которые были созданы в соответствии с законом Моррилла получили гранты для создания научно-исследовательских экспериментальных сельскохозяйственных станций. Таким образом, к этому времени были разработаны основные структурные элементы системы научного обеспечения сельского хозяйства.

Вместе с тем, фундамент современной научно-технологической политики США был заложен в 40-е гг. XX ст., а созданная в то время структура организации научной деятельности продолжает работать и по сегодняшний день. Концептуальные основа и принципы развития науки сформулированы в докладе Ванневару Буша, инженера, изобретателя, руководителя Бюро научных исследований и разработок – «Наука – бесконечная передовая» (Science: The Endless Frontier) 1945 г., подготовленного по поручению президента Рузвельта. Эти основы по праву считаются «краеугольным камнем» научной политики США, а сам Ванневар Буш – ее «отцом-прародителем». Очень важным нам представляется видение В. Буша об отношении государства к науке: «Наука – это забота правительства... поскольку надлежащие здоровье, благосостояние и безопасность являются обязанностями правительства, научный прогресс является и должен быть для

него жизненно важным интересом» [4]. Исходя из анализа доклада, можно выделить несколько ключевых его тезисов: 1) правительство обязано оказывать должную поддержку фундаментальных исследований; 2) развитие фундаментальной науки должно быть закреплено за научно-исследовательскими университетами, которые представлялись как основная форма организации научной деятельности; 3) автономность и самостоятельность научных организаций в развитии фундаментальной науки; 4) открытость и прозрачность деятельности научных организаций; 5) создание независимого специального учреждения (Национального исследовательского фонда).

В дальнейшем многие положения доклада В. Буша о Национальном исследовательском фонде (National Science Foundation) были отражены в Законе о Национальном научном фонде 1950 г.

Закон «О научно-технической политике, организации и приоритетах» (National Science and Technology Policy, Organization, and Priorities Act of 1976) [5] остается основополагающим нормативно-правовым актом о целях, задачах, приоритетах и принципах научно-технологической политики США. Согласно этому закону федеральное правительство играет ключевую роль в планировании научно-технологической политики, обеспечении надлежащего финансирования науки, а так же выступает как главный организатор по содействию развития фундаментальных наук.

Этим же Законом Конгресс учредил Управление по научной и технологической политике Белого дома (Office of Science and Technology Policy) для предоставления Президенту и другим лицам в Администрации Президента рекомендаций по научным и технологическим аспектам экономики, в том числе по национальной безопасности, технологическому восстановлению и использованию ресурсов, его особый орган – Федеральный координационный совет по науке, технике и технологии, а также временный Комитет по науке и технике при Президенте для исследования вероятных возможностей научно-технологического развития на федеральном уровне.

Следующим этапом было принятие в 1980 г. законов Бая-Доула (Bayh-Dole Act or An act to amend the patent and trademark laws, 1980) [6] и Стивенсона-Уайдлера (Stevenson-Wydler Technology Innovation Act, 1980) [7]. Положения Закона Бая-Доула включают одни из самых эффективных мер по развитию инноваций. Этот закон поощрял патентование научно-исследовательских результатов и их коммерциализацию, позволив университетам и другим некоммерческим организациям (например некоммерческим исследовательским лабораториям) самостоятельно принимать решение по поводу прав на изобретения, полученных в результате исследований, финансируемых из федерального бюджета, – они имели право оставить исключительные права на изобретения за собой, передать изобретателям или же разделить их между университетом и изобретателями. Таким образом, университеты имели возможность получать прибыль от

лицензий на свои патенты, и при этом делить доход с самими изобретателями. При этом, в обмен на получение права собственности на изобретения, для сохранения статуса некоммерческих организаций и получения налоговых льгот университеты были обязаны выполнять определенные требования, в том числе: заниматься коммерциализацией полученных научно-исследовательских результатов, трансфером технологий; делить полученную прибыль от передачи лицензий с изобретателями; использовать прибыль на подготовку научных кадров, научные исследования.

Наряду с законом Бая-Доула по части законодательного стимулирования инновационной деятельности следует выделить и закон Стивенсона-Уайдлера [7], который регламентировал порядок трансфера технологий между государственным и частным секторами, обязав федеральные научные организации создавать специальные подразделения по выявлению коммерчески ценных технологий и их дальнейшей коммерциализации.

В 80-е годы в США основная проблема состояла в том, что несмотря на большое количество патентов, собственником которых было правительство, лишь малый процент от числа этих изобретений были коммерциализированы, а увеличение финансирования науки не могло решить проблему определения потенциальной коммерческой пригодности изобретений и последующей их коммерциализации. Таким образом эти два закона способствовали внедрению изобретений, созданных за государственный счет, в экономический оборот, а также содействовали конкурентоспособности промышленности.

В дополнение к закону Бая-Доула в 1984 г. был принят Акт о национальных кооперативных исследованиях (National Cooperative Research Act, 1984), который представляет собой исключительно важный документ для имплементации новой научно-технической политики. Главная заслуга этого закона состоит в том, что он ограничил применение антитрастового законодательства к совместным предприятиям по научным исследованиям и разработкам. Впоследствии он был усовершенствован и трансформирован в Акт о национальных кооперативных исследованиях и продукции от 1993 г. (The National Cooperative Research and Production Act, 1993), который уточнил применение правила разумного подхода (rule of reason approach) к антитрастовому анализу деятельности совместных предприятий [8, с. 162].

В более поздних законах «О конкуренции» 2007 г. (The America COMPETES Act of 2007 or the America Creating Opportunities to Meaningfully Promote Excellence in Technology, Education, and Science Act) [9] и его последующей редакции The America COMPETES Reauthorization Act of 2010 [10], а также «О восстановлении американской экономики и реинвестировании» от 2009 г. (American Recovery and Reinvestment Act of 2009) [11] отображены основополагающие позиции и задачи, которые федеральное правительство ставило и ставит в

сфере научно-технологического и инновационного развития страны.

Выводы. США являются бесспорным лидером мирового научно-технологического развития в первую очередь потому, что значимость науки, технологий и инноваций для экономического развития страны и необходимость активной государственной поддержки науки были осознаны еще на самых ранних этапах истории становления государства. Именно благодаря правильной «ставке» на науку США долгие годы удерживают позицию мирового научного лидера, превосходя другие страны как по уровню и динамике развития научно-технологического потенциала, так и по эффективности его использования в интересах общего блага. Основой такой результативной государственной научно-технологической политики США являются: осознание представителями государства всех уровней власти необходимости и значения научно-технологического развития, грамотно и четко расставленные приоритеты государственной поддержки науки, а также выбор форм и методов стимулирования ее развития.

Список литературы

1. Супян В.Б., Бабич С.Н., Давыдов А.Ю., Зименков Р.И. Экономика США: эволюция модели в условиях глобализации: Учебник. Под ред. В.Б. Супяна. Москва: Магистр: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 560 с.
2. Land-Grant College Act of 1862. The Library of Congress. URL: <https://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=llsl&file-Name=012/llsl012.db&recNum=534>
3. The Hatch Act of 1887 URL: https://library.ndsu.edu/ir/bitstream/handle/10365/61113/farm_45_03_01.pdf?sequence=1&is-Allowed=y
4. Science The Endless Frontier. A Report to the President by Vannevar Bush, Director of the Office of Scientific Research and Development. United States Government Printing Office. Washington: 1945. URL: <https://www.nsf.gov/od/lpa/nsf50/vbush1945.htm#ch1.2>
5. National Science and Technology Policy, Organization, and Priorities Act of 1976 URL: <https://www.congress.gov/bill/94th-congress/house-bill/10230?q=%7B%22search%22%3A%5B%22cite%3A%22%22%5D%7D&s=1&r=1>
6. An Act to amend the Patent and Trademark laws of 1980. URL: <https://history.nih.gov/research/downloads/pl96-517.pdf>
7. Stevenson-Wydler Technology Innovation Act URL: <https://legcounsel.house.gov/Comps/Stevenson-wydler%20Technology%20Innovation%20Act%20of%201980.pdf>
8. Игнатов И.И. роль акта Бэя-Доула (Bayh-Dole act, 1980) в трансфере научных знаний и технологий из американских университетов в корпоративный сектор: итоги тридцатилетнего пути. Управление наукой и наукометрия. 2012. № 12. С. 159-188.
9. The America COMPETES Act of 2007 URL: <https://www.congress.gov/110/plaws/publ69/PLAW-110publ69.pdf>
10. The America COMPETES Reauthorization Act of 2010 URL: <https://www.congress.gov/111/plaws/publ358/PLAW-111publ358.pdf>
11. American Recovery and Reinvestment Act of 2009 <https://www.congress.gov/111/plaws/publ5/PLAW-111publ5.pdf>

Малеваник Алина Андреевна,

Нагорянская Светлана Юрьевна

студентки Школы Экономики и Менеджмента

Дальневосточного федерального университета,

690922, РФ, Приморский край, о. Русский, п. Аякс 10, кампус ДВФУ.

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11625](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11625)

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Malevanyk Alina Andreevna,

Nagoryanskaya Svetlana Yuryevna

School of Economics and Management students

Far Eastern Federal University,

690922, Russia, Primorsky Krai, Fr. Russian, Ajax 10, FEFU campus.

PROBLEMS OF ORGANIZED CRIME IN MODERN RUSSIA

Аннотация

Организованная преступность в современной России, является далеко не исключением, преступники-профессионалы, в своей деятельности пытаются создать иерархически стройную систему, которая может влиять на деятельность, как простых граждан, так и сотрудников государственных органов.

Abstract

Organized crime in modern Russia is by no means an exception, professional criminals, in their work, are trying to create a hierarchically harmonious system that can affect the activities of both ordinary citizens and government officials.

Ключевые слова: организованная преступность, профессиональная преступность, иерархия, мотивы, целевое предназначение.

Keywords: organized crime, professional crime, hierarchy, motives, purpose.

Как криминальное явление организованная преступность зародилась в виде групповой преступности. Дальнейшая ее трансформация в организованную преступность проходила благодаря внедрению ее участников в разные институты социума. Многие ученые отмечают, что организованная преступность в последнее время особенно пронзила такие сферы жизнедеятельности как политическая, экономическая.

Организованная преступность является средством перераспределения капиталов и собственности, включая криминальные, оказывает влияние на власть и политику. Растущая криминализация отношений в экономической сфере ставит задачу предупреждения противоправной деятельности организованных преступных структур, в первую очередь в экономической сфере, в число важнейших задач правоохранительных органов².

Организованность – особое качественное состояние преступности. Организованную преступность следует рассматривать как специфическую социальную подсистему, которая, как и любая другая, развиваясь, взаимодействует с иными общественными явлениями и структурами.

На наш взгляд, наиболее полное понятие организованной преступности дает И.В. Годунов, рассматривая ее как «негативное социальное явление, складывающееся из организованной преступной деятельности, носящей постоянный характер, в виде совершения множества преступлений на криминально-профессиональной основе в целях криминального обогащения лицами, объединившимися в устойчивые высокоорганизованные, законспирированные, преступные формирования, действующие самостоятельно или в составе еще более сложной иерархии на региональном, государственном или международном уровне³».

Статистика показала, что за последние пять лет количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, в целом сократилось на 22,3%, однако следует отметить, что в 2018 году, по сравнению с 2017 годом, количество таких преступлений выросло на 6,5%. Если в 2017 году организованными группами или преступными сообществами совершено 12,1 тысяч тяжких и особо тяжких преступлений, то в 2017 году этот показатель равен 12,9 тысяч.

Стоит учитывать, что организованная преступность обладает высоким уровнем латентности, что

затрудняет выявление и предупреждение таких преступлений.

В структуре организованной преступности основную долю составляют преступления экономической направленности и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств⁴.

Ярким примером, является Приговор № 1-543/2019 от 16 августа 2019 года, в мотивировочной части которого, установлено следующее:

В течение длительного времени Кузин А.Е. был знаком с начальником ОЭБиПК УМВД РФ по городу Саратову ФИО, поддерживал с ним дружеские отношения, Кузин А.Е. был также знаком с ФИО7. В период времени с 14 февраля 2014 года по 18 марта 2014 года, Кузину А.Е. стало известно, о том, что сотрудники ОЭБиПК УМВД РФ по городу Саратову будут проводить проверки, его магазинов, по факту совершения данных проверок, данные сотрудники обнаружили бы факт совершения множества экономических преступлений совершенных Кузин А.Е. и ФИО7, используя свое знакомство с начальником ОЭБиПК УМВД РФ, которые также был заинтересован в реализации деятельности этих магазинов, группа лиц, запретила нижестоящим сотрудникам проводить данные проверки, сославшись на запрет руководящих органов⁵.

Результаты развернутого криминологического анализа позволяют утверждать, что значительная часть преступлений, совершенных группой лиц, имеет те или иные признаки криминального профессионализма (ролевая специализация, привычный характер преступного поведения).

Все преступления, совершаемые профессиональными преступниками, имеют идентичные мотивы. Корысть является главным мотивом, который всегда связан с профессиональной преступностью.

Корысть бывает связана и с другими мотивами:

- зависть – самая распространенное качество, которое порождает, развивает и закрепляет в человеке другие пороки, как например, месть, ненависть и т.д., которые в свою очередь, выступают в виде мотивов;

- стремление к удовлетворению потребности в риске, насилии, что порождает агрессивность, жестокость, бессердечие. Этот мотив свойственен людям самодовольным, упрямым, мстительным;

- стремление к удовлетворению потребности в приобретении капитала, что основано на жадности, скупости, алчности, стремлении к накопительству и т.д.

²Буданов С.А., Дорохова О.В. Организованная преступность и ее связь с рецидивной и профессиональной преступностью // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 4. С. 123.

³Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России. Автореф. дис. д-ра юридических наук. Рязань, 2002. С. 24.

⁴Бочкарева Е.В. Организованная преступность как форма самодетерминации преступности // Spirit time. 2018. № 12 (12). С. 2.

⁵Приговор Энгельсского районного суда № 1-543/2019 от 16 августа 2019 г. по делу № 1-543/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.03.2020).

Корыстный мотив может иметь двойную подоплеку: 1) когда он является неотъемлемой чертой человека, идет изнутри, представляет собой свойство личности; 2) когда он является агрессивной реакцией на материальные блага, ценности, деньги, то есть на благосостояние другого человека⁶.

Анализируя профессиональную преступность, можно заметить, что между преступлением и личностью преступника существует тесная связь. Из этого следует, что преступник-профессионал совершает преступление не только под воздействием данных объективных условий, но сама антиобщественная направленность его мировоззрения и нравственных принципов создает объективные предпосылки для совершения преступлений.

Список использованных источников

1. Специальная литература:

1.1. Бочкарева Е.В. Организованная преступность как форма самодетерминации преступности // Spirit time. 2018. № 12 (12). С. 1 – 11.

УДК 343.9

1.2. Буданов С.А., Дорохова О.В. Организованная преступность и ее связь с рецидивной и профессиональной преступностью // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 4. С. 123 – 126.

1.3. Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России. Автореф. дис. д-ра юридических наук. Рязань, 2002. С. 24.

1.4. Рахимберлин О.Н. Характеристика профессиональной преступности и ее связь с организованной и рецидивной преступностью // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. 2014. С. 94 – 97.

2. Судебная практика:

2.1. Приговор Энгельского районного суда № 1-543/2019 от 16 августа 2019 г. по делу № 1-543/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.03.2020).

*Мельник Наталья Александровна,
Шпак Нина Михайловна,*

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Россия, г. Краснодар*

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА И СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

*Melnik Natalia Alexandrovna,
Shpak Nina Mikhailovna,*

I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University,

FEATURES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL PRODUCTION AND SALE NARCOTIC DRUG

Аннотация

В данной научной статье рассмотрены особенности криминалистической характеристики незаконного производства и сбыта наркотических средств. Авторы рассматривают важнейшие элементы криминалистической характеристики и подчеркивают, что ее центральным элементом является способ совершения преступления.

Abstract

This article discusses the features of the crime scene as an element of the criminalistic characteristics of murder associated with robbery. The authors draw attention to its difference from the situation of murder with the subsequent theft of property belonging to the victim by the mechanism of events unfolding at the scene of the crime.

Ключевые слова: *криминалистическая характеристика, расследование преступлений, способ совершения преступления, сбыт наркотиков.*

Keywords: *criminological characteristics, the investigation of crimes, method of committing the crime, sale of drugs.*

Во всем мире проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, являются многоаспектными и приобретают все большую актуальность. Тяжелые последствия от распространения наркотических средств создают реальную угрозу здоровью населения, подрывают экономический потенциал, негативно влияют на демографи-

ческую ситуацию в мире и правопорядок в государстве. Поэтому ответственность за преступления, связанные с незаконным сбытом и распространением наркотиков, предусматривает суровое наказание.

В России, согласно официальным данным Генеральной Прокуратуры РФ, число выявленных преступлений, связанных с незаконным сбытом и

⁶Рахимберлин О.Н. Характеристика профессиональной преступности и ее связь с организованной и рецидивной

преступностью // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. 2014. С. 96.

распространением наркотиков в 2019 году по сравнению с 2010 годом снизилось на 32,4 тысяч и составило 190,2 преступлений [1].

Для успешного расследования незаконного производства и сбыта наркотиков следователю, оперативному работнику необходимо, прежде всего, знать криминалистическую характеристику преступного посягательства [2].

Совокупность сведений, имеющих значение для дальнейшего расследования преступления, составляет его криминалистическую характеристику. Этот термин является относительно новым для отечественной правовой науки, так как он появился в 60-х годах прошлого столетия. Основным элементом, входящим в структуру частной криминалистической методики, является криминалистическая характеристика преступления [3]. По своему содержанию криминалистическая характеристика включает в себя большое количество информации. По степени обобщения выделяют три самостоятельных, но при этом взаимосвязанных уровня криминалистической характеристики, которые включают:

1) обобщенную криминалистическую характеристику для всех видов преступлений, которая представляет собой больше абстрактную модель;

2) криминалистическую характеристику группы однородных преступлений. В юридической науке ее называют типовой характеристикой, оно представляет собой родовое понятие;

3) криминалистическую характеристику отдельно взятого преступления, например, незаконного производства и сбыта наркотических средств.

В науке криминалистике в последнее время преимущественное значение получила разработка частных методик расследования отдельных видов преступлений [4]. Криминалистическая характеристика имеет свои структурные элементы, которые необходимы для оперативного получения максимально достоверной информации о преступном деянии и лице его совершившем. К элементам криминалистической характеристики незаконного производства и сбыта наркотических средств относятся следующие:

- предмет преступного посягательства, то есть то, на что оно направлено. Представленный элемент присутствует как в материальном уголовном праве, так и в криминалистике. С точки зрения криминалистической характеристики, предмет преступного посягательства содержит в себе гораздо больше сведений, необходимых для расследования и дальнейшего раскрытия уголовного дела. Предмет преступления занимает главенствующее место среди всех элементов характеристики, так как без него нет и состава незаконного производства и сбыта наркотиков. Предметом преступного посягательства преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, являются наркотические вещества.

- особое место в структуре криминалистической характеристики занимает информация о способах совершения, подготовки, сокрытия производ-

ства и сбыта наркотических средств. Данные элементы определяют функциональную сторону преступления. Способ подготовки, совершения и сокрытия следов преступления образует его механизм. Существуют множество способов получения наркотиков.

Например, для получения наркотиков растительного происхождения организуют нелегальный посев наркосодержащих культур с последующим изготовлением наркотических средств. Полученные таким образом растения подвергаются термической и химической обработке в подпольных лабораториях. Отдельные Интернет- сайты специализируются на предоставлении подробной информации о том, как выращивать в домашних условиях семена конопли, какие лучше использовать для этого сорта и приспособления. На страницах этих сайтов предлагается масса литературы и видеозаписей для

Источниками незаконного приобретения и изготовления наркотиков является их хищение на заводах по производству лекарств, в фармацевтических компаниях, аптеках, больницах, частных медицинских клиниках и т.д.

Распространённым способом незаконного получения наркотиков является выписка поддельных медицинских рецептов.

В последнее время в России увеличилось количество незаконных действий, связанных с приобретением и сбытом наркотиков через глобальную сеть Интернет, когда реализация наркотиков все чаще происходит посредством использования бесконтактных способов электронных средств связи. Например, при покупке наркотических веществ через Интернет, потенциальный покупатель осуществляет поиск сайтов, на которых предлагаются различные виды наркотических веществ. Таким образом, осуществляется подготовка к совершению преступления. Затем покупатель заходит на сайт интернет-магазина, на котором он изучает ассортимент предлагаемой продукции, а также прайс-лист, где указаны цены на нее. Некоторые интернет-магазины предоставляют дополнительные услуги в виде номера телефона, по которому можно узнать подробную информацию о том, что из себя представляет то или иное наркотическое вещество, а также какое воздействие оно оказывает на организм человека. Собрав всю необходимую информацию о товаре, происходит заключение сделки. Чаще всего это происходит по закрытым каналам, условия входа на которые сообщает покупателю администратор сайта. При общении продавца с покупателем игнорируются аудио и видео звонки. Для совершения покупки оплата осуществляется через систему «Qiwі-банк» или «Яндекс-деньги». После получения денежных средств на счет продавца, последний сообщает место, где можно забрать наркотики. С целью сокрытия незаконной покупки наркотиков, покупатель просит оформить покупателю чек, где вместо действительного наименования незаконного товара указывается зеленый чай или биологически активная добавка к пище [5].

При расследовании таких способов оплаты сотрудники правоохранительных органов должны запросить всю имеющуюся по электронному кошельку подозреваемого информацию, данные электронной почты и IP-адресов.

Незаконная пересылка наркотических веществ, заказанных в магазинах сети Интернет, осуществляется через Почту России в почтовых отправлениях, посылках. При этом наркотики могут пересылаться в конверте, которые специально помещают между листами бумаги или фольги. Пересылаются таким образом любые наркотические вещества, растения или их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества. Пересылке подлежат готовые комплекты химических реактивов, чтобы получать в домашних условиях амфетамин и другие наркотики.

Не менее важным элементом криминалистической характеристики незаконного производства и сбыта наркотиков является личность самого преступника. Так, к наркодилерам следует относить граждан, которые имеют хорошие знания в области компьютерной информации, программировании и шифровании. Как правило, данные лица являются ранее не судимыми. В общей сложности, весь спектр перечисленных признаков усложняет работу для следователя, так как расследовать преступление, совершенное лицом, ранее не совершавшим преступления затруднительно.

Подводя итоги настоящему научному исследованию, можно сказать о том, что криминалистическая характеристика незаконного производства и сбыта наркотических средств способствует лучшему познанию события преступления, конкретизации перечня обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в рамках конкретного уголовного дела.

Несмотря на снижение числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков на территории РФ за рассматриваемый период, в последнее время увеличивается количество незаконных действий с наркотиками, совершенных через

сеть Интернет. При совершении подобного преступления, в большинстве случаев отсутствует тесный контакт между преступником и потребителями наркотиков, что вызывает некоторые сложности при обнаружении следов противоправного деяния при расследовании подобных преступлений. Знание следователем механизма преступного деяния будет способствовать повышению качества и сокращению сроков проводимого расследования.

Список литературы:

1. Портал правовой статистики при Генеральной прокуратуре РФ // Режим доступа: <http://crimestat.ru> (Дата обращения: 22.03.2020).

2. Ковалюк В.М., Головин М.В. Некоторые элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с покушением на жизнь работников правоохранительных органов // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Ответственный за выпуск А.Г. Коцаев. 2019. С. 1207-1210.

3. Головин М.В. Частная криминалистическая методика расследования преступлений террористического характера // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3 (86). С. 168-172.

4. Головин М.В. Расследование преступлений по горячим следам // В сборнике: Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Ответственный редактор Г.М. Меретуков. 2019. С. 239-242.

5. Агафонов В.В., Чистова Л.Ю. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием Интернета и электронных средств связи // Вестник Московского университета МВД России. - М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России. -2011. -№ 3. - С. 116-121.

Мирошниченко Олеся Геннадьевна
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

ПРАВО РЕБЕНКА НА ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РОДИТЕЛЕЙ

Miroshnichenko Olesya Gennadievna
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina

THE RIGHT OF A CHILD TO BE RAISED IN A FAMILY WHEN THE PARENTS ARE SEPARATED

Аннотация.

В статье рассматривается осуществление права на воспитание ребенка при раздельном проживании родителей, так как зачастую они не могут договориться и прибегают к помощи уполномоченных органов. Анализируются основные способы разрешения споров об определении местожительства ребенка. Исследуется вопрос о компетенции субъектов, обладающих правомочием на предоставление документов в суд по защите прав несовершеннолетних. Предлагаются пути выхода из данной неразрешенной законодателем правовой ситуации.

Abstract.

The article deals with the implementation of the right to raise a child when parents live separately, since they often cannot agree and resort to the help of authorized bodies. The article analyzes the main ways to resolve disputes about determining the child's place of residence. The article examines the competence of subjects that have the right to submit documents to the court for the protection of the rights of minors. The ways out of this legal situation, which is not resolved by the legislator, are suggested.

Ключевые слова: *ребенок, воспитание, проживание, родители, опека, попечительство.*

Keywords: *kid, education, accommodation, parents, guardianship and guardianship.*

В семейном законодательстве устанавливается право ребенка на проживание и воспитание в семье, однако если у него нет законных представителей вследствие лишения их родительских прав и иных обстоятельств органы опеки и попечительства обеспечивают представление его интересов. Законодатель придает особое значение семейному воспитанию детей. Количество споров, рассматриваемых судами, связанных осуществлением семейного воспитания ребенка родителями при раздельном их проживании возрастает с каждым днем и наблюдается снижение судебных разбирательств, приводящих к лишению родительских прав, в следствие не реализацией одним из них обязанностей. Это свидетельствует о осознании обществом того, что семейное воспитание ребенка является высшей ценностью, даже если родители не проживают совместно, а лишение родительских прав является крайней мерой государственной защиты интересов ребенка [1, с. 67].

В семейном законодательстве указано право ребенка знать своих родителей. В этом положении проявляется схожесть с нормами Конвенции о правах ребенка от 1989 года, имплементированной в отечественное законодательство. В Конвенции указано, что ребенок не может быть разлучен с родителями, однако если права, интересы ребенка нарушены, в следствии угрозы жизни, здоровью ребенка родители могут лишены своих обязанностей. Необходимо учитывать интересы ребенка в семье.

В Гражданском кодексе РФ в статье 20 указано, что место проживание несовершеннолетнего должно совпадать с местом жительства его родите-

лей и иных законных представителей. При раздельном проживании родителей как в РФ, так и за рубежом место жительства детей определяется ими по соглашению, либо в судебном порядке. Суд при принятии решения о проживании ребенка с родителем учитывает мнение ребенка, а также его интересы [2, с. 90].

Споры, связанные с определением местожительства ребенка с одним из родителей, возникают в случае расторжения брака законных представителей несовершеннолетнего путем подачи искового заявления. Указанный семейно-правовой конфликт может быть разрешен в судебном порядке посредством заключения соглашения о месте проживания ребенка или спор подлежит разрешению судом на основании заявления одного из родителей ребенка об определении проживания ребенка либо если соглашение между законными представителями не было достигнуто суд сам определяет с кем из родителей останется ребенок. При принятии решения о проживании ребенка с одним из родителей суд опирается на привязанность, взаимоотношения ребенка с родителями, его возраст, материальную возможность по обеспечению ребенка законным представителем, а также возможность предоставления условий для физического, психического, нравственного, психологического развития, индивидуальные черты характера родителей.

Рассматривая спор о проживании ребенка с одним из родителей, при их распадае семья суд должен подробно изучить условия место проживания каждого из родителей путем ознакомления с заключением органа опеки и попечительства, в котором указывается характеристика жилищно-бытовых

условий, обеспечивающих жизнедеятельность ребенка.

Следует обратить внимание на то, что органы опеки и попечительства в большинстве случаев присутствуют в судебном заседании при рассмотрении споров об определении местожительства детей при раздельном проживании родителей. На практике возникает проблема, связанная с тем, что нет закрепленного порядка о привлечении какого органа опеки и попечительства к участию в деле и какой конкретно орган опеки и попечительства должен составить заключение, в случаях, когда один из родителей, который хочет осуществлять воспитание и совместное проживание с ребенком, проживает раздельно от него [3, с. 86].

В справке по материалам обобщения судебной практики Калининградского областного суда указано, что суды привлекают орган опеки и попечительства по месту проживания истца или по месту жительства ответчика, а также может быть привлечен уполномоченный орган по месту нахождения ребенка в специальном учреждении. Однако выделяют случаи, когда акт обследования жилищно-бытовых условий был представлен органом опеки и попечительства, как по месту жительства истца, так и по месту жительства ответчика, но письменное заключение по существу спора дано только органом опеки, попечительства по месту жительства истца. Калининградский областной суд, исходя из того, что письменное заключение суду необходимо запросить и у органа опеки и попечительства по месту жительства ответчика с несовершеннолетним.

Алтайский краевой суд в справке по материалам судебной практики указал, что акты по обследованию жилищно-бытовых условий ребенка и его законных представителей необходимо составить органами опеки, попечительства по месту жительства каждого из этих лиц, но обязательно нужно привлекать к участию в деле орган опеки и попечительства по месту рассмотрения спора, который, исходя из представленных актов обследования и других доказательств, и должен дать заключение по существу спора.

Однако представляется правильным для составления единой правовой позиции по данному вопросу придерживаться того, что заключение, составленное органом опеки и попечительства должно быть одно, такое участие одного уполномоченного органа обеспечит сокращение времени на судебное разбирательство, быстрому вынесению решения по делу. Необходимо внести изменения в статью 78 СК РФ, которая бы указывала на уполномоченный территориальный орган опеки и попечительства для выдачи заключения об обследовании условий местожительства родителей.

Суд при рассмотрении дела об определении порядка воспитания и проживания ребенка с одним из родителей назначает психиатрическую экспертизу для установления факта отсутствия давления на ребенка одним из законных представителей. Суд при разрешении спора может обратиться к специали-

стам для выявления степени привязанности ребенка к родителям. Свидетелями по делу выступают работники детского сада, педагоги учреждений, которые посещает ребенок для выяснения степени участия родителей в его воспитании. Материальная составляющая не имеет решающего значения, так как от другого родителя могут потребовать в последующем выплатить алиментное содержание на ребенка.

При рассмотрении спора об определении порядка воспитания и местожительства более двух детей с одним из родителей суд учитывает возможности по предоставлению содержания на каждого ребенка, его воспитание, взаимоотношения, складывавшиеся между детьми. В случае если отсутствует возможность по передаче детей одному из родителей, то они распределяются между двумя законными представителями, однако суд осуществляет такую передачу опираясь на возраст, привязанность детей, а также устанавливает порядок общения детей с законными представителями. В семейном праве закреплено равное право и обязанности обоих родителей. На практике при рассмотрении споров, связанных определением порядка воспитания и проживания ребенка при расторжении брака между родителями, он нередко может быть передан матери. Однако возрастает число дел, связанных с передачей ребенка отцу. В законодательстве отсутствует приоритет одного из родителей перед другим [4, с. 45].

Таким образом при расторжении брака между родителями и определении порядка проживания, воспитания ребенка, он испытывает сложности в психологическом плане, связанные с хоть и временной, но с разлукой с родителем. Законные представители при возникновении споров, в которых участниками становятся дети должны учитывать интересы ребенка при выборе порядка воспитания и проживания с одним из родителей. Ведь от того как поступят родители в данной ситуации зависит дальнейшее восприятие ребенком семейных отношений, участником которых он в будущем может стать.

Список литературы

1. Громоздина М. В. Порядок осуществления родительских прав при раздельном проживании родителей: критерии установления и реальное исполнение // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - № 17. - С. 67-70.
2. Жаглина М.Е. Споры о детях: процессуальные аспекты // Вестник Воронежского института МВД России. - 2017. - № 14. - С. 90-96.
3. Переплеснина Е.М. Защита прав и законных интересов детей при проживании родителей в различных государствах // Вестник Московского университета МВД России. - 2018. - № 17. - С. 86-91.
4. Якушев П.А. Участие органов опеки и попечительства в спорах о воспитании детей: процессуальная формальность или реальная защита прав ребенка? // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2018. - № 16. - С. 44-47.

*Егорова О.А.**Российский государственный университет правосудия, г.Москва*[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11626](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11626)**УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ «СПРАВЕДЛИВОСТИ»***Egorova O. A.**Russian state University of justice, Moscow***CREDIBILITY AND MOTIVATION OF THE EXPERT OPINION AS A GUARANTEE OF PROCEDURAL «FAIRNESS»****Аннотация**

В настоящей публикации рассмотрен вопрос о критериях убедительности и мотивированности заключения эксперта как необходимых условий для его признания доказательством при судебном рассмотрении дел. Исследование проводится на основе анализа соответствующих положений, установленных процессуальным законодательством в Российской Федерации, а также выработанных цивилистической доктриной. Обосновывается идея, что убедительность и мотивированность экспертного заключения выступают гарантией процессуальной «справедливости», выступают в качестве «строгого» процессуального требования к стандарту данного доказательства, исходя из чего, экспертное заключение по данному основанию требует более «внимательной» судебской оценки.

Abstract

This publication discusses the criteria for the credibility and motivation of an expert's opinion as necessary conditions for its recognition as evidence in court proceedings. The research is based on the analysis of the relevant provisions established by the procedural legislation in the Russian Federation, as well as developed by the civil doctrine. The author substantiates the idea that the credibility and motivation of the expert opinion act as a guarantee of procedural "fairness", act as a "strictly" procedural requirement for the standard of this evidence, which is why the expert opinion on this basis requires a more "vigilant" judicial assessment.

Ключевые слова: доказательство, экспертное заключение, оценка доказательства, процессуальный порядок, убедительность, критерии оценки, суд.

Keywords: evidence, expert opinion, evaluation of evidence, procedural order, credibility, evaluation criteria, court.

Одним из видов доказательств по судебным делам выступает заключение эксперта. Такой вид доказательства весьма распространён в различных правовых системах государств, однако его судебная оценка варьируется в зависимости от определённых критериях, установленных в законодательстве конкретной страны. К примеру, в Российской Федерации в гражданском судопроизводстве регламентировано (статья 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), что эксперт даёт заключение в письменной форме; заключение эксперта должно содержать подробное описание проведённого исследования, сделанные в результате его выводы и ответы на поставленные судом вопросы. В случае, если эксперт при проведении экспертизы установит имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в своё заключение (части 1, 2 указанной нормы). Заключение эксперта оценивается судом по правилам, установленным для оценки любого доказательства в соответствии со статьёй 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Общим правилом оценки доказательств судом по российскому законодательству является то, что суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в

отдельности, а также достаточную и взаимную связь доказательств в их совокупности (часть 3 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Заключение эксперта, как и любое другое доказательство по делу, не имеет заранее установленной юридической силы и оценивается судом наряду с иными представленными доказательствами. Однако не всегда указанное процессуальное требование соблюдается судами, на что обращает внимание Верховный Суд Российской Федерации. Так, в одном из судебных постановлений Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала: «Обосновывая выводы о частичном удовлетворении исковых требований К., суд положил в основу своего решения заключение судебно-психиатрической экспертизы как исключительное доказательство, а фактически проигнорировал все другие имеющиеся в деле доказательства» [6].

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит в себе легального понятия «судебная экспертиза». Данное понятие раскрыто в нормах Федерального закона от 31 мая 2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». Согласно статье 9 указанного нормативного правового акта, судебная экспертиза представляет собой процессуальное

действие, состоящее из проведения исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьёй, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [15]. Корреспондируют данной норме процессуальные положения части 1 статьи 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающие, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебному-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

Производство судебных экспертиз может быть поручено государственным экспертным учреждениями или негосударственным (частным) экспертным учреждениям. К примеру, за 12 месяцев 2018 года в Российской Федерации в рамках гражданского судопроизводства вынесено 300 529 постановлений о назначении экспертиз, из них по 24 562 постановлениям экспертизы назначены в экспертные учреждения Министерства юстиции Российской Федерации, в негосударственные экспертные учреждения - 198 332, а по 36 284 постановлениям – в иные государственные экспертные учреждения [7].

Содержание экспертизы заключается в том, что выводы и результаты, полученные экспертом в ходе её производства, служат установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, при этом установление таких обстоятельств возможно только при помощи лиц, обладающих специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле. Специальные познания не относятся к числу общеизвестных, общедоступных, имеющих массовое распространение, то есть это те познания, которыми профессионально владеет лишь узкий круг специалистов [16, с. 91]. Природа судебной экспертизы заключается в проводимом экспертом ретроспективном анализе обстоятельств, имевших место до и вне судебного производства, то есть эксперт изучает обстоятельства в прошлом, что выделяет данный вид познания от прочих форм. Наиболее достоверные и информативные данные с использованием специальных познаний, на предмет которых назначено производство судебной экспертизы, могут быть получены только специальным субъектом – экспертом.

Вопрос о требованиях, предъявляемых к лицу, которому может быть поручено судом проведение и производство судебной экспертизы, предметом настоящего исследования хоть и не является, однако это не исключает возможность акцентировать внимание на следующем. Различают объективную компетенцию, то есть объём знаний, которыми должен владеть эксперт, и субъективную компетенцию – степень, в которой конкретный эксперт владеет

этими знаниями. Субъективную компетенцию часто называют компетентностью эксперта. Она определяется его образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем экспертной работы, опытом в решении аналогичных экспертных задач, индивидуальными особенностями [9, с. 239].

Вместе с тем, для признания заключения эксперта доказательством по делу недостаточно одной констатации факта её проведения специальным, уполномоченным субъектом – экспертом. Это следует из того, что доказательственной ценностью как средства доказывания является не сама судебная экспертиза, представляющая собой процессуальное действие уполномоченного лица по исследованию предмета оценки, а именно письменный документ – заключение эксперта, составленное им по результатам проведённого исследования и содержащее выводы по такому исследованию. В заключение эксперта даётся профессиональная оценка обстоятельствам, выявленным в ходе специального исследования, произведённого на основании определения суда экспертом [1, с. 74].

Безусловно, заключение эксперта для его признания доказательством должно соответствовать всем установленным в процессуальном законе критериям: относимость, допустимость, достаточность, достоверность. Все перечисленные критерии между собой взаимосвязаны и влияют на общий вывод о соответствии заключения эксперта его стандарту как доказательства. В случае несоответствия заключения эксперта указанным требованиям в процессуальном законодательстве Российской Федерации предусмотрена возможность назначения судом дополнительной экспертизы (статья 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). При этом такая возможность может быть реализована как при рассмотрении дела в суде первой инстанции, так и при апелляционном обжаловании судебного акта суда первой инстанции в суде апелляционной инстанции. Однако в любом случае неверная судебная оценка заключения эксперта на предмет признания его доказательством по делу в суде первой инстанции, безусловно, влечёт за собой затягивание процессуальных сроков рассмотрения и окончательного разрешения гражданского дела.

К примеру, в одном из судебных постановлений апелляционная инстанция Санкт-Петербургского городского суда указала: «...в ходе рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции ответчиком заявлено ходатайство о проведении повторной экспертизы для установления повреждений, зафиксированных у повреждённого автомобиля..., в результате дорожно-транспортного происшествия 17 июля 2017 года и стоимости расходов на восстановительный ремонт. ... поскольку юридически значимым и подлежащим доказыванию в пределах заявленного иска являются вопросы о соответствии заявленных повреждений на деталях, узлах, механизмах транспортного средства ..., а также стоимости восстановительного ремонта с учётом износа, полученных в результате дорожно-

транспортного происшествия от 17 июля 2017 года, судебная коллегия пришла к выводу о необходимости назначения по делу комплексной судебной транспортно-трасологической и автотовароведческой экспертизы... Заключение эксперта ... установлено, что весь объём заявленных повреждений на деталях, узлах, механизмах транспортного средства ... не соответствует обстоятельствам дорожно-транспортного происшествия, произошедшего 17 июля 2017 года.» [2].

Критерий достоверности заключения эксперта как доказательства представляет собой не что иное, как более «строгое» процессуальное требование касательно стандарта этого доказательства: его установление может предотвратить злоупотребление со стороны участников судебного процесса, которые могли в личных «корыстных» целях повлиять на объективность и беспристрастность эксперта при производстве экспертизы. Процессуальную форму проведения судебной экспертизы как гарантию получения достоверного доказательства – заключения эксперта, оценил в своём научном труде М. Ю. Епатко [4, с. 4].

Критерии достоверности заключения эксперта на законодательном уровне прямо не сформулированы. Однако о достоверности заключения эксперта как ключевого понятия в его оценке как доказательства упоминается следующим образом. Так, в соответствии со статьёй 8 Федерального закона от 31 мая 2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Экспертное заключение должно отражать весь ход экспертного исследования: наименование поступивших на экспертизу материалов, их осмотр, сравнительное исследование, эксперимент, описание применяемых методик, оценку результатов и изложение выводов (суждений).

Как справедливо указано М. К. Треушниковым, оценка достоверности заключения экспертизы представляет наибольшую сложность по сравнению с другими доказательствами [11, с.126]. Ю. Г. Коруховым отмечено, что достоверность заключения эксперта надо искать в нём самом вне связи с другими доказательствами [5, с. 27]. В то же время, Е. Р. Россинская указала, что заключительным этапом в оценке достоверности заключения эксперта является соотношение полученного вывода с уже имеющимися доказательствами по делу, то есть оценка экспертного заключения в совокупности с другими доказательствами [10, с. 647].

Вопрос о достоверности заключения эксперта как доказательства, безусловно, сопряжён с вопросом об оценке выводов, сделанных экспертом по результатам проведённого исследования. По определённости выводов существуют различные виды заключений эксперта: категорическое заключение, вероятное (предположительное), заключение эксперта о невозможности ответить на постановлен-

ный вопрос при предоставленных исходных данных [12, с.263]. В доктрине проблематика признания доказательством различных по характеру заключений экспертов с точки зрения определённости выводов, в нём содержащихся, не нова и дискуссионна. Не существует однозначного мнения о том, имеет ли доказательственное значение вероятный вывод эксперта [14, с. 65]. В то же время, российская судебная практика признаёт, что и заключение эксперта с категорическим выводом (утвердительным или отрицательным), то есть достоверном факте независимо от его условий существования, основанном на убеждённости эксперта о истинности и однозначности его выводов, и заключение эксперта с вероятностным выводом, который фактически отражает предположение (гипотезу) об устанавливаемом факте, могут быть признаны доказательствами. Так, к примеру, в одном из судебных актов отмечено, что «Доводы общества о том, что заключение эксперта ... носит вероятностный характер, не подтверждает виновность ответчика в выявленных дефектах, не может быть положено в основу решения суда, отклоняются судом апелляционной инстанции.» [8].

Среди критериев достоверности заключения эксперта выделяют: научную обоснованность, мотивированность, всесторонность, убедительность, полноту, объективность, соответствие предмета исследования компетенции лица, его проводившего, соблюдение экспертом норм действующего законодательства при производстве экспертизы, достаточность, соответствие выводов содержанию исследований [3, с.8; 13, с. 139; 17, с.112].

Наличие столь значительного количества критериев достоверности заключения эксперта указывает на характеристику этого доказательства как доказательства «высшего стандарта», поскольку заключение эксперта подлежит судебной оценке не только с процессуальной точки зрения, но и содержательной его стороны.

Убедительность заключения эксперта в контексте содержательной стороны заключения эксперта играет немаловажную роль ввиду того, что данный критерий отражает аргументированность выводов, к которым пришёл эксперт по результатам проведённого исследования. Надлежащая аргументация (убедительность) выводов, как рационально-логический способ убеждения, позволяет исключить вероятность произвольности в формулировании выводов, действий эксперта по предмету оценки. Убедительность заключения эксперта взаимосвязана с такими качествами как, определённость выводов, их последовательность, отсутствие внутренних разногласий формулируемых выводов, всех частей экспертного заключения (вводной, описательной, мотивировочной, резолютивной), логическая стройность изложения представленных эксперту материалов и используемых им научных теоретических материалов, в том числе «лаконичный» стиль изложения хода исследования, грамотность изложения, точность, общедоступность использованной научной терминологии.

Одновременно с убедительностью экспертного заключения связан и такой критерий, как мотивированность этого заключения. Мотивированность предполагает наличие достаточной степени аргументации ответов на все поставленные вопросы, теоретического анализа представленных исходных данных, в том числе качественного анализа предметов, документов, иной информации. Мотивированность позволяет суду, участникам судебного процесса оценить через текстовое содержание в заключении эксперта полноту его действий, ход его исследований, применение необходимых научных методов и методологий, предназначенных для исследования предмета оценки, понять смысл проведённых экспертом действий.

Таким образом, судебная оценка заключения эксперта представляет собой познавательную деятельность, познавательно-логическую операцию, выражающуюся в оценочных суждениях относительно относимости, допустимости, достоверности этого доказательства. Наличие в содержательной характеристике заключения эксперта таких критериев, как убедительность, мотивированность, свидетельствует о необходимости применения в его оценке не только формализованного подхода, но и качественного. Установление при оценке заключения эксперта отсутствия хотя бы одного критерия: убедительности или мотивированности, будет утверждать о неполноте заключения, а неполноценное заключение доказательством по судебному делу признано быть не может. Непризнание судом заключения эксперта доказательством ввиду отсутствия мотивированности или его убедительности, и будет свидетельствовать о соблюдении процессуальной «справедливости» как надлежащего способа приобретения информации и принятия правосудных судебных решений.

Список литературы.

1. Абдилов К.С., Жанадилов А.Е. Заключение эксперта как доказательство в гражданском процессе // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. №12. С.74.

2. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 29 июля 2019 года (номер апелляционного производства №33-9511/2019) // СПС «Консультант Плюс».

3. Арсеньев В.Д. Истина, достоверность и обоснованность в следственных и судебных актах // Вопросы теории судебной экспертизы: Сборник научных трудов ВНИИСЭ. М.1979. Вып. 39. С. 4-27.

4. Епатко М. Ю. Оспаривание заключения эксперта в гражданском (арбитражном) процессе // Материалы круглого стола, проведённого 4 октября 2012 года Санкт-Петербургским филиалом государственного образовательного учреждения «Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» на тему: «Экспертиза как инструмент доказывания в судебном процессе».

5. Корухов Ю.Г. Достоверность экспертного заключения и совершенствование его оценки // Вопросы теории судебной экспертизы и совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений. Сборник научных трудов ВНИИСЭ. М. 1986. С. 4-27.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2014 года №78-КГ14-26 // СПС «Консультант Плюс».

7. Отчёт судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, о суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счёт средств федерального бюджета и назначении экспертиз за 12 месяцев 2018 года (раздел №6) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 2 апреля 2020 года).

8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2018 года №13АП-30120/2017 по делу №А56-65137/2016 // СПС «Консультант Плюс».

9. Россинская Е.Р., Галяшина ЕИ. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва: Проспект. 2011. 464 с.

10. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. 2006. С. 640 - 656.

11. Треушников М.К. Арбитражный процесс: учебник / М. 2007. С. 126.

12. Треушников М.К. Судебные доказательства. М. 1999. С. 263.

13. Треушников М.К. Судебные доказательства. М. 2004. С. 139.

14. Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам. М., 1997. С. 65.

15. Федеральный закон от 31 мая 2001 года №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации». 2001. №23. Ст.2291.

16. Эйсман А.А. Заключение эксперта. М. 1967. С. 91.

17. Эйсман А.А. Логика доказывания. М. 1971. С. 112.

Приходько Андрій Анатолійович

к.ю.н., докторант

Науково-дослідного інституту публічного права

DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11627

ЧОМУ ДЛЯ ЄВРОПЕЙСЬКОГО СОЮЗУ ТАК ВАЖЛИВО СПІЛЬНО ПРОТИДІЯТИ КОРУПЦІЇ?

Andrey Prikhodko

Ph.D., Doctoral student

Public Law Research Institute

WHY IS IT SO IMPORTANT FOR THE EUROPEAN UNION TO ACT JOINTLY AGAINST CORRUPTION?

Анотація

В статті надано роз'яснення, чому для Європейського союзу питання боротьби з корупцією на порядку денному вже багато років підряд. Охарактеризовано її основні наслідки та виявлено, що кооперація зусиль членів союзу у досліджуваній сфері – основний механізм зниження її проявів.

Abstract

In article explains why issue of fighting corruption has been on agenda in European Union for many years. Its main consequences characterized and revealed that members cooperation in the investigated sphere is the main mechanism for reducing its manifestations.

Ключові слова: викорінення корупційних проявів, Європейський союз, запобігання, корупція, протидія.

Keywords: corruption, European Union, eradication of corruption manifestations, opposition, prevention.

У найбільш узагальненому вигляді корупцією вважається зловживання владою для особистої вигоди. Вона має різноманітні прояви, форми чи різновиди, а також може ховатися за кумівством або конфліктом інтересів [1]. У всьому світі вона сприймається як негативне явище. Що і не дивно, адже її наслідки вкрай масштабні як для держави в економічному аспекті, так і для соціуму у безпечному. Більше того, такі наслідки не обмежені геополітичними (територіальними) чинниками, – її межі транскордонні, а прояви хаотичні.

Якщо, наприклад, сьогодні Нова Зеландія та Данія за індексом сприйняття корупції, опублікованому у 2019 році Transparency International, мають найвищі бали, зокрема по 87 із 100 [2] та є взірцем антикорупційної діяльності для Європи (та й для Сполучених Штатів Америки також, які мають 69 балів) [3], то де гарантії того, що в наступному році індекс рівня корупції у зазначених держав буде на тому ж показнику? Чи вищим або нижчим? Таких гарантій не існує.

Звісно, це країни, що роками будували антикорупційні механізми виховання своїх громадян у руслі викриття, ганьбування таких дій, а також невідворотності кримінально та адміністративно карних заходів щодо осіб, які своїми діями посягли на встановлений державний порядок управління, безпеку громадян та усього світу взагалі. Проте, яка б ідеально сформована законодавча база країни не була, які б антикорупційні заходи не реалізовувались – корупція – це людська хвороба, яка на кшталт пандемії уражає не всіх, а тільки тих людей, що знаходяться «у зоні ризику» – наділені владою.

У більшій мірі наявність корупційних ризиків найчастіше зустрічається під час надання адміністративних послуг, здійснення контрольно-наглядової функції держави [4, с. 34] державних закупівель,

а також у сфері медичного, освітнього та оборонного обслуговування.

На жаль, викоринити корупцію неможливо. Про це свідчить історичний розвиток людства, однак протидіяти, попереджати та вчасно реагування на її прояви – основні цілі які прививає Європейський союз (далі – ЄС) усьому світу.

То чому для ЄС це питання на порядку денному вже стільки років підряд?

Перш за все, це корупційні наслідки. Вони серйозні та широко поширені. Це загроза світовій безпеці; фактор, що сприяє процвітанню злочинності й тероризму.

У соціальному розрізі корупція призводить до того, що у суспільстві діють дві системи – офіційна і неофіційна, тобто правова і нелегальна, через що досить часто саме нелегальна система виходить на перший план руйнуючи всі соціальні цінності [5, с. 2].

У той же час, її наявність перешкоджає економічному зростанню, створюючи невизначеність в бізнесі, сповільнюючи процеси економічного розвитку, накладаючи додаткові витрати на державний апарат. Хоча характер і масштаби корупції можуть відрізнятися в різних державах ЄС, це завдає шкоди союзу загалом [1]. Європейський Союз побудований на компромісах, але коли йдеться про права людини, верховенство права, боротьба з корупцією, компромісу не може бути [6].

Дійсно, 37% підприємств ЄС вважають, що корупція для них є проблемою при веденні бізнесу, а 60% згодні з твердженням, що хабарництво і використання «зв'язки» часто є найпростішим способом отримання певних державних послуг [1].

Окремо зазначимо, що політичні наслідки корупції проявляються в тому, що вона: змінює сутність політичної влади, знижує рівень її легітимності як всередині держави так і на міжнародній арені,

порушує принципи її формування і функціонування, демократичні засади суспільства і держави, підриває політичну систему, тощо. При високому рівні корумпованості державних органів корупція стає системним елементом державного управління. За таких обставин управління державою суттєво віддаляється від демократичних принципів і значно спрощується для корумпованих представників влади, яким притаманний спрощений погляд на владу, на її сутність і суспільне призначення, на власне службове становище, яке розглядається як засіб задоволення особистих інтересів [5, с. 3].

Відповідно, окрім зростання економічної неефективності, корупція негативно впливає на цілі уряду, починаючи від поліпшення розподілу доходів і закінчуючи поліпшенням захисту навколишнього середовища. Найголовніше, корупція підриває довіру до урядів, державних інституцій і демократії в цілому [1].

Отже, економічні та соціальні наслідки корупції у окремо взятій країні негативно впливають як на внутрішні процеси державно-соціальної життєдіяльності держави, так і на зовнішні – втрата або хитке становище інвестиційного потенціалу, відсутність авторитету під час пропозицій чи лобювання світових тенденційних змін, підрив довіри у відносинах транскордонної та транснаціональної співпраці, тощо.

По-друге, наявність корупції в світі перешкоджає належній реалізації цілей задля яких ЄС власне й функціонує – союз повинен забезпечити високий рівень безпеки, в тому числі шляхом запобігання та боротьби зі злочинністю та зближенню норм кримінального закону [1]. Забезпечення якісного всесоюзного життя людства неможливе у разі не інтегрованого законодавства у всіх сферах, однак антикорупційного – найважливіше, що обумовлюється тим, що даний феномен може проявитись у будь-якій сфері чи секторі. Основним інтересом союзу є створення, впровадження та реалізація спільної ефективної антикорупційної політики і союз підтримує своїх членів в продовженні цієї роботи.

Зокрема зусилля Комісії по боротьбі з корупцією зосереджені навколо наступних основних компонентів: 1) включення антикорупційних положень в горизонтальне і галузеве законодавство та політику ЄС; 2) моніторинг результатів в боротьбі з корупцією з боку держав-членів; підтримка реалізації антикорупційних заходів на національному рівні за допомогою фінансування, технічної допомоги та обміну досвідом; 3) вдосконалення бази кількісних доказів антикорупційної політики [1].

3 року в рік Доповіді ЄС репрезентують стан кількісних та якісних показників антикорупційної діяльності його членів та майбутніх претендентів на членство в ньому, результати якої варіюють «лідера».

До речі, відповідно до Індексу сприйняття корупції у 2018 році саме ЄС вважається одним з найменш корумпованих регіонів земної кулі. Десять із 20 найкращих у світі – члени ЄС. Однак масштаби корупції значно відрізняються від «лідерів» та «аутсайдерів» [7].

Отже, корупція є загрозою існування демократичної цілісності та національної безпеки як членів ЄС, так і єдності самої організації [8].

На останок, наявність масової корупції порушує верховенство права та інші основні принципи демократичного суспільства. А як відомо, саме доктрина верховенства є однією із основних принципів права ЄС.

Прозорість, підзвітність, добросовісність – три «кити» антикорупційної політики. Це основні принципи, дотримання яких зводить нанівець більшість корупційних проявів як у публічному, так і в приватному секторах.

Окремо зазначимо й про порушення принципу справедливості, оскільки відсутня рівність доступу усіх бажаючих до необхідних та бажаних ресурсів й можливостей.

Таким чином, кооперація зусиль членів ЄС у сфері боротьби з корупцією – основний механізм зниження її проявів. Обмін досвідом, проведення спільних обговорень, в тому числі семінарів й симпозіумів, а також надання матеріального, інформаційного чи іншого ресурсного забезпечення від ЄС країнам «аутсайдерам» процесу викорінення корупційних проявів на їх території – запорука забезпечення союзу від її масового розповсюдження. Це інструменти її стримання, які в умовах сучасності доповнюються низькою інноваційних, що, до речі, підтверджують свою дієвість.

Наслідки корупції для ЄС не тільки масштабні, а в деякій мірі пагубні. Відповідно, виявлення, запобігання, протидія та належне реагування – поручники ефективності як національної, так і глобальної антикорупційної політики.

Список літератури

1. Corruption. An official website of the European Union. – 2020. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/organized-crime-and-human-trafficking/corruption_en
2. Індекс сприйняття корупції-2019. – Transparency International Ukraine. – 2020. – URL: <https://ti-ukraine.org/research/indeks-spryjnyattya-koruptsiyi-2019/>
3. U.S. hits new low in global corruption index. Transparency International. – 2020. – URL: https://www.transparency.org/news/pressrelease/2019_CPI_US_hits_new_low
4. Дмитрієв Ю. В. Корупційні ризики у діяльності осіб, уповноважених на виконання функцій держави. Вісник «Право знати все про податки і збори». – 2015. – Квіт. – № 14. – С. 33–36.
5. Подзолкіна. Л.М. Причини та наслідки корупції в системі органів державної влади в Україні. Харківський регіональний інститут державного управління. – 2013. – URL: <http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/conf/2013-4/doc/2/09.pdf>
6. Juncker. Speech for the opening ceremony of the Romanian Presidency of the Council of the EU. – 2019. – p. 1
7. Corruption Perceptions Index 2018. Transparency international. – 2019 – URL: <https://www.transparency.org/cpi2018>
8. Чи може ЄС боротись з корупцією? Издательский дом «Медиа-дк». – 2018. – URL: <https://nv.ua/ukr/opinion/chi-mozhe-jes-borotis-z-koruptsiyeju--2500118.html>

Рассоха Екатерина Александровна

Студентка,

Всероссийский Государственный Университет Юстиции (РПА Минюста России)

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11628](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11628)**ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ТЕНДЕНЦИЯ
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА***Rassokha Ekaterina Aleksandrovna*

Student All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

DECRIMINALIZATION OF ECONOMIC CRIMES AS A LEGISLATIVE TREND**Аннотация:**

В статье отражены основные взгляды на процесс декриминализации экономических преступлений в Российской Федерации, выявлены актуальные проблемы и противоречия в законодательном процессе.

Abstract.

The article reflects the main views on the process of decriminalization of economic crimes in the Russian Federation, reveals urgent problems and contradictions in the legislative process.

Ключевые слова: декриминализация, экономические преступления, уголовное право, правонарушение, меры наказания.

Keywords: decriminalization, economic crimes, criminal law, offense, punishment measures.

Для освещения сущности процесса необходимо разобраться в трактовке самого понятия «декриминализация». Данное определение обширно и употребляется современными теоретиками уголовного права как в узком, так и в широком смысле.

В широком понимании термина, процесс декриминализации предполагает, что признанное действие или бездействие не содержит признаков состава преступления. Преступление, таким образом, исключается из состава Уголовного кодекса РФ, далее либо переходит в другую отрасль материального права, либо вовсе не предполагает ответственности за данное деяние. В узком понимании ряд теоретиков выделяет «усеченную декриминализацию», предполагая в данном случае, что декриминализация означает установление нецелесообразности уголовно-правовой ответственности за определенное преступление, которое утратило общественную опасность. Примером данного понимания является установление новой формы о назначении судебного штрафа при рассмотрении уголовного дела в суде. Лицо, совершившее преступление малой или средней тяжести, компенсировавшее ущерб и признавшее вину, избавляется от уголовного преследования, ему назначается судебный штраф, а судимость не устанавливается.

Процесс декриминализации экономических преступлений представляет собой поэтапное преобразование законодательства в экономической сфере, вследствие которого изменяются меры наказания за то ли иное правонарушение, а также само определение экономического или финансового преступления как такового. Этот процесс является длительным и противоречивым, так как затрагивает множество аспектов как в самом законодательстве, так и в целом в жизни общества. Проблеме необходимости декриминализации экономических преступлений, а также возможным формам реализации

данного процесса и альтернативам и будет посвящена эта статья.

Больше десятилетия в России существует данная тенденция уголовной политики государства, однако о возможности полной декриминализации экономических и финансовых преступлений речи не идет. Экономические преступления, в соответствии с Уголовным законодательством, разделены на виды по тяжести последствий и степени общественной опасности: небольшой, средней тяжести, а также тяжкие и особо тяжкие. Декриминализация применима лишь к преступлениям небольшой и средней тяжести, что активно реализуется на практике: суды общей юрисдикции, согласно судебной практике последних лет, активно применяют форму судебного штрафа, что позволяет говорить о внедрении в систему правосудия.

Изменения происходят волнами, поэтапно, но однозначного понимания какое правонарушение подлежит декриминализации, а какое нет, каковы в таком случае меры наказания и насколько они целесообразны, все еще нет. Ряд экспертов считает необходимым радикальные изменения в законодательстве, другие же говорят лишь о незначительных изменениях уже имеющихся нормативно-правовых актах, их дополнении и активном применении, отмечая, что на деле огромное количество принятых поправок и нововведений не реализуются должным образом, что и влечет за собой окостенение и отставание всей уголовно-правовой системы.

Существуют и диаметрально противоположные взгляды на процесс декриминализации как таковой. Но даже сторонники дальнейшего ужесточения мер наказания, то есть процесса криминализации и пенализации, признают ущерб экономическому развитию и благосостоянию государства. К примеру, по мнению экспертов Центра стратегических разработок (ЦСР), основным негативной чертой криминализации является то, что

действия, которые являются частью обычного хозяйственного оборота или результатом незначительных ошибок в экономической деятельности предприятий, организаций и граждан, могут быть квалифицированы и квалифицируются как преступления. В качестве таковых на деле рассматриваются конкретные однократные действия, не влекущие серьезного ущерба и не представляющие общественной опасности, что однозначно тормозит развитие рыночных отношений и пресекает инициативу предпринимателей. С другой стороны, квалифицированные специалисты необоснованно полагают судимость и в связи с возникающими ограничениями используются в экономике менее эффективно, бюджетные средства расходуются на расследование таких преступлений. Ощутим и косвенный ущерб — из-за опасений выборочного и необоснованного уголовного преследования руководители организаций (особенно государственных) избегают использования новых технологий и современных управленческих практик. Отдельно важно отметить, что таким образом риски нелегальной (теневой) экономической деятельности становятся сопоставимы с рисками легальной деятельности — и это стимулирует предпринимателей уходить в серый сектор экономики. Кроме того, такая ситуация порождает существенный репутационный ущерб для судебных и правоохранительных органов и создает ложные ориентиры для полиции и следствия (вместо того чтобы заниматься борьбой с серьезными преступлениями, они начинают работать на криминализацию мелких ошибок).⁷

По мнению эксперта «Пепеляев групп» и эксперта аппарата уполномоченного, адвоката Сергея Таута, эффект от последних существенных изменений в законодательстве иссяк, однако, согласно статистике число ежегодно возбуждаемых дел в экономической сфере так и не упало ниже 200 000 в год. Потому дальнейшая гуманизация и декриминализация являются необходимостью, более того, в совершенствовании уголовного законодательства требуются радикальные изменения.⁸

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александр Шохин также считает, что необходимо ускорить декриминализацию экономических преступлений. По его мнению, если ущерб от действий бизнеса был возмещен, то необходимо освобождать предпринимателей от уголовной ответственности. Особенно если преступление совершено впервые, не связано с посягательствами на государственную безопасность, свободу и жизнь граждан.⁹

В то же время, многие эксперты говорят не только о недостаточности проведения мер по декриминализации, но и о частой необоснованности применения инструментов криминализации и декриминализации по отношению к отдельным видам правонарушений и статей Уголовного Кодекса.

О непоследовательности проводимой уголовной политики противодействия экономическим преступлениям свидетельствует декриминализация общей нормы контрабанды с последующей криминализацией её специальных видов: незаконное перемещение через таможенную границу алкогольной продукции и (или) табачных изделий (статья 200.2 УК РФ), сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ (статья 226.1 УК РФ), наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов (статья 229.1 УК РФ), наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (статья 200.1 УК РФ). Каких-либо объективных причин для введения 4 норм вместо одной общей не имелось.

Противоречия наблюдаются и в трактовке умысла (ст.24 и ст.25 УК РФ), а также ст.14 УК РФ, согласно которой не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (в случае экономических преступлений общественной опасностью понимается размер ущерба). Для квалифицированных составов хищений до сих пор не установлен нижний предел ущерба, что существенно сказывается на эффективности борьбы с экономическими преступлениями.

Несбалансированность двух противоположных процессов также наблюдается в чрезмерной криминализации отдельных правонарушений, зачастую не нуждающихся в усилении мер воздействия. К примеру, при полной декриминализации заведомо ложной рекламы, лжепредпринимательства, вводится ответственность за создание фирм-однодневок, за нарушения правил ведения налогового и бухгалтерского учета (оплата незначительного административного штрафа, наложенного на должностное лицо, со счета предприятия трактуется как растрата); за уклонение от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве профессиональных заболеваний, нарушения правил работы с материальными ценностями и денежными средствами и т.д. Спорным остается вопрос о том, насколько целесообразны те или иные меры наказания за подобные экономические правонарушения, когда нанесенный ущерб не достигает порога, а состав преступления на деле трактуется как более тяжкое правонарушение.

Нередко недооценивается и общественная опасность деяний, как в случае с заведомо ложной рекламой. Согласно статье 182 УК РФ заведомо ложная реклама относится к преступлениям небольшой тяжести, однако с этим можно в корне не согласиться. В настоящее время реклама является одним из инструментов воздействия на потребителя, причем самым распространенным, массовым

⁷ Доклад «Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать», газета «Русский рубль», номер от 10.11.2017.

⁸ Речь на заседании Экспертного Совета при Уполномоченном при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борисе Титове от 17 августа 2018.

⁹ Интервью ТАСС от 8 июля 2019 года.

и тяжело контролируемым. Недооценивается и необходимость охраны интересов конкурирующих хозяйственных субъектов, потребителей. Таким образом, данное правонарушение напрямую препятствует установлению здоровой конкуренции, что в свою очередь может привести к монополизации рынка, а также разумному, осознанному потреблению. В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран имеются нормы устанавливающие ответственность за заведомо ложную рекламу (ст. 9 УК Швеции, ст. 221, 222 УК КНР, ст. 329, 330, 334 УК Голландии). Данный пример декриминализации является нецелесообразным, что свидетельствует о необходимости пересмотра ряда статей уголовного законодательства.

Наиболее свежим и крупномасштабным изменением в законодательстве Российской Федерации стал федеральный закон, в соответствии с которым уголовные дела по некоторым составам мошенничества будут прекращать в том случае, если обвиняемые возместят весь нанесенный ущерб (Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ "О внесении изменений в статьи 76-1 и 145-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации").

Речь идет, в частности, о мошенничестве в сфере кредитования (ч. 1 ст. 159.1 Уголовного кодекса), мошенничестве при получении выплат (ч. 1 ст. 159.2 УК РФ), мошенничестве с использованием электронных средств платежа (ч. 1 ст. 159.3 УК РФ). Также при условии полного возмещения вреда декриминализируют причинение имущественного ущерба собственнику или другому владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере (ч. 1 ст. 165 УК РФ). Документ вступил в силу 8 января 2019.

Однако очевидной в законотворческом процессе является тенденция все большей декриминализации экономических преступлений. С целью эффективного применения бюджетных средств, развития налоговой и бюджетной сферы, стимулирования роста инвестиционных потоков, уменьшения имущественного неравенства, противодействия коррупции, выведения из теневого сектора, повышения уровня социального доверия к закону и государству, необходимо систематизировать регулирование, четко обосновывать использование инструментов декриминализационной и даже криминализационной политики в рамках общей концепции декриминализации экономических преступлений.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст (от 13.06.1996 № 63-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. – 1996. - № 25. Ст. 2954. (ред. от 27.12.2019)
2. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собр. Законодательства РФ. – 2018. - № 53 (часть I). Ст. 8459.
3. Безверхов А.Г. К проблеме декриминализации экономических преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18).
4. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «основы квалификации преступлений» / науч. Ред. В.Н. Кудрявцев. М., 2007.
5. Купрещенко Н. П. Криминализация экономики и экономическая безопасность России // Аудит и финансовый анализ. №4. 2007.
6. Лозинский И.В. К проблемам дальнейшего совершенствования норм главы 22 уголовного кодекса Российской Федерации // И.В. Лозинский // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. – С. 129.
7. Мильков И. Г. Криминализация и декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 1576–1580. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/96234.htm>.
8. Речь Сергея Таута на заседании Экспертного Совета при Уполномоченном при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борисе Титове от 17 августа 2018.
9. Титаев К., Четверикова И., Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать [Электронный ресурс]. - М.: Центр стратегических разработок, 2017 -. Режим доступа: <http://www.enforce.spb.ru/>, свободный. – Загл. с экрана.
10. Чемеринский, К.В. Тенденции криминализации преступлений в сфере экономической деятельности в уголовном законодательстве России / К.В. Чемеринский // В сборнике: Современные проблемы уголовной политики. V Международная научно-практическая конференция. Под редакцией А.Н. Ильяшенко. 2014. –С. 181191.
11. Яни П.С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления: автореф. дис. канд. Юрид наук. М., 1997.

*Агаева Аминат Арсланалиевна,
Сагдиева Эльмира Маратовна*
Студентки 3 курса

*Башкирский государственный университет, Институт права
Научный руководитель: доцент, к.ю.н. Владимирова И.А.*

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11629](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11629)

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗЕМЕЛЬ

*Agaeva Aminat Arslanaliyeva
Sagdieva Elmira Maratovna*
3 year student

*Bashkir State University, Institute of Law
Scientific adviser: Associate Professor, PhD in Laws Vladimirova I.A.*

LEGAL PROTECTION OF LANDS

Аннотация

Основой жизнедеятельности человека является земля. В результате использования земли, возникают процессы, которые ведут к загрязнению земель различными химическими и другими веществами, иссушение, засоление, подтапливание и другие разрушительные воздействия. Таким образом возникает необходимость создания мер для рационального использования и охраны земель.

В статье будет рассмотрено, в чем заключается необходимость охраны земельных ресурсов, рациональное использование земель.

Abstract

The basis of human life is the earth. As a result of the use of land, processes arise that lead to land pollution by various chemical and other substances, draining, salinization, flooding and other destructive effects. Thus, there is a need to create measures for the rational use and protection of land. The article will examine what the essence of the arbitration court is, the advantages of the arbitration proceedings and the problems of the implementation of the arbitration.

The article will consider what the need for the protection of land resources, the rational use of land is.

Ключевые слова: *земля, земельный кодекс, охрана земель, правовые меры, рациональное землепользование.*

Keywords: *land, land code, land protection, legal measures, rational land use.*

Земля является основой жизни и деятельность человека. Человек во взаимодействии с землей наносит вред, происходит истощение полезных свойств земли, ее загрязнение, вследствие чего это приводит к экологическим проблемам, а также страдает экономика в целом. Также земля выступает объектом юридических прав. Земля является средством производства в сельском, лесном хозяйстве и в иной деятельности человека. Потому земля должна использоваться таким образом, чтобы это обеспечивало сохранение экологической системы, сбережения земельных ресурсов, так как земля есть богатство страны, она является источником жизни.

Целью охраны земель является:

- 1) Предотвращение загрязнения, захламления, истощения, порчи, уничтожения земель, деградации и иных разрушающих воздействий на землю.
- 2) Обеспечение восстановления земель.
- 3) Создание механизма для учета и проверки состояния земель.

Охрана земель обусловлена социальным, естественно – природным, правовым аспектами. Социальный аспект обусловлен необходимостью сбережения и охраны земельных богатств, поскольку согласно статье 9 Конституции Российской Федерации земля используется, и охраняется в Рос-

сийской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Также непосредственно статья 42 Конституции Российской Федерации соприкасается с вопросом об охране земли, в которой говорится о том, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Естественно – природный аспект обусловлен тем, что охрана земель является составной частью в деятельности всего общества по поддержанию благоприятной окружающей среды, сохранения полезных свойств и качеств земель путем осуществления использования рациональных способов и средств хозяйственной деятельности.

Правовой аспект отражен в установленных законом нормах по поводу рационального использования земель, в возложении на участников земельных правоотношений определенного перечня обязанностей.

За 2018 год Росреестр провел анализ по качественному и экологическому состоянию земель. В ходе анализа установлено, что в Российской Федерации опустыниванием охвачено 27 субъектов. В

районах Крайнего Севера в результате многоцелевого и крупномасштабного промышленного освоения территорий возникли обширные очаги сильного загрязнения, захламления, нарушения и деградации земель. При добыче полезных ископаемых открытым способом, в процессе производства геологоразведочных, строительных и других работ происходит нарушение значительной площади земель. Загрязнение земель непосредственно связано с различными токсикантами из – за примыкающих к промышленным предприятиям и подверженных воздействиям газопылевых выбросов вредных веществ из атмосферы; территорий находящихся вдоль автомобильных трасс, нефтепроводов. Наблюдается развития негативных процессов, характерно изменение типов развития негативных процессов и их степеней проявления, замена одних природных негативных процессов другими (особенно это характерно для процессов переувлажнения и заболачивания: интенсивности развития процессов нарастают, ранее переувлажненные земли становятся заболоченными), происходит увеличение негативных процессов антропогенного происхождения. По нарушениям земельного законодательства на территории Республики Башкортостан привлечено к административной ответственности 741 лицо за 2019 год, что на 7,5 процентов превышает за 2018 год.

Исследование состояния земельных ресурсов устанавливает, что уровень экологически допустимого воздействия на землю в ряде регионов страны превышен, существует реальная угроза полного истощения и загрязнения земель. Серьезную опасность представляют опустынивание земель (ущерб составляет 25 млрд руб. в год), эрозия почв, истощение плодородного слоя, засоление земель, заболачивание и переувлажнение земель, деградация пастбищ и сенокосов, массовое подтопление земель, техногенное загрязнение земель.

Таким образом, это приводит к необходимости выработки и нормативного закрепления единого нормативного механизма, направленного на описание и закрепление основных принципов и гарантий сохранения земельных ресурсов, расположенных на территории сообщества.

Земельное законодательство устанавливает общие положения об охране земель в Российской Федерации, помимо этого конкретизируются федеральными и нормативными актами субъектов Российской Федерации. Нормы Земельного законодательства тесно взаимосвязаны с нормами экологического законодательства.

Правительство Российской Федерации устанавливает нормативы допустимых концентраций веществ загрязняющих почву. В целях восстановления и реабилитации земель предусмотрены специальные экологические программы.

В статье 13 Земельного кодекса установлены обязанности лиц, использующих земельные участки в области охраны земель. Одной из основных задач и мероприятий, в ходе, которого участник земельных правоотношений обязан выполнить

– это воспроизведение плодородия земель сельскохозяйственного назначения. Так как именно почва является основным незаменимым природным объектом, покрывающий верхний слой земли. Почва обладает свойствами, которые необходимы для существования растительного мира. Другой не мало-важной обязанностью является защита земель от водной и ветровой эрозии, заболачивания, иссушения, загрязнения различными вредными веществами и другого негативного воздействия. Помимо вышеперечисленного установлена обязанность по защите земель от зарастания деревьями и кустарниками, сорными растениями, в целях улучшения гидрологических, почвенных и агроклиматических условий, с целью повышения эффективности использования земельных ресурсов. В Федеральном законе «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» собственники, пользователи земельных участков сельскохозяйственного назначения вправе проводить мероприятия по воспроизводству плодородия земель, получать в установленном порядке информацию о состоянии почвы на своих земельных участках. При этом должно обеспечиваться воспроизводство такими способами и средствами, исключаящее неблагоприятные последствия.

Правительством Российской Федерации определяет нормативы предельно допустимых концентраций вредных веществ загрязняющих почву. Оценка состояния земель определяется с учетом экологической экспертизы, санитарно-гигиеническими и иными нормами. Помимо вышеперечисленного для охраны земель применяются финансовые рычаги. Применяют экономическое стимулирование, выделение грантов, предоставление материальной поддержки.

Таким образом правовая охрана земель представляет собой комплекс предусмотренных нормами права требований, обязательных для всех соблюдения земельных участков кто имеет в собственности земли и не только, в целях сохранения земли, естественной среды обитания человека, природного ресурса, используемого в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйстве, основы осуществления хозяйственной и иной деятельности. Использование земель в свою очередь оказывает неблагоприятное воздействие на состояние земель, но и на другие природные объекты, то есть целями охраны земель является не только сохранение состояния земель, но и сохранение других взаимосвязанных объектов, окружающей среды в целом.

Использованная литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019),
2. Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020),
3. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от ред. от 27.12.2019),

4. Государственный (национальный доклад) о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2018 году, участка // Экологическое право. 2016. № 2. С. 16 - 21.,
5. Колбасов О.С. Экология: политика – право. М., 2017. 230 с.
6. Крассов О.И. Разрешенное использование и конкретное целевое назначение земельного участка // Экологическое право. 2016. № 2. С. 16 - 21.,
7. Чмыхало Е.Ю. Государственная политика Российской Федерации в сфере охраны и использования земель: правовые аспекты. Саратов. 2016. 208 с.

УДК: 343

Уваннай Монге-Назын Витальевич
студент 2 курса магистратуры ВШГА
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
Научный руководитель:
профессор кафедры экономических и финансовых расследований, доктор технических наук, профессор
Анищенко Владимир Николаевич

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Uvannay Monge-Nazyn Vitalevich
2nd year student of the graduate school
Lomonosov Moscow state University HSSA
Scientific adviser:
Professor of the Department of economic and financial investigations, doctor of technical Sciences, Professor
Anishchenko Vladimir Nikolaevich

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SUPPRESSION OF CRIMES USING THE INTERNET

Аннотация:

В борьбе с преступлениями в сети Интернет прокурорский надзор признается актуальным направлением. Прокурорский надзор противодействует совершению различных преступлений в Сети Интернет, в том числе, терроризм, экстремизм, распространение наркотических средств и психотропных веществ. С целью повышения эффективности борьбы с различными преступлениями органы прокуратуры координируют деятельность правоохранительных органов. Совершенствование информационных технологий способствует росту преступлений, что в свою очередь усложняет работу органов прокуратуры. Автор статьи определяет роль органов прокуратуры в противодействии преступности в сети Интернет. Предложены отдельные направления по совершенствованию деятельности прокуратуры над противодействием преступности в сети Интернет.

Abstract.

In the fight against crimes on the Internet, Prosecutor's supervision is recognized as an important direction. Prosecutor's supervision counteracts the Commission of various crimes on the Internet, including terrorism, extremism, distribution of narcotic drugs and psychotropic substances. In order to improve the effectiveness of the fight against various crimes, the Prosecutor's office coordinates the activities of law enforcement agencies. Improving information technology contributes to the growth of crimes, which in turn complicates the work of the Prosecutor's office. The author of the article defines the role of the Prosecutor's office in countering crime on the Internet. Some directions for improving the Prosecutor's office's work on combating crime on the Internet are proposed.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие преступлениям, преступления в сети Интернет, прокуратура, преступления, противодействие распространению наркотических и психотропных веществ в сети Интернет

Keywords: extremism, terrorism, counteraction to crimes, crimes on the Internet, Prosecutor's office, crimes, counteraction to the spread of narcotic and psychotropic substances on the Internet

Глобализация экономических процессов, современные технологии получили широкое внедрение в жизнь людей различного возраста и пола. Интернет на сегодняшний день вошел в обиход почти каждого гражданина. Так, в 2007 году пользователями сети Интернет были только около 20% граждан страны, в сравнении с 2019 годом из число выросло до 80%¹⁰.

Интернет распространен в различных сферах, например, в бизнесе, в музыке, в кино, в общении. Безусловно, сеть Интернет обладает рядом положительных моментов и способствует большому охвату пользователей, имеет особые технические возможности и не имеет достаточного государственного контроля. Такая ситуация способствовала развитию преступности в сети Интернет. Практика свидетельствует о том, что широкое распространение в сети Интернет получили такие преступные направления как: терроризм, экстремизм, распространение наркотических и психотропных веществ. Количество порталов, обслуживающих преступников ежегодно растет.

Преступники используют глобальную сеть в качестве массового воздействия на людей. Интернет - сайты, которые используются преступниками динамично меняются, стремительно возникают и также стремительно пропадают. С каждым днем все больше и больше появляется новых видов коммуникаций, которые способствуют распространению преступности в сети Интернет.

В противодействии преступности в сети Интернет огромная роль отводится органам прокуратуры Российской Федерации. Именно прокурорский надзор направлен на пресечение случаев пропаганды преступных направлений.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не закрепляет положений о том, какова роль прокуратуры в противодействии экстремизму, терроризму и распространению наркотических средств и психотропных веществ¹¹. В свою очередь, ряд положений о противодействии содержатся в ст. 25 ФЗ «О прокуратуре РФ». Законодатель наделяет прокуратуру правом объявлять предостережение или выносить предупреждение о недопустимости совершения экстремистски или террористических действий в отношении организаций или должностных лиц.

Детальным образом вопрос о противодействии экстремизму урегулирован Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»¹². Законодатель закрепляет две основные формы участия органов прокуратуры в противодействии экстремизму:

- прокурорский надзор за деятельностью государственных органов власти, органов местного самоуправления, организаций, физических лиц;

- прокурорский надзор за выявлением, пресечением и расследованием преступлений экстремистской направленности.

В качестве правовых средств, которые используются прокурорами при осуществлении прокурорского надзора за совершением преступлений по средством сети Интернет выступают, признание материалов экстремистскими, объявление предостережения, обращение с заявлением в суд с требованием о ликвидации организации; вынесение предупреждения о недопустимости преступной деятельности. Органы прокуратуры осуществляют систематический мониторинг сети Интернет для выявления терроризма, экстремизма, распространения наркотических средств и психотропных веществ¹³.

Между тем прокуроры практически всех регионов выявляют многочисленные интернет-сайты, содержащие запрещенную информацию, в том числе увеличивающую межэтническую напряженность в подростковой среде, оправдывающую допустимость насилия и жестокости, побуждающую к агрессии и другим асоциальным проявлениям, отрицающую семейные ценности, пропагандирующую гомосексуальные отношения, интернет-сайты, содержащие информацию порнографического характера.

Во многих библиотеках, компьютерных клубах, интернет-кафе, гостиницах и иных местах, доступных для детей, предоставляется возможность выхода в сеть Интернет без применения систем фильтрации от негативной информации. Не во всех образовательных организациях должным образом работают установленные системы фильтрации на компьютерах, подключенных к сети Интернет, не всегда доводятся до сведения подростков правила безопасного поведения в интернет-пространстве.

Прокуроры продолжают выявлять и пресекать многочисленные факты размещения в сети Интернет информации, содержащей пропаганду педофилии, антиобщественного поведения, алкоголизации, наркомании, проституции, самоубийств несовершеннолетних. Для устранения выявленных нарушений органы прокуратуры принимают различные меры реагирования, в том числе предъявляют в суды заявления, направленные на защиту детей в информационной сфере¹⁴.

Использование органами прокуратуры такой формы работы как предостережение о недопусти-

¹⁰ Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/pressr_130611 (Дата обращения: 07.03.2020).

¹¹ Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 06.02.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. N 47. Ст. 4472.

¹² Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3031.

¹³ Рябцева М. В. Прокурорский надзор в сфере противодействия распространению терроризма и экстремизма в сети Интернет // Молодой ученый. 2015. №11. С. 1107-1109.

¹⁴ Паламарчук А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия правонарушениям в сети Интернет // журнал "Законность" N 12. декабрь 2016 г.

мости нарушения законодательства о противодействии экстремистской деятельности осуществляется в соответствии со следующим порядком¹⁵:

1) установление достоверности факта возможного появления в Интернет-ресурсе информации экстремистской направленности;

2) фиксация полученной информации посредством изъятия сервера, фиксации информации из log-файла, скриншот страницы и т. п.

Фактически снизить уровень преступности в сети Интернет возможно в результате осуществления непрерывного мониторинга. Но существуют определенные трудности. Главная проблема сводится к отсутствию четкой правовой регламентации правового статуса Интернета и размещения в нем различного контента. Безусловно, законодатель предпринимает попытки в урегулировании данного вопроса. Например, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» возлагает на распространителей информации в сети Интернет определенные обязанности и ответственность¹⁶. Указанный закон возлагает на органы прокуратуры определенные полномочия в сфере ограничения доступа к информационным ресурсам преступной направленности.

Кроме того, отдельные исследователи отмечают, что целесообразно повышать эффективность взаимодействия органов прокуратуры и интернет-провайдеров. Отсутствие достаточного взаимодействия зачастую не позволяет получить правоохранительным органам и органам прокуратуры сведения о клиентах¹⁷.

Мы солидарны с исследователями в том, что совершенствование работы органов прокуратуры в сфере противодействия преступности в сети Интернет необходимо путем следующего:

-целесообразно повышать взаимодействие органов прокуратуры и администрации сайтов, где распространена информация преступного характера¹⁸;

-даты и места платежей за потребляемые интернет-услуги, данные о фактах наполнения интернет-сайтов информационным контентом, содержащим экстремистские идеи¹⁹;

- данных о посещаемости конкретных интернет-сайтов, конкретных IP-адресов для выхода на сайт и анализ круга лиц, размещающих информацию из конкретного компьютера²⁰.

Кроме того, повысить роль органов прокуратуры в противодействии преступности в сети Интернет возможно в результате создания структурного подразделения в органах прокуратуры, в состав данного подразделения должны входить специалисты в сфере компьютерных технологий²¹.

Задача органов прокуратуры - во взаимодействии с уполномоченными органами исполнительной власти обеспечить информационную безопасность общества и государства, а также защиту прав личности в цифровой среде при соблюдении права на свободу информации в информационно-телекоммуникационных сетях.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что предпринимаемые органами прокуратуры меры противодействия преступности в сети Интернет недостаточны. Действительно, существует необходимость совершенствования действующего законодательства в части информационного обмена и взаимоотношений в сети Интернет. В связи с чем, представляется целесообразным ввести отдельный статистический учет преступности в сети Интернет. Целесообразно анализировать практику деятельности прокуратуры субъектов Федерации по противодействию преступлениям, совершенным в сети Интернет.

Список использованной литературы:

1. Агутин А.В. Взаимодействие органов дознания и органов предварительного следствия как компонент предмета надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности / А.В. Агутин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2018. - №1. - С. 58-63.
2. Безсалий О.Р. Специфика объявления предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности в сети интернет // Пробелы в российском законодательстве. - 2015. - №4. - С.105-109.
3. Волковская Л.Н. К вопросу о роли органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет // Право и государство: теория и практика. - 2019. - № 3 (171). - С. 101-103.
4. Иванченко Е.А. Прокурорский надзор в сфере борьбы с распространением наркотических средств и психотропных веществ // Правовая политика и правовая жизнь. - 2017. - № 1. - С. 98-103.

¹⁵ Иванченко Е.А. Прокурорский надзор в сфере борьбы с распространением наркотических средств и психотропных веществ // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1. С. 98-103.

¹⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3448.

¹⁷ Агутин А.В. Взаимодействие органов дознания и органов предварительного следствия как компонент предмета надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности / А.В. Агутин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. №1. С. 58-63.

¹⁸ Паламарчук А.В. Свобода информации и законность: теория и практика / А.В. Паламарчук / Монография. М.: Генеральная прокуратура РФ, 2013. С.304.

¹⁹ Волковская Л.Н. К вопросу о роли органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет // Право и государство: теория и практика. 2019. № 3 (171). С. 101-103.

²⁰ Безсалий О.Р. Специфика объявления предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности в сети интернет // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №4. С.105-109.

²¹ Меркурьев В.В., Борисов С.В. Совершенствование регламентации правовых средств прокурорского реагирования на правонарушения экстремистской направленности // Мониторинг правоприменения. 2016. №3. С. 50-57.

5. Меркурьев В.В., Борисов С.В. Совершенствование регламентации правовых средств прокурорского реагирования на правонарушения экстремистской направленности // Мониторинг правоприменения. - 2016. - №3. - С. 50-57.

6. Паламарчук А.В. Свобода информации и законность: теория и практика / А.В. Паламарчук / Монография. М.: Генеральная прокуратура РФ, 2013. - С.304.

7. Паламарчук А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия правонарушениям в сети Интернет // Законность. - N 12. - декабрь 2016 г.

8. Рябцева М. В. Прокурорский надзор в сфере противодействия распространению терроризма и экстремизма в сети Интернет // Молодой ученый. - 2015. - №11. - С. 1107-1109.

9. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/pressr_130611 (Дата обращения: 07.03.2020).

10. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 06.02.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 1995. - N 47. - Ст. 4472.

11. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - N 30. - Ст. 3031.

12. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - N 31 (1 ч.). - Ст. 3448.

УДК: 342.924

*Жукова Н. И.,
Кузнецов В. А.,
Цветков А. В.*

Санкт-Петербургский государственный университет

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ПРОЕКТЕ НОВОГО КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

*Zhukova N. I.,
Kuznecov V. A.,
Tsvetkov A. V.*

Saint Petersburg State University

IMPLEMENTATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN THE DRAFT NEW CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Аннотация

В статье анализируется принцип состязательности – один из базовых принципов судопроизводства через призму производства по делам об административных правонарушениях и рассматривается его развитие в проекте нового кодекса.

Abstract

The article analyzes the principle of competition - one of the basic principles of legal proceedings through the prism of administrative cases and considers its development in the draft new code.

Ключевые слова: *состязательность, административные правонарушения, суд, проект КоАП, реформа.*

Keywords: *adversarial, administrative offenses, court, draft new code, reform*

Председатель Московского городского суда О. А. Егорова в одном из своих интервью «Российской газете» сказала: «Если в суд представлен только составленный протокол, то мы верим документу. Когда слово милиционера против слова водителя, мы верим милиционеру» [8]. Это одиозное заявление наглядно иллюстрирует проблему отсутствия в российском законодательстве принципа состязательности при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

В соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Под состязательностью понимается, во-первых, наделение каждого из участников

судопроизводства определёнными функциями и запрещением осуществления одним участником разных функций, во-вторых, равноудалённость суда от сторон, понимание суда как независимого арбитра.

В ныне действующем Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (далее – КоАП РФ), однако, принцип состязательности отсутствует несмотря на то, что он предусматривает судебный порядок привлечения к административной ответственности в ряде случаев. Это определяется как формально (в тексте документа отсутствует слово «состязательность»), так и сущностно (среди участников производства нет обвинителя).

С одной стороны, возникает противоречие с вышеназванными конституционными положениями. С другой, есть ряд аргументов, которые объясняют отсутствие состязательности при производстве по делам об административных правонарушениях.

Во-первых, в КоАП РФ среди органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, упоминается не суд, но судья. Судьи перечислены наряду с внесудебными органами, и они равным образом рассматривают дела об административных правонарушениях. Следовательно, складывается впечатление, что производство по делам об административных правонарушениях не является в полной мере судопроизводством, поскольку правосудие осуществляется только судом.

Во-вторых, ряд исследователей полагают, что закрепление принципа состязательности противоречит сущности производства [5, с. 99], которому присущ принцип экономичности. В качестве конкретных его проявлений называют «сравнительно небольшие материальные и организационные затраты на ведение дел и краткие сроки их разрешения» [9].

Однако с этим согласиться нельзя, поскольку такое толкование приводит к тому, что нормальное производство по делам об административных правонарушениях становится невозможно. Например, КоАП РФ предполагает такое наказание как административный арест, который может быть назначен на срок до 30 суток, однако в соответствии с ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен свободы без решения суда на срок свыше 48 часов. Таким образом, мы приходим к выводу, что без правосудия невозможна реализация задач КоАП РФ, а правосудие невозможно без состязательности.

Конституционный Суд Российской Федерации обращался к этому вопросу и сформулировал позицию, согласно которой судья не принимает на себя несвойственные ему функции, а лишь исследует доказательства, собранные соответствующими должностными лицами, а то, что эти лица не поддерживают обвинение в суде, не означает отсутствие состязательности [4]. Согласиться с Конституционным Судом нельзя по причине того, что, во-первых, санкции за некоторые административные проступки сравнимы с уголовными наказаниями, что требует предоставления схожих гарантий, связанных с необходимостью представителя государства поддерживать обвинение, во-вторых, основным доказательством по делу об административном правонарушении зачастую является протокол, составленный должностным лицом и было бы более правильным, на наш взгляд, чтобы это лицо и представляло, и защищало этот протокол, а не судья зачитывал его, что создает ощущение, что он, судья, и принимает на себя функции обвинения.

В деле Карелин против России ЕСПЧ признал, что нормы действующего КоАП построены таким образом, что судья принимает на себя функции об-

винения [7]. ЕСПЧ обратил внимание властей Российской Федерации на необходимость принятия мер общего характера для устранения выявленных нарушений, однако такие меры приняты не были до настоящего времени, как не было пересмотрено и дело самого Карелина [6].

В науке административного права также есть разные подходы к поставленной проблеме. Так, С. В. Перов считает: «В периоды чрезмерного усиления государственной власти, бюрократизации исполнительных и судебных органов, применения преимущественно принудительно-карательных методов воздействия приоритет в законодательном регулировании отводится закреплению публичных интересов. При этом наиболее широко востребованными в процессуальном законодательстве и правоприменении становятся следственные и инквизиционные начала» [5, с. 99]. А, по мнению С. А. Мукасеева, состязательные начала, напротив, закрепляются в законодательстве тогда, когда основные приоритеты в государстве отводятся демократическим ценностям, защите прав и свобод человека и гражданина [3]. Таким образом, в доктрине также разделяют наше мнение о том, что состязательность является неотъемлемой частью процесса в демократическом государстве.

Проект нового кодекса об административных правонарушениях предполагает его разделение на два документа: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [1] и Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее – Процессуальный кодекс). Авторы заявляют в качестве одной из новелл Процессуального кодекса развитие принципа состязательности.

Между тем в Процессуальном кодексе не предлагается закрепить состязательность в числе принципов. Однако предложен ряд изменений, которые мы оцениваем как позитивные. Например, ст. 2.10 Процессуального кодекса включает в число участников должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении. Эти лица смогут принимать участие в рассмотрении дела по существу и в пересмотре дела.

Вместе с тем принятых мер, очевидно, недостаточно, поскольку по смыслу ч. 2 ст. 8.9 Процессуального кодекса должностное лицо лишь вправе являться в суд для поддержания своей позиции, а суд вправе признать его явку обязательной. То есть участие этого лица зависит от его собственного и судейского усмотрения, что мы полагаем недостаточным для обеспечения состязательности в полной мере.

Таким образом, предлагаем исключить вышеназванные дискреционные полномочия суда, сделав участие лица, составившего протокол об административном правонарушении, обязательным.

Список литературы

1. <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99059> (дата обращения: 18.02.2020);
2. <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99061> (дата обращения: 18.02.2020).

3. Мукасева С. А. Принцип состязательности в юридической практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006;
4. Определение КС РФ от 24.06.2014 № 1311-О;
5. Перов С.В. Реализация принципа состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях. Вестник университета им.О.Е.Кутафина 2/2014 С.99-102;
6. Постановление ВС РФ от 25.10.2017 N 11-АД17-40;

УДК: 347.918

7. Постановления ЕСПЧ от 20.09.2016 "Дело "Карелин (Karelin) против Российской Федерации" (жалоба N 926/08);
8. Российская газета от 26.08.2009 № 4982 (URL: <https://rg.ru/2009/08/26/egorova.html>, дата обращения: 18.02.2020);
9. Салищева Н. Г. Гражданин и административная юрисдикция в СССР. М., 1970;

Yusifzade D. N. oglu, Berezhnaya A. I., Yatsyshina Yu. V.
Дальневосточный федеральный университет.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V.
Far Eastern Federal University

CONCEPT AND MEANING OF SECURING MEASURES IN THE ARBITRATION PROCESS

Аннотация.

В научной статье авторами рассматривается понятие обеспечительных мер, реализуемых в рамках арбитражного судопроизводства, а также дается субъективная оценка их значения.

Abstract.

In the scientific article, the author examines the concept of interim measures implemented in the framework of arbitration proceedings, and also provides a subjective assessment of their value.

Ключевые слова: *понятие, значение, обеспечение, иск, арбитражный процесс.*

Keywords: *the concept, value, security, lawsuit, arbitration process.*

Институт обеспечительных мер, закрепленный на легальном уровне, и применяемый в рамках российского арбитражного процесса, берет свое начало из конституционно провозглашенных положений: так, ст. 46 Основного закона России закрепляет право каждого (в том числе граждан, организаций) на судебную защиту в случае нарушения их прав и законных интересов [3].

Обращаясь за защитой нарушенных прав с иском в арбитражный суд, Истец вправе при наличии к тому достаточно существенных оснований, ходатайствовать о применении обеспечительных мер в отношении своих заявленных исковых требований, что также можно рассматривать в качестве одной из мер судебной защиты, право на которую провозглашено Конституцией РФ.

Легального определения понятия «обеспечительные меры» (либо «обеспечение иска») не было закреплено на законодательном уровне, что влечет за собой отсутствие единообразного подхода к пониманию данной дефиниции и в рамках отечественной правовой доктрины.

Так, сторонники традиционного подхода, в частности, Е. А. Нефедьев в своих научных работах указывал, что под термином «обеспечение иска» следует понимать «принятие арбитражным судом, до постановления решения, мер, которые гарантировали бы истцу получение удовлетворения по иску, в случае решения дела в его пользу» [4, с. 24].

Весьма схожей точкой зрения обладал другой советский ученый-правовед Е. В. Васьковский, отмечавший, что дефиниция «обеспечение иска» может быть истолкована как «принятие судом по просьбе тяжущегося мер, гарантирующих возможность осуществления исковых требований в случае выигрыша дела» [4, с. 24-25].

Практически аналогичной с вышеприведенными позиции придерживается и советский процессуалист К. В. Юдельсон, указывающий в своих трудах, что под дефиницией «обеспечение иска» следует понимать «обеспечение иска состоит в принятии арбитражным судом мер, гарантирующих возможность исполнения будущего судебного решения» [4, с. 25].

В противовес данной позиции сформулированы и иные подходы к толкованию сущности института обеспечительных мер в арбитражном процессе: так, например, делая акцент на его правовой природе, сторонники ограничительно-сущностного подхода (например, Т. Б. Юсупов [6, с. 17]) рассматривают его в качестве меры ограничения имущественных прав Ответчика в отношении материального предмета спора с целью защиты нарушенных прав Истца.

Между тем, указанная позиция не нашла своей поддержки в судебной практике: так, Конституционный суд РФ в одном из своих решений разъяснил,

что в сущности своей налагаемые судами обеспечительные меры заявленных исковых требований выступают в качестве гарантии защиты нарушенных прав истца и возможности дальнейшего исполнения принятого судебного решения, и не являются каким-либо ограничением (нарушением) конституционных прав ответчика (в частности, права собственности) [5].

Соглашаясь с позицией Конституционного РФ, укажем, что, на наш взгляд, традиционный подход к пониманию правовой природы и сущности обеспечительных мер, применяемых в арбитражном судопроизводстве, наиболее успешен, в связи с чем нами предлагается собственное авторское определение рассматриваемого понятия: это меры, принимаемые арбитражным судом, в чьем производстве находится соответствующее арбитражное дело, гарантирующие возможность исполнения вынесенного в последующем итогового решения арбитражного суда, направленные на защиту прав и законных интересов Истца.

Особый научно-исследовательский интерес представляют и признаки, свойственные обеспечительным мерам, применяемым в рамках арбитражного процесса, к числу которых, в частности, принято относить следующие:

- срочность;
- временный характер;
- аргументированность (или обоснованность, мотивированность);
- соразмерность заявленным требованиям;
- направленность на защиту имущественных прав заявителя.

Рассмотрим каждый из приведенных признаков ниже более подробным, детальным образом.

Срочность как один из признаков обеспечительных мер предполагает их принятие в установленные действующим российским арбитражным законодательством сроки: так, согласно положениям ст. 93 АПК РФ, суд должен рассмотреть заявление об обеспечении иска и принять по нему соответствующее законное решение в однодневный срок с момента его поступления к судье [2].

Временный характер обеспечительных мер буквально означает, что их действие возможно лишь в определенный ограниченный период времени: иными словами, они действуют на протяжении лишь того срока, когда интересам заявителя угрожает опасность из возможной неудовлетворенности, либо невозможности исполнения принятого арбитражным судом решения по существу в будущем.

Такой сущностный признак обеспечительных мер как их аргументированность фактически означает, что их принятие арбитражным судом должно быть основано на обоснованных и мотивированных доводах заявителя, который подтверждаются совокупностью фактических обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 90 АПК РФ [2].

Соразмерность обеспечительных мер заявленным требованиям в арбитражном процессе означает соответствие размеру (адекватности) нуждающихся в защите интересов заявителя тем мерам, о

применении которых он ходатайствует перед арбитражным судом, что непосредственно указано в содержании одного из решений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [6].

Помимо вышеназванных признаков обеспечительных мер, ряд отечественных ученых-правоведов, также в качестве одного из них выделяют и направленность на защиту имущественных прав заявителя, который отчасти предопределен целевым назначением обеспечительных мер: иными словами, если не будет установлена факта нарушения или угрозы нарушения имущественных прав заявителя, то и применение обеспечительных мер в арбитражном процессе будет невозможно [1, с. 197].

Как уже было отмечено ранее, значение института обеспечительных мер (обеспечения иска) заключается в двух аспектах: в защите нарушенных законных прав и интересов Истца и в обеспечении практической возможности исполнения принятого в последующем итогового решения арбитражного суда, удовлетворяющего заявленные иски требования.

Указанное также подтверждается в результате анализа положений действующего российского арбитражного процессуального законодательства: так, согласно ч. 2 ст. 90 АПК РФ, рассматриваемые меры применяются в случае, если иное повлечет затрудненность или невозможность исполнения принятого судебного решения, а также с целью предотвращения возможного ущерба, который может быть причинен Истцу [2].

Помимо обозначенного значения данного арбитражно-процессуального института, на наш взгляд, можно отметить также его важную роль в обеспечении баланса интересов сторон, являющихся участниками арбитражного судопроизводства: так, Ответчик при принятии арбитражным судом определения об обеспечении иска, вправе подать ходатайство о встречном обеспечении, что способствует удовлетворению его интересов.

Таким образом, учитывая изложенную выше информацию, сформулируем следующие выводы: в виду отсутствия легального определения дефиниции «обеспечительные меры» («обеспечение иска») в положениях действующего российского арбитражно-процессуального законодательства, а также отсутствия единообразного подхода к пониманию его природы и сущности среди представителей отечественной правовой доктрины, нами было сформулировано собственное авторское определение: так, под рассматриваемым термином следует понимать меры, принимаемые арбитражным судом, в чьем производстве находится соответствующее арбитражное дело, гарантирующие возможность исполнения вынесенного в последующем итогового решения арбитражного суда, направленные на защиту прав и законных интересов Истца.

Список литературы

1. Арбитражный процесс: Учебник / Отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. – М.: Статут, 2010. – С. 197.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от

24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

4. Котлярова В. В. Сущность, виды и порядок применения обеспечительных мер в арбитражном процессе: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.15. / Котлярова Вера Викторовна. – Самара, 2015. – С. 24-25.

УДК: 347.918

*Юсифзаде Д. Н. оглы, Березная А. И., Яцышина Ю. В.
Дальневосточный федеральный университет.*

ВИДЫ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

*Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V.
Far Eastern Federal University.*

TYPES OF SECURING MEASURES IN THE ARBITRATION PROCESS

Аннотация.

В научной статье авторами рассматриваются виды обеспечительных мер, реализуемых в рамках арбитражного судопроизводства, а также даются различные их классификации.

Abstract.

In the scientific article, the author discusses the types of interim measures implemented in the framework of arbitration proceedings, and also gives their various classifications.

Ключевые слова: *виды, классификация, обеспечение, иск, арбитражный процесс.*

Keywords: *types, classification, security, lawsuit, arbitration process.*

В содержании действующего арбитражного законодательства предусмотрено немало разнообразных видов обеспечительных мер, допустимых и возможных к применению в рамках арбитражного процесса, что обуславливает необходимость проведения их классификации по различным критериям.

Так, в зависимости от такого ключевого критерия как характер и содержание обеспечительных мер, из которого вытекают, собственно, все иные критерии разделения их видов, выделяются:

А) Обеспечительные меры, которым свойственен и присущ имущественный характер. К числу данной группы обеспечительных мер допустимо относить следующие, установленные арбитражным процессуальным законом:

- наложение ареста на денежные средства или иное имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц;

- передача спорного имущества на хранение истцу или другому лицу;

- приостановление взыскания по оспариваемому истцом исполнительному или иному документу, взыскание по которому производится в бесспорном порядке;

- 5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб ООО «Флот-1», ООО «Флот-2», ООО «Флот-3», ООО «Флот-4» и ООО «Флот-5» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 части 1 статьи 91 и пунктом 6 статьи 301 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.07.2005 № 316-О [Электронный ресурс] // СПС «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/opredelenie- konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12072005-n-316-o-ob/>.

- 6. Юсупов Т.Б. Обеспечение иска в арбитражном и гражданском процессе. / Т. Б. Юсупов. – М.: Городец, 2006. – 224 с

- приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста [1].

Б) Обеспечительные меры, которым свойственен и присущ неимущественный характер (то есть, прослеживается явное отсутствие их взаимосвязи с материальными притязаниями лица, являющегося истцом в рамках арбитражного процесса). В свою очередь, к числу обозначенной группы обеспечительных мер допустимо относить следующие, установленные арбитражным процессуальным законом:

- запрещение ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора;

- возложение на ответчика обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества [1].

Вторым критерием для разделения всего множества существующих обеспечительных мер можно назвать их зависимость от вида заявленного иска, придерживаясь которой выделяются обеспечительные меры, применяемые по искам о признании, и обеспечительные меры, применяемые по искам о присуждении.

Достаточно распространенной в отечественной правовой доктрине является классификация видов обеспечительных мер в зависимости от той или иной стадии арбитражного процесса, на которой они применяются. По указанному критерию традиционно принято выделять следующие виды обеспечительных мер:

- а) меры обеспечения иска;
- б) предварительные обеспечительные меры;
- в) меры обеспечения исполнения судебных актов [3].

Однако, некоторые отечественные ученые-правоведы, используя приведенный критерий разграничения, выделяют несколько иные виды обеспечительных мер, применяемых в арбитражном процессе. В частности, В. В. Ярков в одной из своих научных работ указывает, что допустимо, в зависимости от стадии арбитражного процесса, разграничить все виды обеспечительных мер на:

- меры обеспечения, применяемые в возникшем судебном процессе;
- меры досудебного (предварительной защиты) обеспечения требований [2, с. 211].

В зависимости от такого критерия как вид арбитражного производства, в ходе которых они применяются, «необходимо выделять такие виды обеспечительных мер, как:

- а) меры, применяемые в порядке искового производства;
- б) меры, применяемые по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений;
- в) меры, применяемые по делам о несостоятельности (банкротстве).

Необходимо отметить, что законодательно закрепленный перечень видов обеспечительных мер, применяемых в рамках арбитражного процесса, носит далеко неисчерпывающий характер, и к их числу, в соответствии с ч. 1 ст. 91 АПК РФ, относятся:

«1) наложение ареста на денежные средства или иное имущество, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или других лиц;

2) запрещение ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора;

3) возложение на ответчика обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества;

4) передача спорного имущества на хранение истцу или другому лицу;

5) приостановление взыскания по оспариваемому истцом исполнительному или иному документу, взыскание по которому производится в бесспорном (безакцептном) порядке;

6) приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста» [1].

Завершая изложение, отметим, что мы полагаем выделение в данной классификации такого вида обеспечительных мер как меры, применяемые в рамках особого арбитражного производства нецелесообразным, что, в целом, предопределено его спецификой (в рамках него рассматриваются исключительно дела, не связанные со спорами о каком-либо праве).

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/

2. Арбитражный процесс: Учебное пособие / Отв. ред. В.В. Ярков. – М.: Статут, 2017. – С. 211.

3. Ершов В.А. Обеспечительные меры в практике административного производства арбитражного суда. / В. А. Ершов. – М: Гроссмедиа, РОСБУХ, 2008. [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационно-новостного портала «Сейчас.Ру». – Режим доступа:

<https://www.lawmix.ru/commlaw/634>

*Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В.
Дальневосточный федеральный университет.*

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ШТРАФА

*Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V.
Far Eastern Federal University.*

TO THE QUESTION OF THE IMPORTANCE OF THE INSTITUTE OF THE JUDICIAL STRIP

Аннотация.

В научной статье автором анализируется значение относительно недавно закрепленного в положения действующего российского уголовного закона института судебного штрафа, а также дается оценка его эффективности в целом.

Abstract.

In the scientific article, the author analyzes the significance of the institution of judicial fine, which was recently enshrined in the provision of the current Russian criminal law, and also assesses its effectiveness as a whole.

Ключевые слова: значение, институт, судебный штраф, уголовный закон, цели.

Keywords: significance, institution, judicial fine, criminal law, goals.

Легальное закрепление института судебного штрафа в положениях действующего уголовного законодательства было предопределено рядом причин и преследовало достижение определенных целей.

Одной из них явилась необходимость дальнейшей гуманизации института уголовной ответственности, в первую очередь, выражающейся в определении наказания, соразмерного и справедливого совершеному преступному уголовно-наказуемому деянию [7]. Указанное вполне достигается за счет применения судебного штрафа, при котором суд оценивает совершенное лицом преступление небольшой или средней тяжести, как обладающее достаточно низкой степенью общественной опасности, что позволяет ему освободить лицо от уголовной ответственности, в случае если он добровольно возместит потерпевшему ущерб, причиненный в результате его противоправных действий [5, с. 14].

Вторая цель, преследуемая при законодательном закреплении института судебного штрафа, состоит в необходимости повышения эффективности института освобождения от уголовной ответственности, что имеет существенное значение для проводимой на территории российского государства уголовно-правовой политики, в целом.

Так, за последние пять лет, в России существенно возросло число лиц, имеющих судимость за совершение преступлений небольшой или средней тяжести: только в предшествующем легальному закреплению рассматриваемого института 2015 году из 719 305 осужденных лиц, 330 898 лиц были осуждены именно по статьям, устанавливающим уголовную ответственность за преступления указанных степеней тяжести [6].

Это влечет за собой серьезные правовые последствия, связанные с наличием у лица, совершившего преступное уголовно-наказуемое деяние, су-

димости: в частности, он, его близкие родственники лишаются возможности поступить на службу в правоохранительные органы (например, Следственный комитет РФ, прокуратура РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ), теряют возможность усыновить или удочерить приемного ребенка-воспитанника детского дома, что, на наш взгляд, не всегда до конца соразмерно со степенью общественной опасности совершенного преступления, а также характеристикам личности самого преступника, то есть является, в сущности своей, несправедливым.

При этом, было бы категорически неправильным по отношению к потерпевшим, в частности, и российскому социуму, в целом, оставлять лиц, совершивших указанные преступные деяния, полностью безнаказанными, поскольку бы попросту отсутствовало какое-либо воспитательное воздействие, направленное на их исправление и предупреждение совершения ими новых уголовно-наказуемых деяний.

Применение именно судебного штрафа способно разрешить данный вопрос: лицо, при совершении им преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, освобождается от уголовной ответственности на основании судебного решения, что исключает наличие негативных правовых последствий судимости, но при этом возмещает в полном объеме причиненный потерпевшему вред, а также уплачивает в бюджет государства соответствующий денежный штраф, который, однако, меньше по своему размеру, чем штраф, являющийся уголовным наказанием.

Так, по предварительным прогнозам, данным председателем Верховного суда РФ Лебедевым В.М., закрепление в действующем российском уголовном законодательстве института судебного штрафа, и последующее его применение в рамках

судебной и следственной практики, должно позволить ежегодно вывести из-под действия уголовного закона более двухсот тысяч человек [2].

Институт судебного штрафа также имеет значение и для достижения цели процессуальной экономики: теперь большая часть уголовных дел о совершении преступлений небольшой или средней тяжести может не рассматриваться судом по существу, а прекращаться в связи с применением судебного штрафа, что закономерно позволит снизить объемы рабочей нагрузки, возложенной на судебную систему.

Кроме того, указанное наведение, на наш взгляд, расширило диапазон законодательно установленных возможностей сотрудников следственных органов, органов дознания, которые теперь вправе по собственному усмотрению при согласовании с непосредственным руководством выходить в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с применением судебного штрафа.

Назначение судебного штрафа усматривается также и в восстановлении нарушенных прав и законных интересов лиц, являющихся потерпевшими по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, что выражается в полном возмещении причиненного им ущерба со стороны лица, совершившего преступное уголовно-наказуемое деяние.

Еще одна цель, которую преследовал отечественный законодатель, закрепляя институт судебного штрафа в действующем российском уголовном законодательстве, заключается в предупреждении совершения лицами, освобожденными от уголовной ответственности в связи с его применением, новых преступлений, поскольку тем не менее меры гражданской ответственности к нему применяются (возмещение ущерба), а также с него взывается штраф, обрастаемый в доход государства, что вынуждает его претерпевать неблагоприятные имущественные последствия, в результате чего страдает его финансовое благополучие, а, значит, некий воспитательно-исправительный эффект сохраняется, который будет его сдерживать от совершения новых преступлений. На это указывают в своих научных трудах А. С. Есина, О. Е. Жамкова [3, с. 154].

Кроме того, применение судебного штрафа позволяет исключить те негативные последствия, которые претерпевает лицо, отбывая реально назначенное в отношении него уголовное наказание: не происходит деформации его личности, препятствующей в последующем его социальной адаптации в российском обществе после освобождения. Это еще одна цель, достижение которой стало возможно после легального закрепления института судебного штрафа в действующем российском уголовном законодательстве.

Помимо прочего, некоторые отечественные ученые в области уголовного права и уголовного процессуального права, в частности, И. Г. Башинская [1, с. 149], М. В. Захарова [4, с. 496] указывают, что фактически главной целью законодательного учреждения института судебного штрафа явилось возмещение расходов государства, понесенных им

в связи с осуществлением уголовного судопроизводства в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести.

Так, денежные средства, уплачиваемые лицом, в отношении которого судом применяется судебный штраф, поступают непосредственно в бюджет государства, и оборачиваются впоследствии на покрытие расходов, понесенных правоохранительными органами в связи с осуществлением в отношении него уголовного преследования по факту совершения им преступления небольшой или средней тяжести (например, следственными отделами, органами дознания Министерства внутренних дел РФ, Следственным комитетом РФ, судом, рядом иных). Указанное, в полной мере, коррелируется с компенсационным направлением отечественной уголовно-правовой политики.

Завершая изложение, полагаем возможным подчеркнуть, что законодательное закрепление института судебного штрафа имеет немаловажное практическое значение, поскольку способствует достижению следующих целей, стоящих перед проводимой отечественной уголовно-правовой политикой

Список литературы

1. Башинская И.Г. Судебный штраф как государственный способ возмещения расходов за уголовное судопроизводство. // Общество и право. 2017. - № 2 (60). - С. 149.

2. Доклад председателя Верховного суда Российской Федерации Лебедева В.М. в рамках научно-практической конференции, посвященной проблемам совершенствования уголовного законодательства, проведенной 17.10.2016 года. [Электронный ресурс] Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrfr.ru/press_center/press_service/ [дата обращения: 22.06. 2019]

3. Есина А.С., Жамкова О.Е. Судебный штраф как средство гуманизации уголовной политики. // Уголовная политика и культура противодействия преступности. - 2016. - № 3. - С. 154.

4. Захарова М.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера: этап либерализации или сделка с государством. // Экономика, управление и право: тенденции и перспективы развития. - 2018. - № 1. - С. 496.

5. Лобанова Л.В. Правовая природа судебного штрафа и перспективы масштабной декриминализации преступных деяний. // Legal Concept. - 2017. - № 3. - С. 14.

6. Состояние преступности в России за период 1997 -2017 годов. [Электронный ресурс] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> [дата обращения: 22.06.2019].

7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона N 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». [Электронный ресурс] СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/57724550/> [дата обращения: 20.06.2019].

*Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В.
Дальневосточный федеральный университет.*

ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ИЛИ СОДЕЙСТВИЯ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

*Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V.
Far Eastern Federal University.*

BACKGROUND CRIMINALIZATION OF THE WORSHIP TO THE PERFORMANCE OF SUCCESS OR PROMOTING THE SUCCESS

Аннотация.

В научной статье авторами рассматриваются предпосылки, обусловившие появление в положениях российского уголовного закона статьи 110.1, предусматривающей ответственность за склонение к совершению самоубийству или содействию в его реализации.

Abstract.

In the scientific article, the author examines the preconditions that led to the emergence of article 110.1 in the provisions of the Russian criminal law, which provides for the responsibility for inclining to commit suicide or assist in its implementation.

Ключевые слова: *предпосылки, криминализация, содействие, склонение, самоубийство, уголовный закон.*

Keywords: *prerequisites, criminalization, assistance, inducing, suicide, criminal law.*

В июне 2017 года в положениях российского уголовного закона был закреплен новый состав преступления – склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) [2], необходимость криминализации которого усматривалась на протяжении нескольких предшествующих лет.

Как указывалось в пояснительной записке к соответствующему законопроекту, цель внесения данных изменений заключалась, в первую очередь, в обеспечении безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних детей, находящихся в группе суицидального риска, а также в закреплении комплекса мер на законодательном уровне, которые способствовали бы в полной мере предотвращению самоубийств среди детей и повышению эффективности борьбы с различными существующими формами содействия совершению суицидов [5].

На необходимость разработки на законодательном уровне и последующего практического внедрения комплекса мер, направленных на противодействие детскому и подростковому суициду указывалось и в положениях действовавшей в тот период времени Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы, утвержденной указом Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761: так, в ее содержании подчеркивалось, что на территории России участились случаи совершения суицидов несовершеннолетними лицами в возрасте от 10 до 18 лет [3].

Так, по имеющимся в тот период времени данным, представленным на официальном сайте Следственного комитета РФ, только в 2016 году ушли из жизни, прибегнув к самоубийству, 720 детей и подростков, проживающих на территории российского государства, а за предшествующие три года их ко-

личество составило 2 205 человек, что свидетельствует о стабильном сохранении суицидальных настроений в детско-подростковом коллективе [4].

При этом, как отмечалось неоднократно представителями данного ведомства в пресс-интервью, реальное количество попыток самоубийства, по различным причинам не приведшие к гибели детей и подросток, значительно превышает данные показатели, однако, установить их точное число не представляется возможным, поскольку они не подлежат регистрационному учету правоохранительными органами, и, как следствие, лежат за пределами официальной статистики [1].

Проведенный экспертами-разработчиками данного законопроекта анализ причин совершения несовершеннолетними суицидов свидетельствует о фактическом появлении новых форм преступных действий, в результате которых происходит негативное воздействие со стороны третьих лиц на сознание и психику ребенка, с целью формирования у него суицидальных намерений, которые в тот период времени не охватывались российским уголовным законодательством, что позволяло оставаться безнаказанными лиц, склонивших детей к самоубийству.

Вновь возникшие и получившие достаточно широкое распространение формы преступных действий ранее не прогнозировались отечественной уголовно-правовой наукой, не являлись предметом изучения российских криминологов, в виду чего и оказались за пределами уголовно-правовой оценки, и, как следствие, за пределами мероприятий, проводимыми правоохранительными органами в рамках профилактической работы по предупреждению детских и подростковых самоубийств.

Между тем, фактический характер, а также степень общественной опасности данных действий,

позволил говорить о необходимости установления уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства и содействие в его практической реализации, которые могут повлечь за собой необратимые последствия в виде гибели не только детей, но и совершеннолетних лиц.

В частности, изначально речь шла об уголовной ответственности создателей, администраторов так называемых «групп смерти», функционирующих в социальных сетях в телекоммуникационной сети «Интернет» (например, общеизвестный паблик «Синий кит»), деятельность которых, прежде всего, преследует цель побудить, замотивировать несовершеннолетнего к совершению самоубийства, а также оказать ему всестороннее содействие в его практической реализации (в частности, уведомить о методах и способах его совершения, иными словами, «научить его, как покончить с собой»).

Так, на момент разработки и принятия рассматриваемого законопроекта, согласно отчетным статистическим данным, представленным на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, приблизительно начиная с 2012 года функционировали в социальных сетях свыше тринадцати тысяч групп суицидальной тематики, в которых содержались в открытом доступе сведения о методах, способах самоубийства, призывы к его совершению: в настоящее время их рост продолжается, несмотря на проведенную массовую их блокировку и изъятие из телекоммуникационной сети «Интернет» [6].

Проведенный экспертами-разработчиками данного законопроекта анализ сформированной правоприменительной практики подтвердил факт того, что зачастую с несовершеннолетними, входящими в группу суицидального риска, взаимодействуют лица, прекрасно владеющие знаниями детской и подростковой психологии: так, закрытые, даже несколько ритуальный вступления в указанные сообщества, несомненно, привлекает внимание лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, а методично разработанный комплекс суицидальных заданий (например, о необходимости «вырезать» бритвенным лезвием на запястье в зоне вен символы смерти «F57», «F58», «4:25», или о необходимости подготовить проект предсмертной записки) в конечном итоге пробуждает у подростка желание «пройти игру до конца», совершив суицид.

Учитывая изложенное, полагаем необходимым сформулировать некоторые выводы:

Необходимость криминализации склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства усматривалась на протяжении нескольких лет, предшествующих закреплению на законодательном уровне соответствующей уголовно-правовой нормы в июне 2017 года: так, это обуславливалось увеличением числа случаев совершения суицида детьми и подростками при подстрекательстве к этому со стороны администраторов так называемых «групп смерти», функционирующих в социальных сетях в телекоммуникационной сети «Интернет», целью деятельности которых

является побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства, а также оказание ему всестороннего содействия в его практической реализации.

Отсутствие легально установленной возможности привлечения данных лиц к уголовной ответственности за совершенные ими преступные действия, фактически оставляло их безнаказанными, что влекло за собой массовое распространение в телекоммуникационной сети «Интернет» сообществ, пропагандирующих суицидальные настроения, а также множество случаев добровольного ухода из жизни детей и подростков, слепо следующих их агитации и попавших под их влияние.

Список литературы

1. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина "Российской газете" (19 января 2017 года) [Электронный ресурс] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview> [дата обращения: 20.06.2019]

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217848/ [дата обращения: 20.06.2019]

3. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/ [дата обращения: 22.06.2019].

4. Отчетные статистические данные о количестве совершенных суицидов детьми и подростками в 2016 году [Электронный ресурс] Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/> [дата обращения: 20.06.2019]

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона N 118634-7 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению" [Электронный ресурс] СПС «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/57277288/paragraph/1:0> [дата обращения: 20.06.2019]

6. Сведения о количестве групп суицидальной тематики, функционирующих в социальных сетях [Электронный ресурс] Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/> [дата обращения: 20.06.2019]

Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В.
Дальневосточный федеральный университет.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ

Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V.
Far Eastern Federal University.

TO THE QUESTION ABOUT UNCERTAINTY IN THE LAW

Аннотация.

В научной статье автором рассматриваются различные подходы к толкованию дефиниции «неопределенность в праве». В завершении автор формулирует собственное определение исследуемой категории, с учетом совокупности всех присущих ей признаков.

Abstract.

In a scientific article, the author discusses various approaches to interpreting the definition of "law uncertainty". In conclusion, the author formulates his own definition of the category being studied, taking into account the totality of all the characteristics inherent in it.

Ключевые слова: *неопределенность, право, подход, правопонимание, доктрина, виды, понятие, категория, признаки, толкование.*

Keywords: *uncertainty, law, approach, legal thinking, doctrine, types, concept, category, signs, interpretation.*

В настоящее время в отечественной правовой доктрине не оспаривается утверждение о том, что одним из значимых объективных свойств права выступает его формальная определенность. Указанное качество права способствует укреплению его роли, повышению социальной ценности как наиболее эффективного регулятора общественных отношений, проявляясь в следующих аспектах его существования и функционирования: в формальной определенности содержания норм права; в определенных способах закрепления правовых норм; в формальной определенности реализации норм права [3, с. 85].

В свою очередь, парной правовой категорией определенности права выступает его неопределенность [2, с. 44], единообразного концептуального подхода к пониманию сущности которой не представлено до сих пор: так, в положениях теории права оперируют различными терминами, как то «неопределенность в праве», «неопределенность в правовом регулировании», «неопределенность в правовых актах», «правовая неопределенность», а также «неясность нормы права», «неконкретность нормы права», «темнота правовой нормы» [1, с. 18] которые, в целом, являются по своему юридическому смыслу тождественными понятиями.

Категория «неопределенность права» традиционно трактуется в праве в широком и узком смысле. В широком смысле под ней понимают некий антипод формальной определенности права, явление несовершенства правового регулирования, обусловленное объективным и субъективным факторами правообразования и обозначающее неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли [4, с. 60]. То есть, иными словами, сторонники данного подхода усматривают под рассматриваемой дефиницией не столько дефект законодательства,

сколько дефект воли (волеизъявления) самого законодателя, нашедший свое объективированное выражение в форме праве.

Представители противоположного подхода к определению сущности неопределенности права, рассматривают ее в узком смысле, исходя из чего понимают ее в двух перекрестных значениях: во-первых, как специфический способ правового регулирования (позитивное правопонимание), во-вторых, как некий технико-юридический дефект, изъян права (негативное правопонимание) [4, с. 60].

Так, позитивное правопонимание сущности рассматриваемого явления позволяет определять его в качестве специфического способа правового регулирования общественных отношений, складывающихся в различных сферах жизнедеятельности отдельного взятого индивидуума, в частности, и социума, в целом: это является значимым в том случае, когда имеется необходимость предусмотреть возможность индивидуального правового регулирования, по усмотрению правоприменителя. Тем самым, субъектам правоотношений

предоставляется свобода (в определенных границах, разумеется) в выборе своего возможного поведения, реализации их субъективных прав, а также, охватывается более широкий круг однородных общественных отношений.

Как следствие, неопределенность в праве с этой точки зрения в полной мере позволяет учесть изменчивость, динамику отношений в социуме, их перспективное развитие, возникновение новых общественных потребностей, требующих своего удовлетворения, а также вновь появляющиеся интересы государства и общества. Это находит свое объективное отражение в абстрактном формулировании правовых норм, использовании относительно определенных норм права, применении оценочных категорий, «рамочных» законах, ином.

В данном случае неопределенность в праве является исключительным волеизъявлением отечественного законодателя или иного субъекта, задействованного в правотворческом процессе, который сознательно прибегает к ней, с целью обхвата наиболее широкого круга общественных отношений, которых входят в предмет правового регулирования, дабы допустить возможность в последующем урегулировать их, исходя из сформированной правоприменительной практики.

В свою очередь, рассмотрение данного явления в негативном правовом понимании, позволяет определять его как некий технико-юридический дефект, снижающий качество и эффективность правового регулирования, в целом: это такие логико-языковые отступления, деформации в построении норм права, которые объективно выражаются в отсутствии полного, точного нормативно-правового установления, неизбежно влекущие за собой снижение регулятивного правового воздействия на общественные отношения и затрудняющие их толкование, применение в практической деятельности (к их числу, как правило, относят различные правовые коллизии противоречия, пробелы в праве) [5, с. 1238].

На наш взгляд, более подходящим для определения сущности неопределенности в праве, представляется именно второй существующий подход в отечественной правовой доктрине, определяющий ее в узком смысле в двух основных противопоставляющихся значениях, исходя из чего она будет определяться нами как специфический способ правового регулирования общественных отношений, выраженный в осознанном допущении отечественным законодателем неточности и абстрактности изложения правовых предписаний, с целью предоставления возможности субъектам правоотношений толковать нормы права по своему

собственному усмотрению в рамках правоприменительной практики, с одной стороны, и как технико-юридический дефект нормативно-правовых предписаний, обусловленный рядом объективных (например, несогласованное обновление законодательного массива, множественность правоприменительных субъектов) и субъективных (в частности, недостаточный уровень правовой культуры и технико-юридических знаний субъектов, задействованных в правотворческом процессе) причин, влекущий за собой снижение эффективности правового регулирования отношений, складывающихся в социуме, с другой стороны. Отметим, что не претендуем на бесспорность сформулированного нами определения сущности неопределенности в праве, что подразумевает под собой дальнейшую возможность его уточнения и конкретизации в рамках развития отечественной правовой доктрины по рассматриваемому вопросу.

Список литературы

1. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. - С. 18.
2. Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: дисс... докт. юрид. наук: 12.00.04. - Екатеринбург, 2014. - С. 44.
3. Момотов В. В. Принцип правовой определенности и неопределенность права. // Юристы – Правоведь. - 2013. - № 1 (56). - С. 85.
4. Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01. - М., 2006. - С. 60.
5. Цыбуляк С. И. Понятие и виды дефектов правового регулирования. // Правоведение. - 2012. - № 7 (151). - С. 1238.

УДК: 340.1

*Юсифзаде Д. Н. оглы, Бережная А. И., Яцышина Ю. В.
Дальневосточный федеральный университет.*

УСМОТРЕНИЕ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

*Yusifzade D.N. oglu, Berezhnaya A.I., Yatsyshina Yu.V.
Far Eastern Federal University.*

DISCRETION IN LAW ENFORCEMENT: CONCEPT AND SIGNS

Аннотация.

В научной статье авторами рассматриваются различные подходы к толкованию дефиниции «усмотрение в правоприменении», детальным образом анализируются его признаки. В завершении авторы формулируют собственное определение исследуемой категории, с учетом совокупности всех присущих ей признаков.

Abstract.

In a scientific article, the author discusses various approaches to interpreting the definition of «discretion in law enforcement», and analyzes its features in a detailed manner. In conclusion, the author formulates his own definition of the category being studied, taking into account the totality of all the characteristics inherent in it.

Ключевые слова: усмотрение, правоприменение, подход, правовое понимание, доктрина, виды, понятие, категория, признаки, толкование.

Keywords: discretion, law enforcement, approach, law understanding, doctrine, types, concept, category, signs, interpretation.

Наличие неопределенности в праве неизбежно породило за собой поиск способов ее устранения и преодоления, одним из которых, наиболее эффективным и качественным, является правоприменительное усмотрение, о чем неоднократно указывалось ранее в комплексных научных трудах известных российских ученых-правоведов, в частности, И. С. Дикарева [2, с. 27], М. В. Сидоренко [7, с. 166].

Данный термин трактуется в положениях отечественной правовой доктрины неоднозначно: единогообразного подхода к правопониманию его сущности в настоящее время не сформировано.

Так, А. П. Корнев, под усмотрением в правоприменении предлагал понимать «определенную рамками законодательства известную степень свободы органа в правовом решении индивидуального конкретного управленческого дела, которая предоставляется в целях принятия оптимального решения» [5, с. 80].

Предлагаемое автором определение рассматриваемого понятия нами не поддерживается в силу того, что оно необоснованно сужает сферу, в которой может быть реализовано правоприменительное усмотрение, сводя ее исключительно к административной юстиции, в то время, как только ею оно не ограничивается в условиях объективно существующей реальности.

В свою очередь, анализируя природу правоприменительного усмотрения, Д. М. Чечот высказывался следующим образом: «это предполагает, что соответствующий орган или должностное лицо действуют по своей воле, не связанной при принятии решения какой-либо нормой» [6, с. 36].

Полагаем, что предложенное автором определение также не до конца верно сформулировано в силу того, что в нем явно прослеживается безграничная свобода правоприменителя в его усмотрении, иными словами, оно, по мнению автора, не ограничивается абсолютно никакими рамками закона, что попросту не соответствует действительности.

Особый научно-исследовательский интерес вызывают точки зрения сторонников несколько иной концептуальной позиции, в которой акцент делается на не на свободе, представляющей собой основу правоприменительного усмотрения, а на самом «усмотрительном» процессе. В частности, В. Г. Антропов предлагает понимать под рассматриваемым термином «предоставленную правом властную интеллектуально-волевою деятельность правоприменителя по выбору субъективно-оптимального решения» [1, с. 100].

В достаточно схожей интерпретации В. Ф. Бохана, усмотрение в правоприменении трактуется как «творческая, интеллектуально-волевая деятельность компетентного субъекта, в процессе которой окончательно формируется его нравственная позиция по рассматриваемому делу» [3, с. 303].

Однако, и приведенный ряд определенных рассматриваемой дефиниции не является совершенным, поскольку фактически, исходя из их содержания и буквального толкования не прослеживается

разница между правоприменительным усмотрением и иной правоприменительной деятельностью указанных субъектов.

В этой связи, полагаем необходимым выделить определенные признаки усмотрения в правоприменении для уяснения его сущности как особого способа преодоления неопределенности в праве. К их числу необходимо относить следующие:

1. Основа его применения – соответствующее право субъекта правоприменительной деятельности, обусловленное наличием неопределенности правовых норм.

Так, неопределенность правовых норм сама по себе предполагает возникновение у правоприменителя возможности действовать по своему усмотрению в конкретных сложившихся правоотношениях, иными словами, права на выбор определенного варианта собственного поведения.

2. Осуществляется всегда в сфере действия правовых предписаний.

Указанный признак означает буквально следующее: правоприменитель вправе совершать любые действия по своему усмотрению только в сфере регулирования нормы права, характеризующейся неопределенностью, а всякого рода совершаемые им действия за пределами обозначенной сферы не могут считаться усмотрением в правоприменении.

3. Объективно выражается в правовом поведении субъекта правоприменительной деятельности, или в принятии им юридически значимых решений.

Так, при наличии правовой неопределенности правоприменитель выбирает один из всевозможных и допускаемых вариантов своего поведения, что и является актом реализации правоприменительного усмотрения. В качестве примера можно рассмотреть следующую ситуацию: согласно ч. 6 ст. 8 Кодекса судейской этики, судья должен избегать любых личных связей, которые в последующем могли опорочить его деловую репутацию, однако, при этом легального разъяснения, что следует понимать под такими «личными связями» не дается, что обуславливает поведение судьи в части выбора своего близкого окружения по своему усмотрению и исходя из личных убеждений о порочащих связях [4].

4. Влечет определенные правовые последствия для разрешения того вопроса, в рамках которого и было реализовано правоприменительное усмотрение.

Указанное наиболее ярко проявляется при заключении любого гражданско-правового договора сторонами, в ходе которого они воспользовались правом внесения по своему усмотрению и совместному согласованию, любых дополнительных условий, неурегулированных в положениях действующего российского гражданского законодательства. Это влечет за собой такие правовые последствия, как установление дополнительных прав, обязанностей, ответственности сторон заключенного гражданско-правового договора.

5. Это определенная мыслительная (интеллектуальная) деятельность.

Фактически процесс правоприменительного усмотрения всегда связывается с какой-либо интеллектуальной деятельностью субъекта, выраженный в обдуманном и осознанном им выборе возможного варианта собственного поведения, обусловленной наличием неопределенности правовой нормы. Тем самым, очевидно, что им прилагаются умственные затраты в обдумывании и оценке всевозможных правовых последствий своего выбора

Завершая изложение, укажем, что обозначенная совокупность признаков позволяет сформулировать собственное, авторское определение дефиниции «правоприменительное усмотрение», всецело их отражающее и закрепляющее в себе: это процесс мыслительно-интеллектуальной деятельности субъекта правоприменения по выбору одного из возможных вариантов собственного поведения в тех или иных общественных отношениях, обусловленное наличием неопределенности их правового регулирования, влекущее за собой определенные правовые последствия для него.

УДК 34.341

Список литературы

1. Демин А. В. Диспозитивность в налоговом праве: монография. - М.: Проспект, 2018. - С. 100.
2. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. - Волгоград: изд-во ВолГУ, 2015. - С. 27.
3. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. - М.: Предисловие, 2017. - С. 301.
4. Кодекс судейской этики: утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 (ред. от 06.12.2016) [Электронный ресурс] СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/70301432/> [дата обращения: 13.04.2019]
5. Костенников М.В., Елисеев А.В. К вопросу реализации административного усмотрения в деятельности органов внутренних дел. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2018. - № 2 (80). - С. 80.
6. Никитин А. А. Усмотрение в праве и его признаки. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2012. - № 6 (89). - С. 36.
7. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовного процессуального права: дисс..докт. юрид. наук. - Краснодар, 2017. - С. 166.

Ахатбек Сымбат Бауржанкызы
Магистрант

2 курс факультет международных отношений
Казахский национальный университет им.Аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Akhatbek Symbat Baurzhankyzy
2-year graduate student
faculty of international relations
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Republic of Kazakhstan

THE IMPLEMENTATION OF THE FUNDAMENTAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN WITHIN THE EUROPEAN UNION.

Аннотация.

В данной статье анализируются особенности норм права Европейского Союза, направленных на защиту прав и свобод граждан Европейского Союза. В основе системы защиты прав человека в Европейском Союзе лежат демократические принципы, закрепленные в международных договорах, на которых основывается европейская интеграция. Демократические принципы в праве Европейского Союза образуют основу системы права ЕС. В центре этой системы находится принцип соблюдения и защиты основных прав и свобод человека на уровне Европейского Союза.

Abstract.

This article analyzes the features of European Union law aimed at protecting the rights and freedoms of citizens of the European Union. The human rights protection system in the European Union is based on democratic principles enshrined in international treaties on which European integration is based. Democratic principles in European Union law form the basis of the EU legal system. At the heart of this system is the principle of respect and protection of fundamental human rights and freedoms at the level of the European Union.

Ключевые слова: права человека, демократия, равенство, дискриминация, обязательства, свобода.
Keywords: human rights, democracy, equality, discrimination, obligations, liberty.

Human rights have become truly universal today. In their manifestations, they have become an indicator of the civilization of states and the level of well-being of their citizens, a source of solving the most important social and personal problems. The current stage of human development is characterized by the recognition of human rights as the highest social value. Accordingly, one of the priority tasks facing the world community today is the proper maintenance and protection of these rights from any violations.

The basic concepts of law and freedom of man and citizen in European law are concentrated in legal acts, such as, the constituent documents of the European Communities and the European Union, the Charter of Fundamental Rights of the European Union, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms with its protocols, United Nations Universal Declaration of Human Rights, Covenant on Civil and Political Rights of 1966, Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966, United Nations conventions on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (1948), United Nations conventions on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1965), United Nations conventions against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (1984), United Nations conventions on the Rights of the Child (1989), the Rules of Procedure of the European Court of Human Rights and the Statute of the European Court, the case-law of the European Court of Human Rights, the European Commission of Human Rights and the Court of the European Union, as well as other international acts and documents.

According to the European Convention on Human Rights, the aim of the Council of Europe is to achieve greater unity between its members and that one of the means to achieve this goal is to maintain and further realize human rights and fundamental freedoms. Currently, the protection of human rights in the EU is guaranteed at the national and international legal levels, as well as in accordance with the European Union Charter of Fundamental Rights - within the EU.

National remedies are provided in accordance with the constitutional systems of member countries. The international protection of fundamental rights is carried out through mechanisms provided for by a number of universal and regional conventions to which the EU states are parties. Thus, all EU countries participate in the Optional Protocol to the 1966 International Covenant on Civil and Political Rights, which provides for the powers of the Human Rights Committee to consider individual complaints of individuals in connection with a violation of their rights. Such bodies also include the Committee against Racial Discrimination, the Committee on the Rights of Women, the Committee against Torture, etc.

A special place among such international remedies is held by the ECHR, acting on the basis of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950. All member states of the Union today are members of the Council of Europe and recognize the jurisdiction of the ECHR in matters of violation of the rights guaranteed by this convention.

An independent system for protecting human rights is also taking shape within the EU. Today it is represented by a separate judicial and a number of jurisdictional bodies. Among the latter, a special place is occupied by the Fundamental Rights Agency, established in 2007 and functioning as an advisory body to the system of EU institutions.

Non-jurisdictional human rights bodies also include the institution of the EU Ombudsman. Any EU citizen, as well as another person legally residing in the Union, has the right to file a violation with the Ombudsman. The object of complaint may be actions (inaction) of any institutions of the Union. Outside the competence of the authorized person is the activity of national authorities (even if they apply European law) and any private individuals. The post was established by the 1992 Maastricht Treaty. This structure, like the Agency for Fundamental Rights considered earlier, has an exclusively advisory role.

The only judicial mechanism for protecting violated rights is still the EU Court. As already indicated, it was his practice that laid the foundation for the establishment of the concept of human rights in the European rule of law.

As already indicated, according to the Lisbon Treaty, the Charter of Fundamental Rights of the European Union has acquired the legal force of the primary source of European law, the implementation of which is the responsibility of the European Commission. In such conditions, the task of the European Commission is to monitor the observance of the fundamental rights reflected in the Charter by all bodies, agencies and officials of the Union. The activities of the European Commission to ensure compliance with the Charter by filing claims for non-performance of obligations to the EU Court against violating states are of great importance. Therefore, holding the state accountable for violating the Charter is possible if such a violation is associated with improper application of EU law: for example, when the national legislative body enforces the EU directive in a manner contrary to fundamental rights, or when a state body applies EU law in violation of fundamental rights, or and when the state violates the Charter as a result of a final court decision contradicting it, applying or interpreting EU law.

Human rights in modern society are the most important institution, which acts as the highest fundamental value, the standard of law or lack of rights, and reflects the degree of democratic society. The priority of human rights and freedoms as the highest value operates at all three levels of law - national, regional and international.

One of the characteristic features of the development of state cooperation in the field of human rights at the present stage is the creation of a system of international control over the implementation of their legal obligations.

Fundamental human rights and freedoms ceased to be an object of internal competence of states, but became the business of the entire international community. The recognition of general human rights standards does not depend on their constitutional consolidation, since the priority of international law over domestic law

in the field of human rights has become a universally recognized principle of the international community.

Human rights have become an integration element and a common platform for building European legal space. The key role in this process of approximation of the rule of law of the EU and the ECHR is assigned to European courts. Therefore, the problem of the interaction of European judicial institutions comes to the fore. It can be resolved by creating mechanisms for cooperation and coordination, which will eliminate duplication of decisions, reduce the risk of conflicts and increase the level of legal protection for private individuals.

References

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights - 1950)
2. Vasak K. The Council of Europe: The International Dimensions of Human Rights. – Paris – 1982. Vol. 2. 673p.

УДК 343

Тархов Семён Михайлович
студент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета
Научный руководитель: *Шеслер Александр Викторович*
д.ю.н., профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРАЖУ

Tarkhov Semyon Mikhailovich
student
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University
Scientific adviser: *Shesler Alexander Viktorovich*
Doctor of Law, Professor
National Research Tomsk State University

HISTORY OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT

Аннотация.

Предметом исследования в данной статье являются уголовно-правовые нормы Российского государства, которые регламентируют ответственность за кражу. Целью настоящей статьи состоит в изучении исторических аспектов развития законодательства Российского государства, которое регулирует ответственность за кражу. Методология работы представлена системным анализом и историко-правовыми методами. В результате проведенного исследования можно увидеть постепенное развитие и дифференциацию уголовной ответственности за совершение кражи.

Abstract.

The Subject of this article is the criminal law of the Russian state, which regulates the responsibility for theft. The purpose of this article is to study the historical aspects of the development of legislation of the Russian state that regulates liability for theft. The methodology of the work is presented by system analysis and historical and legal methods. As a result of the research, we can see the gradual development and differentiation of criminal responsibility for theft.

Ключевые слова: юридическая ответственность, уголовное право, кража, хищение, наказание
Keywords: legal liability, criminal law, theft, theft, punishment

Обязательным условием определения уровня развития современного законодательства и его перспектив является рассмотрение историко-правовых

3. Treaty on European Union - Maastricht Treaty, 1992

4. Gomien D., Harris D., Zvaak L. European Convention on Human Rights and the European Social Charter: Law and Practice. M., 1998. –32p.

5. Hammarberg T. Human Rights in Europe: Work Continues. – 2011

6. Report of the Expert Group on Fundamental Rights, Affirming fundamental rights in the European Union. EU Commission — Brussels, Feb. – 1991

7. Colloquium on European Law, Millennium Session XXX, COLPI, T.M.C. Asser Instituut – The Hague, 20-23 September 2000

8. Treaty on the Functioning of the European Union – 2007

9. European Union Charter of Fundamental Rights – 2000

10. Pavlos Eleftheriadis. The structure of European Union law // Oxford Legal Studies Research Paper. №. 47. – 2010.

аспектов проблем уголовно правовой защиты собственности от краж. Как отмечал Л.В. Черепнин «история всегда современная и злободневна. каким

бы отдаленным отрезком времени она не занималась, через него она видит путь к сегодняшнему дню, а через сегодняшний день - в будущее»[1, с. 272]. Необходимо обратить внимание на то, что для определения основного вектора развития и анализа историко-правовых аспектов развития законодательства за кражу требуется изучить соответствующие нормативные акты Российского государства за достаточно большой временной интервал, при этом изучение содержания нормативных актов должно соотноситься с социально-экономической и социально-правовой обстановкой в тот или иной период развития государства.

Ответственность за кражу достаточно подробно регламентировалась нормативными предписаниями Русской Правды и обозначалась термином «татьба». В Русской Правде ответственность за кражу была регламентирована несколькими статьями, ответственность за кражу скота, коня, зерна, пчел и мёда регламентировалась отдельно (ст. 35, 41 - 44, 69 - 71 Пространной редакции Русской Правды). [2, с. 65]. Существовавшая необходимость в дифференциации уголовной ответственности в зависимости от объекта и вида предмета хищения стала причиной такой точной регламентации. Также основу разграничения ответственности за кражу в древнерусском праве составляет особенность способа совершения кражи.

XIV-XV веках основы, регулирующие ответственность за кражу получили своё развитие. Псковская Судная грамота (1467г.) стала известным памятником периода феодальной раздробленности. Её особенностью стало то, что была установлена сменная казнь за кражу, совершенную в третий раз (ст. 8), кражу государственного имущества из Кремля и церковную кражу. Законодателем была продолжена линия дифференциации ответственности в зависимости от вида имущества, которое было похищено, также ответственность за кражу была значительно усилена. Новым основанием усиления ответственности за кражу в Псковской Судной грамоте появляются неоднократность и рецидив. Псковская Судная грамота не дифференцировала наказания за первую и вторую кражи и только за третью кражу была предусмотрена смертная казнь, но не уточняла способ её совершения, в Двинской Уставной грамоте (1549 г.) были уточнены эти составы (ст. 5). [3, с. 185]

В Судебниках 1497, 1550 и 1589 годов было продолжено усиление охраны феодальной собственности. Согласно нормам Судебников, кража, совершенная в первый раз, в результате которой возмещается ущерб собственнику, грозила виновному торговой казнью и взысканием продажного штрафа в пользу казны. При отсутствии возможности возместить убытки из-за отсутствия какого-либо имущества виновный отдавался для отработки долга в пользу потерпевшего в холопство. В Судебниках первые были установлены членовредительские наказания за совершение кражи, за повторную кражу была предусмотрена смертная казнь.

Ужесточение наказания за кражу продолжилось в Соборном Уложении (1649 г.). Особенностью Соборного Уложения является установление обязательной пытки виновного уже при обвинении его в первой краже. В Уложении предусматривалась простую и квалифицированную кражу, например совершенная на службе, конокрадство, кража, совершенная в государевом дворе, кража овощей из огорода. Воровство, сопровождавшееся убийством стало определяться понятием «головная татьба».

Артикулы Петра Первого заложили основы групповой кражи и кражи, которая была совершена в соучастии. Также были установлены обстоятельства, смягчающие ответственность за кражу. В XVIII веке совершенствование законодательства, регулирующего ответственность за кражу определяется развитие норм, которые регулируют вопросы дифференциации ответственности в зависимости от повторности, объекта, предмета, обстоятельств совершения преступления и количества лиц, совершивших преступление.

Развитие норм, регулирующих ответственность за кражу продолжилось в XIX столетии. В статье 2146 Уложения О наказаниях уголовных и исправительных кража была определена как тайное похищение чужих движимых вещей или денег без насилие, угроз и других обстоятельств, которые могли бы являться признаком грабежа или разбоя.

С 1917 по 1922 гг. были приняты шесть декретов, которые определяли ответственность за хищения, закреплялась необходимость борьбы с хищениями государственного и общественного имущества.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. кража определялась как тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. законодатель уточнил понятие кражи и закрепил его как тайное похищение чужого имущества, была установлена повышенная ответственность за кражу из государственных, общественных учреждений и складов.

Уголовный Кодекс 1960 г. различал посяательства на личное и социалистическое имущество граждан. Федеральный закон от 01.07.1994 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» вносил достаточно важные изменения, в результате которого устанавливалась одинаковая ответственность за преступления против собственности независимо от её формы. В статье 144 понятие кражи законодателем было закреплено как тайное хищение чужого имущества, в результате которого сохранилось в действующем Уголовном кодексе РФ 1996 года.

Итогами данного исследования необходимо сделать вывод, что дифференциация уголовной ответственности за кражу имеет свои корни в древнерусском праве. Основной вклад в развитие законодательства, регулирующего ответственность за кражу были внесены Судебниками 1497 года и 1550 года.

Список литературы

1. Черепнин. Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма/АН СССР. Отделение истории, Институт истории СССР - М.: Издательство «Наука» 1981. - 280 с.
2. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 1/

Отв.ред.: Янин В.Л.: Под общ.ред.: Чистяков О.И.- М.: Юрид.лит., 1984.- 432 с.

3. Развитие русского права в XV - первой половине XVII в./ Ермошин В.В., Ефремова Н.Н., Ис-аев И.А., Карпец В.И., и др.; Отв.ред.: Нерсесянц В.С.; Редкол.: Нерсесянц В.С., Преображенский А.А., Штамм С.И. - М.: Наука, 1986. - 288с.

УДК 343

Денк А.В.

*студент магистратуры 2 курса,
Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета,
Россия, г. Новосибирск*

КРИТЕРИИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ УСЛОВНО - ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ

Denk A.V.

*graduate student of the 2nd year,
Novosibirsk Law Institute (branch)
Tomsk State University,
Russia, Novosibirsk*

CRITERIA FOR CORRECTING CONVICTS ON PAROLE

Аннотация.

В статье рассматриваются критерии исправление осужденного. Представлена система критериев исправления осужденного при решении вопроса по поводу его исправления. Подробно рассмотрен каждый критерий, как показатель свидетельствующий об окончательной перестройке личности.

Abstract.

The article deals with the criteria of correction of a convicted person. The system of criteria for correction of a convict when solving a question about his correction is presented. Each criterion is considered in detail as an index testifying to the final personality reconstruction.

Ключевые слова: *условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, цель наказания, степень исправления, исправление осужденного, критерии.*

Keywords: *parole, purpose of the sentence, degree of correction, correction of the convicted person, criteria.*

Исправление осужденных выступает материальным основанием применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы и «важнейшим направлением деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы» [8 С. 3].

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее - УИК РФ) закрепляет такое понятие как «исправление осужденных», под которым понимается «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» [1].

В связи с этим, возникает необходимость в законодательном закреплении критериев исправления осужденных.

Вопрос о критериях исправления на сегодняшний день в науке довольно неоднозначен. Многие правоведы придерживаются точки зрения, что критериями могут служить только поведение осужденного и его отношение к исполнению обязанностей во время отбывания наказания.

Стоит заметить, что такое поведение будет считаться примерным только по оценкам, которые даются органами, исполняющими наказания, при учете того, что отсутствуют дисциплинарные взыскания, а отношение к исполнению обязанностей было добросовестным. Именно вышеуказанные данные являются показателями стремления осужденного к своему исправлению.

Однако ряд правоведов говорит о том, что вывод суда об исправительном процессе может быть основан и на другой информации, он строится на всестороннем анализе и сборе данных о поведении осужденного за весь период нахождения в исправительном учреждении. Здесь немаловажными факторами, которым следует уделять внимание, выступают: отношение осужденного к труду, взаимоотношения с членами коллектива в процессе отбывания наказания, участие в общественной жизни.

В настоящее время, законодательство дает право суду самостоятельно решать вопрос по поводу исправления осужденного. Так в соответствии

с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), «лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания»[2]. Указанная формулировка создает достаточные проблемы, заключающиеся в трудности и неопределенности для правоприменителей, которые должны руководствоваться конкретными критериями при представлении осужденного к условно-досрочному освобождению от отбывания наказания и вынесению определения об освобождении, что на практике не представляется возможным.

В связи с этим остро возникает необходимость в выделении критериев исправления, ведь ранее в теории уголовного и уголовно-исполнительного права выделялось такое понятие, как «степень исправления осужденного».

Степень исправления осужденного является существенным условием условно-досрочного освобождения, она включает в себя систему определенных требований. Степень исправления осужденного напрямую вытекает из целей наказания, установленных законом.

Часть 2 статьи 43 УК РФ законодатель определил следующие цели наказания:

- 1) восстановление социальной справедливости;
- 2) исправление осужденного;
- 3) предупреждение совершения новых преступлений[2].

В теории права исправление осужденного трактуется как положительное поведение осужденного, достигаемое непосредственно применением наказания.

В юридической литературе существует множество мнений по поводу понятия «исправление осужденных».

«Исправление – это оптимальная задача, которая должна быть решена при помощи исполнения наказания. Исправление преступника можно считать законченным только тогда, когда в его сознании происходят изменения при исполнении наказания, и при наличии которых преступник становится безопасным для общества»[3 С. 46].

Более широкое определение дает Б.Б. Казак: «исправление осужденных – это комплексная общегосударственная задача, в решении которой все государственные органы и общественные организации, которое имеют отношения к реализации данной цели, должны принимать участие»[4 С. 254].

А.И. Зубков утверждает, что исправление зависит от формирования в личности осужденных общественно полезных правил и традиций человеческого общежития и стимулировании их правоопослушного поведения путем проведения воспитательной работы, общественно полезного труда, получения образования, профессиональной

подготовки осуществляемых в условиях, создаваемых установленным порядком исполнения и отбывания наказания.

Отсутствие единой точки зрения в вопросе определения исправления осужденных позволяет говорить о его сложной природе. Во-первых, под исправление это процесс устранения у осужденного антиобщественной направленности. Во-вторых, исправление осужденного – это конечный результат деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание имеющую целью изменить социальную направленность осужденного лица. В-третьих исправление осужденных это задача, которая стоит перед органами и учреждениями, исполняющими исполнение наказаний.

Актуальным остается вопрос о законодательном закреплении критериев исправления осужденных. Некоторые авторы считают, что такими критериями могут быть только поведение осужденного и его отношение к исполнению обязанностей во время отбывания наказания. Другие считают, что вывод суда о том, что процесс исправления, должен быть основан на всестороннем учете информации о поведении осужденного за весь период нахождения в исправительном учреждении.

Критерии оценки для определения исправления осужденного можно выделить из уголовно-правовых предписаний статьи 175 УИК РФ[2]:

1. Поведение осужденного;
2. Отношение осужденного к общественно полезному труду;
3. Отношение осужденного к обучению;
4. Участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях;
5. Возмещение вреда (полностью или частично);
6. Раскаяние в содеянном.

Кроме этого, выделяют дополнительные критерии, относящиеся к определенной категории осужденных (отношение лица подлежащего условно-досрочному освобождению к лечению).

Поведение осужденного в период отбывания наказания является основополагающим критерием всесторонней оценки личности осужденного. Понятие «поведение» охватывает все внешние проявления личности человека (действия, поступки, мимика), которые свидетельствуют о его психологических особенностях и показывают его отношение к другим людям, общественным ценностям и требованиям общества.

Поведение выступает определяющим фактором в формировании положительных или отрицательных установок личности, характеризуется наличием или отсутствием со стороны осужденного нарушения режима отбывания наказания. Если со стороны осужденного в период отбывания наказания не допускалось нарушение режима и к нему не применялись меры взыскания, это свидетельствует о его способности соблюдать установленные правила поведения.

Отношение осужденного к общественно полезному труду. Под трудом понимается – целесооб-

разная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей. Отношение к труду позволяет говорить о желании осужденного встать на путь исправления. Через добровольное привлечение к труду заключенный показывает свое стремление овладеть соответствующей профессией. Осужденных следует привлекать к такой работе, которая позволит им после освобождения жить жизнью законопослушных граждан путем применения освоенной профессии на деле. Деятельность, к которой привлекают осужденных, обязательно должна быть развивающей и направленной на повышение профессиональной квалификации. «Исследования показывают, что наличие у осужденного постоянной работы после его освобождения из мест лишения свободы наряду с поддержкой семьи является одним из важнейших факторов, которые могут предотвратить рецидив. От того, как труд организован, вознаграждается, какое приносит удовлетворение, как осознается общественное значение труда самими осужденными, зависит не только его производительность, адаптация осужденных в исправительных учреждениях, но и их исправление» [7 С. 78].

Отношение осужденного к обучению. Рассматриваемый критерий прямо закреплен в законе. Часть 3 статьи 108 и часть 4 статьи 112 УИК РФ [2] указывают, что отношение осужденного к получению начального профессионального образования и профессиональной подготовки, а также получение осужденным основного общего и среднего (полного) общего образования учитываются при определении степени его исправления.

Добросовестное отношение к обучению, как показатель исправления осужденного – это осознанное стремление осужденного к изучению учебных программ, выраженное в успешном получении знаний и практических навыков по профессии выбранной осужденным, постоянность (систематичность) посещения занятий, его успеваемость и самостоятельность в получении знаний, мотивы обучения, стремление к получению дополнительных знаний вне учебного процесса и продолжение образования после освобождения. Отсутствие указанных признаков или же отказ осужденного от обучения позволяют констатировать об отсутствии исправления. Участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях также закреплено в частях 2, 3 статьи 109 УИК РФ [2].

Раскаяние, как критерий исправления свидетельствует об окончательной перестройке личности осужденного. На данном этапе происходит окончательная, можно сказать коренная перестройка личности, вместо отрицательных (негативных, антисоциальных, преступных и других) качеств вырабатывается противоположные качества, отвечающие общим интересам и социальным ценностям. Раскаяние показывает активную работу осужденного над своей личностью, дачи отрицательной оценки своему прошлому поведению или же отрицательное отношение с совершенному. Это все и есть, по

сути, главное, что должно быть достигнуто в результате применения уголовного наказания

В теории, лицо, раскаявшееся в совершенном деянии, - это лицо, которое стремится прекратить связь с преступным прошлым, не только ограничиваясь исполнением требований режима отбывания наказания, но и соблюдением обязанности общегражданского долга. Осужденный, как правило, не поддается исправлению, в случае если он не раскался в совершенном преступлении и, следовательно, не подлежит условно-досрочному освобождению.

Возмещение ущерба или компенсация вреда иным образом, является самым спорным критерием исправления лица подлежащего условно-досрочному освобождению в данном перечне.

Ряд авторов приводит позицию о том, что вред заглаживаемый осужденным может быть не только материального характера, но и других видов, например физического или морального. Физический вред можно загладить путем оплаты лечения, реабилитационного отдыха потерпевшего. Но, возмещение рассматриваемого вида опять же зависит от материального благосостояния осужденного.

Говоря об эффективности возмещения морального вреда, следует заметить, что данный способ возмещения применим лишь к делам о клевете и оскорблении, в отношении других категорий дел (например: изнасилование) это малоэффективно.

Невозможно на 100% утверждать, что компенсация является подтверждением начавшихся позитивных изменений в сознании осужденного. Практика показывает, что не всегда желание загладить причиненные преступлением последствия, путем возмещения имущественного вреда будет служить своеобразным индикатором раскаяния. Данное обстоятельство не является достаточным основанием для признания критерием исправления осужденного.

Возможность возмещения ущерба, а, следовательно, и условно-досрочного освобождения, связывается с имущественным положением осужденного, что само по себе не соответствует природе уголовно-исполнительного права. Компенсация вреда, являясь целью иска в уголовном процессе, не относится к области публично-правового регулирования, поэтому ее закрепление в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации выглядит весьма противоречивым.

Исследования аспектов условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы позволяют выявить еще одну проблему в определении критериев исправления. «В ст. 79 УК РФ не указаны особенности его применения в отношении женщины, в том числе имеющей малолетнего ребенка, и не сформулированы критерии признания осужденной не нуждающейся в полном отбывании наказания» [9 С. 66]. Данная неопределенность вызывает споры при применении условно-досрочного освобождения и порождает не единообразную правоприменительную практику. Так, введение новых дополнительных критериев поможет определить степень исправления осужденной, облегчит работу

судов и исключит вероятность неправомерного применения к ней УДО. Такими критериями, например, могут быть отношение женщины к состоянию своего здоровья, ее отношение к своему ребенку.

Таким образом, все вышеперечисленные результаты проведенного исследования критериев, которые характеризуют личность осужденного, должны учитываться в тесной взаимосвязи, так как в отдельности они лишь являются косвенными доказательством исправления осужденных.

Использованные источники:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 21.03.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.04.2020) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.03.2020).
3. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации Н.А. Беляев. - Л., 1986. - 176 с.

УДК 34

Соколов Никита Сергеевич

Студент магистратуры Сибирского юридического университета, Россия, г. Санкт-Петербург

ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА АВТОРСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Sokolov Nikita Sergeevich

Master student of the Siberian Law University, Russia, St. Petersburg

CONCEPT AND SPECIFICITY OF COPYRIGHT RELATIONS

Resume:

Legal relationship is a basic category of both jurisprudence in general and individual legal disciplines in particular, representing a certain legal assessment of any socially significant social relationship. The paper considers the change in the opinion of scientists on the concept of copyright, starting from the 19th century and ending with the present. The research of such authors as: G. F. Shershenevich, OS Ioffe, E.A. Morgunova, A.I. Litvinova.

Аннотация:

Правоотношение является базовой категорией как юриспруденции в целом, так и отдельных юридических дисциплин в частности, представляя собой определенную правовую оценку всякого социально значимого общественного отношения. В работе рассматривается изменение мнения ученых о понятии авторского права, начиная с 19 века и заканчивая современностью. Приводятся исследования таких авторов как: Г. Ф. Шершеневича, О.С. Иоффе, Е. А. Моргуновой, А.И. Литвиновой.

Keywords: *legal relationship, conceptual apparatus, copyright, specificity, Civil Code of the Russian Federation*

Ключевые слова: *правоотношение, понятийный аппарат, авторское право, специфика, Гражданский кодекс Российской Федерации*

Институт авторского права является одним из важных институтов в сфере интеллектуальной собственности и существует главным образом для того, чтобы позволить обществу иметь широкий доступ ко всем достижениям интеллектуальной творческой деятельности, а также вознаграждать и защищать тех, кто способствует возникновению и распространению этих достижений.

4. Казак Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы / под ред. С.Н. Пономарева, С.А. Дьячковского. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. 324 с.

5. Зубков А.И. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. N 4.

6. Кашуба Ю.А., Скиба А.П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: Преступление и наказание. 2011. № 1. С. 385-388.

7. Минстер М. В. Трудовая адаптация осужденных к лишению свободы как средство их исправления // Закон и право. 2017. №5. С. 76-80.

8. Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 30.

9. Соколова О. Основания применения условно-досрочного освобождения: анализ правоприменительной практики // Уголовное право. 2013. № 1. С. 66 - 70.

Само авторское правоотношение относится к личным неимущественным отношениям, связанным с имущественными правами. Хотя правоотношения в сфере авторского права и регулируются гражданским законодательством, их специфичность кроется в том, что изначально эти отношения возникают вне правового поля, в результате определенного творческого процесса отдельного лица или группы лиц.

Авторские правоотношения возникают в связи с созданием и использованием нематериальных благ — произведений науки, литературы или искусства. В отличие от материальных объектов произведения характеризуются своей бестелесностью, непотребляемостью, неограниченностью в пространстве и кругом участников правоотношений. Специфика авторских правоотношений видится в том, что объектом авторских правоотношений является не само произведение, а субъективные права на это произведение, что обусловлено нематериальной природой творческих произведений [1, с. 47].

С течением времени понятие авторского правоотношения подвергалось существенным изменениям. Так, в рамках досоветской цивилистики данного понятия не существовало в принципе, однако планомерно формировались его основные признаки. Описание признаков подобного рода можно встретить в трудах Г.Ф. Шершеневича, который указывал, что авторские отношения являются гражданскими отношениями, имеющими абсолютный характер и возникающие вследствие умственной работы. В качестве активного субъекта таких правоотношений автор предлагал рассматривать автора произведения, а в качестве пассивного субъекта — всех лиц, которые подчиняются одной политической власти. Исследователь констатировал, что правоотношения подобного рода обладают относительной самостоятельностью и существенно отличаются от вещных правоотношений [2 с. 334]

В период расцвета СССР основные подходы к формированию понятийного аппарата авторских и гражданских правоотношений были существенно затруднены на фоне политического строя, существующего в данный период. Так, юридическая доктрина анализируемого периода определяла понятие авторского правоотношения через призму понятия авторского права, но, тем не менее, выделяя объект, субъект и содержание данного правоотношения. Так, О.С. Иоффе отмечал, что авторское право является «совокупностью норм, которые осуществляют правовое регулирование личных и имущественных отношений, возникающих на фоне создания и дальнейшего использования авторских произведений. Авторские произведения в данном смысле являются неповторимым и строго индивидуальным отражением объективной действительности автором» [3, с. 15]. Также исследователь отмечал, что «отношения, регулирующие нормы авторского права, традиционно возникают на фоне создания и дальнейшего использования авторских произведений и в одной своей части данные отношения являются личными, а в другой — имущественными» [3, с. 14].

В рамках современного правового поля ученые, которые вышли из советской правовой школы, также ограничиваются лишь понятием авторского права, рассматривая его в объективном и субъективном смысле. Например, Е.А. Моргунова под авторским правом в объективном смысле понимает систему правовых норм, которые регулируют отношения, возникающие на фоне создания произведения, использования исключительного права на него

и переходом исключительных прав от одного лица к лицу другому» [4, с. 12]. В свою очередь, «под отношениями, которые регулируются нормами авторского права, исследователь понимает общественные отношения, которые возникают на фоне создания произведения, использования исключительного права на него, а также переходом исключительных прав» [4, с. 13].

В рамках своего исследования А.И. Литвина отмечает, что «правоотношения, которые возникают в рамках авторского права, являются гражданско-правовыми отношениями, возникающими в связи с созданием произведения и его дальнейшим участием в гражданском обороте». Таким образом, исследователь выводит такое понятие авторского правоотношения, которое тесно взаимосвязано с их содержанием, представляющим собой исключительные авторские права. Автор подчеркивает, что правоотношения, которые возникают в области авторского права, дифференцируются на две группы. Во-первых, на авторские правоотношения, содержание которых представлено авторскими правами и на правоотношения, которые связаны с авторскими правами и являются от них производными. Таким образом, авторские правоотношения являются правоотношениями, содержанием которых являются авторские права. В свою очередь, иные отношения, которые существуют в сфере авторского права, будут регулироваться авторским правом только в той части, в которой они имеют взаимосвязь с авторскими правоотношениями.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что авторские правоотношения возникают в связи с созданием и использованием нематериальных благ. Дать относительно верное определение в данный момент не представляется возможным. Связано это с многочисленными теоретическими подходами к определению сущности правоотношения в целом. С другой стороны — это связано со стремлениями авторов дать относительно краткое определение, раскрывающее при этом все существенные признаки явления.

Список литературы:

1. Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. д-ра юрид. наук. М., 2016. 460 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Афтограф, 2001. 719 с.
3. Иоффе О.С. Основы авторского права. Авторское, изобретательское право, право на открытие: учеб. пособие. М.: Знание, 1969. 127 с.
4. Авторское право: учеб. пособие / Е.А. Моргунова; отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Норма, 2009. 288 с.
5. Литвина, А.И. Авторское правоотношение в современной юридической доктрине // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2014. - № 2.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 дек. 2006 №230-ФЗ // Рос. газета. 2006. 22 дек

Нестерова Татьяна Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент
МГУ им. Н.П. Огарева
Троицкая Екатерина Сергеевна,
магистрант
МГУ им. Н.П. Огарева

УСЛОВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Nesterova Tatyana Ivanovna,
Candidate of Law, Associate Professor
Moscow State University N.P. Ogareva
Troitskaya Ekaterina Sergeevna,
undergraduate
Moscow State University N.P. Ogareva

CONDITIONS OF CIVIL LEGAL RESPONSIBILITY

Аннотация:

Одним из актуальных вопросов в гражданском праве является определение условий наступления гражданско-правовой ответственности. Изучением данного вопроса занимаются разные ученые правовой дисциплины, в работе представлены мнения в отношении представленной темы таких исследователей как: А. Ю. Кирсанова и В. П. Грибанова. Автором статьи предложено сочетание следующих условий, сочетание которых будет служить основанием привлечения к ответственности: наличие вреда, причинная связь, вина.

Abstract:

One of the pressing issues in civil law is the determination of the conditions for the occurrence of civil liability. Various scholars of legal discipline are engaged in the study of this issue, the opinions of such researchers as A. Yu. Kirsanova and V.P. Gribanova are presented in this work. The author of the article proposes a combination of the following conditions, the combination of which will serve as the basis for bringing to justice: the presence of harm, causation, fault.

Ключевые слова: ответственность, гражданское право, правонарушение, состав, условия
Keywords: liability, civil law, offense, composition, conditions.

В гражданском праве уже много лет спорными являются вопросы, касающиеся условий наступления гражданско-правовой ответственности. Необходимым основанием наступления такого вида ответственности является правонарушение. Такое высказывание считалось безусловным, как в начале прошлого века, так и в современное время [7, с. 14]. Правонарушение является фактическим основанием гражданско-правовой ответственности. Таким образом, юридическим фактом, порождающим охранительное правоотношение, является именно правонарушение. Как раз-таки в рамках данного юридического факта к правонарушителю будут применены меры имущественного характера. Говоря об условиях наступления гражданско-правовой ответственности, стоит отметить, что их определяют, как признаки, соответствующие правонарушению.

«Состав гражданского правонарушения» – категория, которую многочисленные цивилисты определяют, как необходимое основание привлечения к гражданско-правовой ответственности. Так, Геннадий Матвеев пишет, что единой основой гражданской ответственности – является именно состав гражданского правонарушения. По-другому говоря, состав правонарушения – это факт, создаю-

щий правовые отношения между правонарушителем и потерпевшим и порождающий реальные притязания потерпевшего, а также обязанности нарушителя по устранению причиненного им ущерба [5, с. 5]. Таким образом, состав гражданского правонарушения – это совокупность условий необходимых для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

Возникает вопрос: сочетание каких условий будет служить основанием привлечения к ответственности? Чаще всего в учебниках гражданского права в качестве компонентов состава гражданского правонарушения указаны: противоправность поведения лица, наличие убытков, причинная связь между противоправным действием и убытками, вина правонарушителя [4, с. 255].

Кирсанов А. Ю. в своих работах поддерживает именно такую позицию: он считает, что окончательный состав гражданского правонарушения должен включать четыре составляющих: 1) противоправность поведения лица, 2) наличие причиненного вреда, 3) причинная связь между противоправным поведением и вредом, 4) вина правонарушителя [3, с.64].

Иное мнение, касающееся структуры состава правонарушения и соответственно входящих в него элементов высказал Алексеев С. С. Он считал, что

при классификации общих признаков состава гражданского правонарушения их стоит разложить по трем сторонам состава: объект, субъект, объективная сторона, которая включает в себя объективированный вредоносный результат, противоправность и причинную связь [1, с. 321].

Также свое мнение на данный вопрос высказывал Грибанов В. П.. Он считал, что совокупность общих условий, необходимых для привлечения к ответственности деликвента, которые при этом должны встречаться, пусть и в разных сочетаниях, но при каждом гражданском правонарушении – называется составом гражданского правонарушения. Поэтому Грибанов относил к таким элементам: права и обязанности, при нарушении которых необходимо привлечение к ответственности; неправомерное нарушение субъектом его обязанностей, а также нарушение субъективных прав иных лиц; наличие вреда или убытков, причиненных неправомерным поведением правонарушителя; наличие причинной связи между противоправным поведением правонарушителя и наступившими вредоносными последствиями; и, наконец, наличие вины правонарушителя [2, с. 411].

Стоит также отметить, что некоторые ученые считают риск – одним из элементов состава гражданского правонарушения. Риск они рассматривают в качестве неблагоприятных имущественных последствий или же обстоятельств объективной действительности, которые могут привести к таким последствиям.

На наш взгляд, наиболее правильно будет рассматривать состав гражданского правонарушения, как четырехзвенную систему. А именно включать в состав такого правонарушения условия, которые были названы Кирсановым, а также большинством ученых в области гражданского права.

Перейдем к более подробному рассмотрению каждого из условий.

Противоправный характер деяния – первоначальное условие гражданско-правовой ответственности. Характеристикой данного условия будет являться то, что поведение лица незаконно и нарушает субъективное право, а это значит, что данное поведение не зависит от знания или же незнания неправомерности своего поступка нарушителем. Противоправное деяние может быть выражено в двух формах: действие или бездействие. Действие будет характеризоваться в качестве противоправного, если оно прямо запрещено или же противоречит закону или иному правовому акту. Бездействие, в свою очередь, считается противоправным, если лицо обязано было совершить какой-либо поступок, но не совершило его.

Есть случаи, при которых поведение лица не будет считаться противоправным. Например, существует категория «вредоносное поведение», которое не будет рассматриваться как противоправное. Поведение будет считаться вредоносным, если оно выражено в исполнении служебных, профессиональных функций. Также к таким, так скажем исключениям относится крайняя необходимость и необходимая оборона. Еще к таким случаям можно

отнести согласие лица на причинение ему вреда, при этом действия лица, причиняющего вред, не должны нарушать нравственных принципов общества.

Второе условие, которое делает возможным наступление гражданско-правовой ответственности, – это наличие вреда. В гражданском праве вред понимается, как уничтожение, преуменьшение материального блага или нематериального. Таким образом, вред можно разделить на материальный и моральный. Материальный вред представлен в убытках, т.е. в расходах лица, право которого было нарушено, на восстановление нарушенного права. Убытки делятся на реальный ущерб и упущенную выгоду. Моральный вред – это такие последствия от правонарушения, которые не имеют стоимостного содержания.

Причинная связь – еще одно условие наступления гражданско-правовой ответственности. Причинно-следственная связь между правонарушением и наступившими последствиями – это объективная, взаимная связь между двумя событиями: первое – является причиной, предшествует второму и неизбежно приводит к нему, второе – результат действий первого. Объективный характер причинной связи выражается в том, что взаимосвязь явлений реально существует, а не обозначается как субъективное представление о ней. Исходя из этого, такая связь основывается не на предположениях или догадках, а на действительно подтвержденных фактах.

Теперь же рассмотрим субъективную составляющую состава гражданского правонарушения, а именно вину. Виной принято считать – психологическое отношение субъекта к своему поведению. Принципом уголовного права является – презумпция невиновности лица, в гражданском праве наоборот наличествует принцип – презумпции вины правонарушителя. Презумпция вины означает, что правонарушитель должен будет доказать свою невиновность в совершенном правонарушении. Формами вины выступают – умысел и неосторожность. Чаще всего, степень вины деликвента не отражается на размере гражданско-правовой ответственности, но есть исключения, которые предусмотрены в законе или договоре.

Как было сказано ранее, вина – психологическое отношение лица к правонарушению и его последствиям, выраженное в форме умысла или же неосторожности. Умысел характеризуется, как сознательное совершение лицом антиобщественных действий или осознанное допущение и желание наступления результата таких действий. Неосторожность, в свою очередь, отличается тем, что субъект не предвидел наступления вредоносных последствий, хотя мог и должен был их предвидеть, или же он их предвидел, но легкомысленно рассчитывал их предотвратить.

В гражданском праве, по общему правилу, при любой форме и степени вины наступает ответственность. Отдельные нормы законодательства могут содержать исключения из данного правила, т.е. по

данным нормам наступление или размер ответственности будут связаны уже с конкретной формой и степенью вины. Например, ссудодатель, т.е. лицо передавшее имущество по договору безвозмездного пользования, должен отвечать за недостатки переданного имущества, которые он умышленно или по грубой неосторожности не оговорил при заключении договора.

Различают простую и грубую неосторожность. Простую неосторожность еще называют неосмотрительностью. Под неосмотрительностью понимается такая ситуация, когда лицо при должной внимательности и осмотрительности должно было и могло предвидеть наступление негативных последствий от своих действий, но не предвидело. В свою очередь под грубой неосторожностью понимается такая ситуация, при которой лицо предвидело наступление негативных последствий, но без достаточных оснований самоуверенно рассчитывало их предотвратить.

Существуют ситуации, когда наступление негативных последствий от деятельности лица, не подлежат наложению гражданско-правовой ответственности. К таким ситуациям относят: случай, непреодолимую силу и вину потерпевшего.

Вина в юридико-фактическом аспекте традиционно признаётся условием гражданско-правовой ответственности и является субъективной стороной гражданского правонарушения как основания ответственности. Вышеназванные положения позволяют поставить вопрос о нормативно-правовом значении вины, и прежде всего о признании её необходимым условием ответственности. Как известно, в литературе существует две позиции на этот счёт. Первая: вина является необходимым условием ответственности, в том числе и гражданско-правовой. Согласно такому подходу отсутствие вины правонарушителя исключает привлечение к ответственности, а если в этой ситуации законодателем допускаются определённые санкции, то они должны рассматриваться в качестве мер защиты. В соответствии с другим подходом ответственность может наступать по общему правилу за вину, а в случаях, предусмотренных законом, – независимо от вины или даже без вины [6, с. 67]. К этой позиции примыкают высказывания К. К. Яичкова, согласно которым ответственность возможна как за вину, так и без вины, причём эти начала ответственности имеют равное право на существование (теория «двух начал») [8, с. 145]. Мы считаем, что вина, как субъективная сторона гражданского правонарушения, выполняет важнейшую функцию признания

контролируемости правонарушителем своего поведения и тем самым ограничивает его от иного поведения, находящегося вне такого контроля.

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз отметить обязательные условия, позволяющие привлечь лицо к гражданско-правовой ответственности. Такими условиями являются: противоправное поведение лица, наличие вреда, причинно-следственная связь и вина правонарушителя. Отсутствие даже одного из этих условий, зачастую, делает невозможным применение мер гражданско-правовой ответственности. Определение и доказательство названных условий должно происходить по очередности, т.к. неимение одного из предыдущих условий лишает значения установление последующих. Совокупность названных составляющих позволяет привлекать виновное лицо к ответственности, а также восстанавливать справедливость по отношению к потерпевшему. Поэтому каждое условие гражданско-правовой ответственности играет важную роль в осуществлении правосудия.

Список использованных источников

1. Алексеев С. С. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки. / С. С. Алексеев. – М., Статут. 2005. – 654 с.
2. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. / В. П. Грибанов. – М., Статут. 2005. – 614 с.
3. Кирсанов А. Ю. О понятии «гражданско-правовая ответственность» / А. Ю. Кирсанов // Закон и право. – 2006. – № 11. – С. 64-65.
4. Коваленко О. В. Особенности элементного состава гражданского правонарушения / О. В. Коваленко // В сборнике: Сборник материалов международных научно-практических конференций. – 2018. – С. 255-259.
5. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности: курс лекций. / Г. К. Матвеев. – М.: Юрид. лит., 1970. – 312 с.
6. Шевченко Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве / Г. Н. Шевченко // Современное право. – 2017. – № 3. – С. 67-74.
7. Щербакова О. Е. Юридическая ответственность как социальная реальность / О. Е. Щербакова // Юрист. – 2003. – № 4. – С. 12-15.
8. Яичков К. К. Система обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве / К. К. Яичков // сборник статей: Вопросы гражданского права. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – С. 145-200.

Карпова Ирина Сергеевна*магистрант, кафедра гражданского права СибЮУ, г. Омск***ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УРОВНЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ.
ЧАСТЬ 1****Karpova Irina Sergeevna***Master student, Department of Civil Law, Siberian Law University, Omsk***LEGAL REGULATION OF ADVERTISING RELATIONS AT THE LEVEL OF MUNICIPAL
EDUCATIONS OF RUSSIA.
PART 1****Аннотация:**

Сфера рекламы достаточно сложная экономическая артерия. Это своего рода информационный инструмент, оказывающий влияние на развитие иных отраслей экономики. В данной работе автором рассматривается правовое регулирование данного вопроса в муниципальных образованиях нашей страны.

Abstract:

Advertising is a rather complicated economic artery. This is a kind of information tool that affects the development of other sectors of the economy. In this work, the author considers the legal regulation of this issue in the municipalities of our country.

Ключевые слова: *реклама, правовая система, рынок рекламы.*

Key words: *advertising, legal system, advertising market.*

Реклама является и индикатором благополучия. Снижение экономической активности тех или иных отраслей прямо отражается на рынке рекламы. Это первая статья в расходных обязательствах хозяйствующих субъектов, которая сокращается в период экономического спада той или иной отрасли. Вместе с тем отказавшись совсем от рекламы, отрасль может потерять привлекательность и вовсе.

На фоне мировой экономической нестабильности возникает развитие «черного» рынка рекламы. И как бы не парадоксально это звучало, но сама правовая система способствует развитию недобросовестной конкуренции.

Уже на уровне федерального законодательства существует возможность размещения рекламных конструкций без правоустанавливающих документов.

Казалось бы, задачей правовой системы является, в первую очередь, охрана установленных этой правовой системой норм. Любые установленные нормы и ограничения должны соблюдаться неукоснительно и безотлагательно. Только при таком подходе можно говорить о развитии добросовестной конкуренции.

Что же происходит на практике?

Федеральное законодательство в сфере рекламы основывается сразу на ряде нормативных правовых актов, но основным является Федеральный закон «О рекламе».

И именно некоторые положения данного инструмента права приводят к развитию «серых» схем размещения рекламных конструкций.

Согласно части 10 статьи 19 Федеральный закон «О рекламе» не допускается установка и эксплуатация рекламной конструкции без разрешения, срок действия которого не истек.

Уже сама конструкция данной нормы с правовой точки зрения построена не правильно. Что значит формулировка «срок действия которого не истек» и с какой целью она применена в данном положении.

Во-первых, разрешение – это правоустанавливающий документ на установку и эксплуатацию рекламной конструкции. Во-вторых, как и любой правоустанавливающий документ, оно имеет сроки действия. Так зачем же в данной части указывать формулировку «срок действия которого не истек», имеющую к тому же неоднозначное толкование с точки зрения лингвистики?

Отсутствие этой формулировки делало было более понятной конструкцию запрета размещения рекламных конструкций и свидетельствовало бы о том, что с окончанием срока действия разрешения на установку и эксплуатацию рекламной конструкции последняя переходит в разряд незаконно эксплуатируемых.

Еще более нелепой является часть 21 статьи 19 названного Федерального закона: «Владелец рекламной конструкции обязан осуществить демонтаж рекламной конструкции в течение месяца со дня выдачи предписания органа местного самоуправления муниципального района или органа местного самоуправления городского округа о демонтаже рекламной конструкции, установленной и (или) эксплуатируемой без разрешения, срок действия которого не истек, а также удалить информа-

цию, размещенную на такой рекламной конструкции, в течение трех дней со дня выдачи указанного предписания.».

Первое, на что следует обратить внимание, продолжая изучать выше приведенную проблематику, это то, что совершенно логично, что наличие разрешения с неистекшим сроком его действия не дает право органу местного самоуправления выдавать предписание на демонтаж законно установленной и эксплуатируемой рекламной конструкции.

Второе и наиболее интересное, это то, что законодатель отводит месячный срок владельцу рекламной конструкции на ее демонтаж.

И вот здесь то и возникает возможность развития недобросовестной конкуренции. Срок вполне достаточный для развития сети незаконного рынка рекламы.

На первый взгляд, если речь идет об установке и эксплуатации одной рекламной конструкции, вроде бы ничего страшного и можно было бы отнести этот срок к разумному, однако на практике это выглядит следующим образом.

Недобросовестный рекламодатель размещает рекламные конструкции, например, щиты. До момента обнаружения незаконно установленных рекламных конструкций органом местного самоуправления проходит какой-то срок, и зачастую он не маленький, учитывая ограниченность ресурсов муниципалитетов.

Обнаружив щиты, представитель муниципалитета предпринимает попытки установить их владельца, что зачастую является безуспешной и абсолютно бессмысленной тратой времени. При этом свою функцию рекламный носитель продолжает исполнять. И тут возникает два сценария развития событий. Согласно первому сценарию, владелец найден, установлены его данные для отправки предписания о демонтаже незаконных рекламных конструкций. С учетом времени подготовки, согласования и почтовой доставки срок их размещения еще увеличится дней на 10-14. И если владелец рекламных конструкций соизволит получить заветное письмо (что также является крайне редким явлением – дабы не допустить правовых последствий владельцы рекламных конструкций зачастую не получают «письма счастья»), то у него будет в запасе еще 1 месяц для устранения нарушений. По итогу имеем почти 1 квартал незаконного распространения рекламы. А если владелец еще добровольно и не исполнил свои обязательства, то муниципалитет должен организовать демонтаж рекламных конструкций за счет бюджетных средств, что также потребует времени и даст их владельцу возможность продлить срок размещения рекламы и получить заветный дополнительный, необлагаемый налогами и платежами заработок.

Кто-то скажет, так муниципалитет должен взывать все затраты включая неосновательное обогащение за фактическое использование земельного участка для размещения рекламной конструкции. Конечно, в теории это так, но на практике выполнение этого вида работ также очень хромает, так как требует значительных трудозатрат для

сбора доказательной базы, подтверждающей период размещения каждой рекламной конструкции.

Кроме того, если владелец рекламных конструкций не произвел самостоятельный демонтаж конструкций, то орган местного самоуправления должен направить предписание владельцу земельного участка или иного недвижимого имущества, к которому присоединена рекламная конструкция, о необходимости ее демонтажа и дать еще месяц на исполнение предписания (если конечно земельный участок или иное недвижимое имущество, к которому присоединена рекламная конструкция, не находится в ведении муниципалитета).

Относительно второго сценария развития событий. Владелец рекламной конструкции не установлен и муниципалитет в соответствии с частью 21.2 статьи 19 Федерального закона «О рекламе» организует работы по ее демонтажу за счет средств муниципального бюджета.

Для этого сначала необходимо провести торги в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (лучший вариант, если торги уже проведены и заключены необходимые муниципальные контракты). Но если все же нет, что в условиях нынешнего экономического положения весьма вероятно, то что конструкции будут стоять еще значительное время, а их владелец вести незаконный бизнес.

Возможностью частичного решения данного вопроса могло бы стать наделение муниципалитетов правом проведения работ по демонтажу незаконных рекламных конструкций силами собственных подведомственных подразделений (в случае если такая возможность имеет) без организации проведения торгов. Это способствовало бы сокращению расходов муниципального бюджета, построению системной работы в решении вопроса незаконного размещения рекламных конструкций и никоим образом бы не нарушало правовую конструкцию исполнения возложенных на муниципалитет полномочий.

По данному пути пошли представители муниципальной власти города Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других субъектов Российской Федерации (постановление Правительства Москвы от 12 декабря 2012 года № 712-ПП «Об утверждении правил установки и эксплуатации рекламных конструкций», постановление Правительства Санкт-Петербурга от 25 июля 2006 года № 904 «О выдаче разрешений на установку и эксплуатацию рекламных конструкций в Санкт-Петербурге и проведении торгов на право заключения договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции на земельных участках, зданиях или ином недвижимом имуществе, находящемся в государственной собственности Санкт-Петербурга, а также на земельном участке, государственная собственность на который не разграничена»).

Список литературы:

1. О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. Закон от 22 марта 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении правил установки и эксплуатации рекламных конструкций: постановление Правительства Москвы от 12 декабря 2012 г. № 712-ПП. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. О выдаче разрешений на установку и эксплуатацию рекламных конструкций в Санкт-Петербурге и проведении торгов на право заключения договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции на земельных участках, зданиях или ином недвижимом имуществе, находящемся в государственной собственности Санкт-Петербурга, а также на земельном участке, государственная собственность на который не разграничена: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 25 июля 2006 г. № 904. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Colloquium-journal №9(61), 2020

Część 9

(Warszawa, Polska)

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Czasopismo jest zarejestrowany i wydany w Polsce. Czasopismo publikuje artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Magazyn jest wydawany w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Częstotliwość: co tydzień

Wszystkie artykuły są recenzowane.

Bezpłatny dostęp do elektronicznej wersji magazynu.

Przesyłając artykuł do redakcji, autor potwierdza jego wyjątkowość i jest w pełni odpowiedzialny za wszelkie konsekwencje naruszenia praw autorskich.

Opinia redakcyjna może nie pokrywać się z opinią autorów materiałów.

Przed ponownym wydrukowaniem wymagany jest link do czasopisma.

Materiały są publikowane w oryginalnym wydaniu.

Czasopismo jest publikowane i indeksowane na portalu eLIBRARY.RU,

Umowa z RSCI nr 118-03 / 2017 z dnia 14.03.2017.

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak, Ewa Kowalczyk**

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

Format 60 × 90/8. Nakład 500 egzemplarzy.

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>